

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Краткие сообщения
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

XVIII

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Краткие сообщения
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

XVIII

ЯЗЫКОЗНАНИЕ



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва • 1956

Редакционная коллегия:

член-корр. АН СССР *А. А. Губер* (отв. редактор),
член-корр. АН Тадж. ССР *И. С. Брагинский*,
проф. *И. М. Ошанин*, канд. ист. наук *В. В. Балабушевич*,
канд. ист. наук *Г. Д. Тягай*

СТАТЬИ

Б. К. Пашков

доктор филологических наук

ВКЛАД РУССКИХ УЧЕНЫХ В ИЗУЧЕНИЕ МАНЬЧЖУРСКОГО ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ

В архивах Советского Союза (Москва, Ленинград, Алма-Ата) имеются обширные маньчжурские фонды, характеризующие сношения России с Китаем на протяжении более 200 лет. Эти фонды еще совершенно не изучены. Имеются только предварительные информации, данные В. Котвичем, А. В. Гребенщиковым и Н. В. Кюнером¹.

В советских книгохранилищах и архивах представлены образцы маньчжурской письменности во всем многообразии. В этом отношении Советский Союз занимает одно из первых мест в мире. Маньчжурские фонды собирались на протяжении свыше 200 лет.

Изучение маньчжурского языка в России началось в первой четверти XVIII в. Первым ученым в России, который занимался изучением китайского и маньчжурского языков, обычно считают академика Байера (1694—1738). В действительности уже в XVII в. в России должны были быть самоучки-толмачи — переводчики монгольского, маньчжурского и китайского языков. Они были необходимы в ранних пограничных сношениях России с Китаем (Нерчинский договор 1689 г. оформлен на русском, латинском и маньчжурском языках) и в караванной торговле, которую Россия вела с Китаем.

Главная заслуга в создании раннего русского маньчжуроведения принадлежит Пекинской духовной миссии, которая со дня основания (1715) до Тяньцзинского договора (1858) исполняла и светские дипломатические функции и служила посредником и помощником в деле сношений России с Китаем. Члены миссии занимались также изучением Китая. Каждые десять лет состав миссии должен был меняться, но этот срок не всегда выдерживался. Миссия находилась в ведении Синода и Коллегии иностранных дел, а с 1832 г. в ведении Министерства иностранных дел.

Кяхтинским трактатом (1727) в составе миссии была предусмотрена организация группы студентов из шести человек для изучения в Пекине китайского и маньчжурского языков. Создание такой группы сыграло громадную роль в развитии русского маньчжуроведения и, в частности, маньчжурской филологии.

¹ См. доклад проф. Н. В. Кюнера на сессии архивных работников Казахской ССР «Значение архивных материалов на китайском и маньчжурском языках Центрального исторического архива Казахской ССР для изучения истории ранних русско-китайских сношений в Западном Китае». Алма-Ата, 1948.

Из состава Пекинской духовной миссии, и главным образом из среды студентов миссии, вышли, по выражению проф. Захарова, «великие знатоки маньчжурского языка»¹, которые создали ряд ценных работ — словарей, грамматических заметок и переводов важнейших памятников маньчжурской письменности, к сожалению, оставшихся в большинстве случаев в рукописях, из которых к тому же немало утрачено².

В XVIII в. из состава студентов миссии особенно выделялись И. К. Россохин, А. М. Владыкин, А. Л. Леонтьев и А. С. Агафонов. Все они по тому времени были превосходными и единственными в России знатоками маньчжурского языка и письменности. В XVIII в. в Пекине еще можно было слышать маньчжурскую речь, и они в бытность свою там имели возможность полностью овладеть ею, а также непосредственно знакомиться с китайской издательской деятельностью Ученого комитета (Фукчжинга хэргэнь курэнь) и доставать через своих учителей-маньчжуров их издания. В России они состояли в должности переводчиков в Академии наук, в Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел, при иркутском генерал-губернаторе и при Кяхтинской таможне.

Остановимся на краткой характеристике работ указанных маньчжуроведов.

Иларион Калинович Россохин (1707—1761) был студентом в составе II и III миссий (1729—1741). По возвращении из Китая (1741) был назначен переводчиком по китайскому и маньчжурскому языкам при Академии наук и одновременно преподавателем этих языков в школе, организованной по его предложению при Академии наук. И. К. Россохин, таким образом, был первым в России и вообще в Европе учителем маньчжурского (и китайского) языка. В качестве учебного руководства он перевел на русский язык «Цин-вэнь ки-мэн» («Основы маньчжурской письменности»), опубликованный в Китае в 1730 г. В Западной Европе перевод «Цинвэнь ки-мэн» сделан на английский язык только спустя более ста лет после этого³.

Из других работ И. К. Россохина следует указать на перевод с маньчжурского многотомной (в 17 частях) истории маньчжур «Па-ци тун-чжи» («Описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска восьми знаменах состоящего»). Перевод, законченный А. Л. Леонтьевым, был опубликован после смерти И. К. Россохина в 1784 г.⁴

Алексей Матвеевич Владыкин был в Пекине с 1731 по 1746 г. Он является автором первой краткой грамматики маньчжурского языка на русском языке⁵. А. М. Владыкин и А. Л. Леонтьев в XVIII в. были главными составителями маньчжуро-китайско-русского

¹ И. И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875, стр. XXX.

² Можно указать, например, на исчезновение почти законченного труда И. И. Захарова «Китайско-маньчжурско-русский словарь», о чем говорит В. П. Васильев в своей статье «Воспоминания об И. И. Захарове» («Журнал министерства народного просвещения», 1885, XI, стр. 110).

³ См. Wylie. Translation of the Ts'ing wan K'e mung, a Chinese grammar of the Manchu Tartar language. Shanghai, 1855. В нашей статье заглавия маньчжурских книг даются в транскрипции, принятой в печати. — Б. П.

⁴ О И. К. Россохине см. В. П. Таранович. Иларион Россохин и его труды по китаеведению. «Советское востоковедение», III, 1945, стр. 225—241.

⁵ См. И. М. Захаров. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879, стр. VI.

словаря, который продолжал разрабатываться участниками следующих миссий. Работы А. М. Владыкина не были опубликованы.

Алексей Леонтьевич Леонтьев (Левонтьев) прожил в Пекине с 1742 по 1754 г. С 1755 г. до конца своей жизни (1786) был переводчиком при Государственной коллегии иностранных дел. За это время он сделал много переводов с маньчжурского языка, из которых особенно важны следующие. «Сы-шу-гэй» («Четыре книги с толкованиями», 1780). Это первый опыт перевода китайского «Четверокнижия» на русский язык. «Тайцин гурунь-и ухэри кооли» («Все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства, в трех частях», 1781—1783); в конце дано интересное приложение: словарь специальных маньчжурских терминов (стр. I—XXIII). «Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке Хану, с описанием земель и обычаев Российских». СПб., 1782.

Алексей Семенович Агафонов был в составе студентов VI миссии (1771—1784); с 1787 г. был переводчиком при Государственной коллегии иностранных дел; перевел с маньчжурского языка: «Джунгин» («Книга о верности»). СПб., 1788; «Эньдурингэ ташихянь» («Книга поучений Канси»). СПб., 1795 и ряд других книг¹.

Русские маньчжуроведы XVIII в. оказали неоценимую услугу маньчжурской филологии. Они первые познакомили русское общество с маньчжурским языком и письменностью. Они были и первыми учителями маньчжурского языка в России, воспользовавшись при этом всей системой (учебники и методы) преподавания маньчжурского языка, выработанной в Китае. Они перевели на русский язык известные маньчжурско-китайские руководства: «Цин-вэнь ки-мэн» (И. К. Россохин, А. М. Владыкин), «Цин-вэнь чжи-яо», иначе — «Тангу Мэнь» (И. К. Россохин), «Сань-цзы-цзин» («Трисловное нравоучение» Россохина), «Сы-шу» или «Сы-шу-гэй» (А. Л. Леонтьева) и др. Эти руководства служат основой изучения маньчжурского языка до настоящего времени: они входят в состав почти всех маньчжурских хрестоматий, на них базируются все европейские грамматики маньчжурского языка.

В переводе на другие европейские языки (главным образом английский) указанные сочинения появились только в следующем, XIX в. (перевод Уайли «Цин-вэнь ки-мэн» — в 1855 г. и переводы «Цин-вэнь чжи-яо», опубликованные частично Мэллендорфом в 1892 г. и полностью Фрезером в 1924 г.²).

Русские маньчжуроведы XVIII в. положили начало особой русской школе маньчжурской филологии, отличающейся на первых порах преимущественным вниманием к маньчжурским первоисточникам. Они собрали ценнейшие памятники маньчжурской письменности, которые потом легли в основу богатейших маньчжурских фондов Азиатского департамента Коллегии иностранных дел и Академии наук. Им же принадлежат и первые версии перевода на русский язык значительной части этих памятников. Отбор памятников для перевода, сделанный по

¹ А. Агафонов сделал много переводов с маньчжурского языка, умер в Кяхте в 1794 г. О важнейших его переводах см. «Описание Маньчжурии», под редакцией Дмитрия Позднеева. Приложение IX—Б, стр. 17. СПб., 1897.

² P. G. Möllendorff. A Manchu grammar with analyzed texts. Shanghai, 1892. После краткой грамматики дается текст с английским переводом первых десяти, а не всех 100 глав, как утверждает Лауфер и др. M. Forbes, A. Fraser. Tanggu Meyen and other Manchu reading lessons. London, 1924.

их собственной инициативе, характеризует их широкую осведомленность в области маньчжуроведения.

Второй важной чертой русской филологической школы маньчжуроведов в отличие от западноевропейской было обязательное изучение истории маньчжур, их быта и социально-экономического положения. В первую очередь переводились труды этой тематики.

Третьей характерной чертой русской школы маньчжуроведов было обязательное изучение маньчжурского языка совместно с китайским (а также и с монгольским).

Наконец, русские маньчжуроведы усиленно занимались разработкой маньчжурско-русского и маньчжурско-китайско-русского словарей.

В XVIII в. русские маньчжуроведы были выдающимися авторитетами и экспертами по всем маньчжурским и китайским вопросам. Так, проф. Фишер И. Э. (1697—1771) называл материалы Россохина «надежными известиями»¹. Журналы «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» и др. печатали их статьи; издавались их многотомные переводы. Тем не менее большая часть трудов русских маньчжуроведов, как уже говорилось, осталась в рукописях. Немалое количество их пропало, богатое наследство до сих пор не изучено. Мы имеем только более или менее обстоятельную статью о И. К. Россохине² и мало знаем о не менее важных работах А. Л. Леонтьева, А. С. Агафонова, А. М. Владыкина и других, здесь не названных³.

В первой половине XIX в., как и в XVIII в., изучением маньчжурского языка в России занимались только члены Пекинской духовной миссии и лица, причисленные к ней (на правах «студентов»).

Из среды миссии, и главным образом из состава студентов, и в это время выделились крупнейшие маньчжуристы, которые своими трудами завоевали русскому маньчжуроведению мировую славу.

Опираясь на работы своих славных предшественников и имея лучшую предварительную подготовку, они и пребывание свое в Пекине могли использовать с большей эффективностью для маньчжуроведения. Из их среды вышли первые профессора маньчжурского языка и литературы — И. П. Войцеховский, В. П. Васильев и И. И. Захаров. Крупнейшими знатоками маньчжурского языка были и С. В. Липовцов, П. И. Каменский, З. Леонтьевский, Аввакум Честной, Г. М. Розов, В. В. Горский и др.

Липовцов Степан Васильевич, участник VIII миссии и корреспондент С.-Петербургской Академии наук по отделу восточных литератур и древностей (умер в 1841 г.). Наиболее известны его работы: «Маньчжурский букварь» (СПб., 1839), разработанный на основе маньчжурско-китайского руководства «Цин-вэнь ки-мэн»; перевод с маньчжурского языка «Тулерги голо бэ дасара чжургань-и коо чи хачинь-и

¹ См. И. Э. Фишер. Рассуждение о разных именах китайского государства и о ханских титулах. «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1756, стр. 311—327.

² См. В. П. Таранович. Иларион Россохин и его труды по китаеведению. «Советское востоковедение», 1945, III, стр. 225—241.

³ S. Couling в своей «The Encyclopaedia Sinica» (Shanghai, 1917) говорит: «Русские были первыми европейцами, серьезно изучавшими маньчжурский язык» (стр. 324). А. П. Конаков в своей интересной статье «Маньчжуристика в России и в СССР» («Известия АН СССР». Отд. лит-ры и языка, 1947, т. VI, вып. 5) подтверждает, что «признание за русскими маньчжуристами ведущей роли в маньчжуроведении — факт бесспорный и совершенно справедливый» (стр. 417).

битхэ» («Уложение китайской палаты внешних сношений). СПб., 1828; «Каталог китайским (со включением маньчжурских. — Б. П.) и японским книгам» (СПб., 1818), составлен вместе с П. Каменским.

С. В. Липовцов в своих переводах обстоятельно разработал административно-политическую терминологию маньчжурского языка. В каталоге он показал превосходное знание китайско-маньчжурской литературы. По словам проф. Захарова, он был великим знатоком маньчжурского языка; ему принадлежат и переводы с русского языка на маньчжурский¹.

Каменский Петр (до монашества Павел Иванович), участник (студент) VIII (1794—1807) и начальник X миссии (1821—1831). Автор пятиязычного «Маньчжурско-китайско-монгольско-латинско-русского словаря» (рукопись); при активном участии П. Каменского создавался маньчжурско-китайский фонд библиотеки азиатского департамента коллегии иностранных дел².

В рукописном фонде Института востоковедения Академии наук СССР имеется крайне отрицательная «Рецензия на пятиязычный словарь, издаваемый Г. Каменским», написанная Иакинфом Бичуриным. В заключении этой рецензии говорится:

«Маньчжурский язык, первоначально принадлежа к числу языков кочевых народов, изобиловал подробностями, до звероловства, скотоводства и прочих степных предметов относящимися, в утонченных же понятиях образованных государств был скуден. По сей причине маньчжуры, когда овладели Китаем, принуждены были для изложения государственных учреждений принять множество нравственно-политических китайских речений и к оным изобретать равносильные свои слова. Таким образом в сем словаре китайская словесность сделалась основанием маньчжурской, и российский переводчику оного надлежало иметь обширное практическое сведение в трех языках: в маньчжурском, китайском и русском» (стр. 136).

К рецензии Бичурин приложил свой перевод предисловия к словарю «Сань-хэ бянь-лань» для сравнения с переводом П. Каменского в целях выявления погрешностей в переводе последнего. (Шифр рецензии — Фонд 7, № 38).

Леонтьевский Захар Федорович (1799—1874), участник (студент) X миссии (1821—1831), по возвращении из Пекина был переводчиком в Азиатском департаменте коллегии иностранных дел. Важнейшим его трудом является 15-томный «Китайско-маньчжурско-латинско-русский словарь». За основу словаря Леонтьевский взял «Кан-си цзы-дянь» («Большой китайский словарь») — первое китайское издание 1716 г., переведенный на маньчжурский язык; не опубликован, хранится в рукописном отделе Института востоковедения Академии наук СССР.

Войцеховский Иосиф (Осип) Павлович (1793—1850) состоял врачом при X миссии (1821—1831), с 1844 г. был профессором кафедры китайского и маньчжурского языков в Казанском университете. Он первый в России ввел в университетское преподавание маньчжурский язык, разрабатывал сравнительный трехязычный «Китайско-

¹ И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875, стр. XXX.

² О П. Каменском см. А. н. Можаровский. Архимандрит Петр Каменский «Нижегородские епархиальные ведомости», 1887, № 12; также «Русская старина», 1896, № 2—4.

маньчжурско-русский словарь», переданный им библиотеке Казанского университета¹.

Аввакум (Дмитрий Семенович) Честной (1801—1866), член XI пекинской духовной миссии (1831—1841), по возвращении из Пекина служил в Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел. Ему принадлежит русский перевод маньчжурской поэмы императора Кан-си «Юй-чжи би-шань чжуан» («Описание Жохэра») — поэма, восхваляющая летний дворец в горах Жэхэ, и поэмы императора Цянь-луна «Юй-Чжи шэн-цзин фу» («Описание Мукдена») — поэма, восхваляющая первую маньчжурскую столицу Мукден.

Аввакум составил «Каталог книгам, рукописям и картам, на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в библиотеке азиатского департамента» (СПб., 1843). Все заглавия книг даются в русской транскрипции с переводом и краткой аннотацией, всего 609 заглавий. В 1844 г. к этому каталогу было издано дополнение, содержащее оригинальные заглавия книг на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках.

В этом каталоге впервые дается содержание маньчжурской литературы с тематическим распределением по разделам: А. Классические книги. Б. История. В. География. Г. Законы и обряды. Д. Философия, Нравственность, Политика и Математика. Е. Христианская религия. Ж. Буддийская религия. З. Словесность. И. Военное искусство. К. Медицина. Л. Языкознание.

Эта классификация охватывает все виды маньчжурских сочинений. В основном ее придерживаются все последующие теоретики маньчжурской литературы, понимая под литературой всю совокупность маньчжурских письменных произведений — печатных и рукописных.

Каталог показывает, что в сороковых годах прошлого века маньчжурский фонд библиотеки Азиатского департамента содержал все важнейшие сочинения на маньчжурском языке, к тому же самых ранних изданий².

Розов Григорий Михайлович, участник (студент) XI миссии (1831—1841), по возвращении из Пекина был переводчиком по китайскому языку при министерстве; составил грамматику маньчжурского языка (1840) и маньчжурско-русский словарь. Из всех словарей, которые до него составлялись в пекинской духовной миссии, это был один из лучших. Находясь в Пекине, он перевел с маньчжурского языка «Цзинь-ши»³ («История царства Цзинь»). Это был самый ранний перевод истории чжурчженей на один из европейских языков в Европе. Французский перевод Д. Арлэ появился в 1886 г. в Париже.

Его маньчжурская грамматика исходит из «Цин-вэнь ки-мэн», который переводил еще И. К. Россохин.

Ни одна из этих его работ не опубликована.

Горский Владимир Васильевич, участник (студент) XII миссии (1841—1849), умер в Пекине в 1847 г., автор известных работ

¹ О нем см. К. К. Фойгт. Обзорение хода и успеха исследования азиатских языков в Имп. Казанском университете за десятилетие с 1842—1852 гг. Казань, 1852.

² Следует указать еще на «Каталог книгам и рукописям на маньчжурском языке, находящимся в азиатском Музее имп. Академии наук, составленный Д. Банзаровым», опубликован в «Bulletin de la classe des sciences historiques et politiques de l'Académie impériale des sciences de Saint-Petersbourg», t. V, N 5—6, p. 83—92. СПб., 1848.

³ История дома Дзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1115 по 1234 г. Переведена с маньчжурского студентом миссии Григорием Розовым (рукописный фонд Ин-та востоковедения АН СССР, III, 212—215).

по истории маньчжур, основанных на маньчжурских первоисточниках — «Па-ци тун-чжи» (издания 1739 г.), «Мань-чжу юань-лю као» (издания 1777 г.) и «Кай-го фан-лю» (издания 1786 г.)¹.

Эти исторические сочинения легли в основу работ В. В. Горского: «Начало и первые дела маньчжурского дома» и «О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа Маньчжу» («Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. 1. СПб., 1852, стр. 1—244).

Васильев Василий Павлович (1818—1900) был в составе XII пекинской миссии на правах студента (1841—1849), с 1851 г. состоял профессором Казанского университета по кафедре китайской и маньчжурской словесности (после смерти проф. И. П. Войцеховского), а с переводом в 1855 г. восточных кафедр из Казани в С.-Петербургский университет — профессором этого университета.

В качестве учебных руководств по маньчжурскому языку им изданы:

1. Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1863, 228 стр.

Хрестоматия, состоящая из оригинального маньчжурского текста без параллельной китайской версии, без транскрипции и перевода, содержит в первом разделе, озаглавленном «Краткая энциклопедия», отдельные правоучительные фразы; во втором разделе — «Образцы разговорного языка» — 17 диалогов из «Тангу мэнь» («Стоглава») и 40 диалогов из «Цин-вэнь ки-мэнь» (Маньчжурская грамматика с объяснениями на китайском языке и общеупотребительные разговоры с китайским переводом, уже переведенные Россохиным и вторично Владыкиным). Третий раздел «Сношения с Россией» содержит: а) Посольство Спафария, б) Покорение Албазина, в) Трактаты России с Китаем: Головина, Савы Владиславича, Кропотова, Ковалевского, Муравьева, Путятина.

Хрестоматия В. П. Васильева — первая маньчжурская хрестоматия в России, появившаяся в печати и содержащая важные тексты — образцы общеупотребительной маньчжурской речи и письменного стиля. Значение этой хрестоматии сохраняется до настоящего времени².

2. Маньчжурско-русский словарь, литографированное издание. СПб., 1866, VI, 134 стр.

В предисловии (I—VI) говорится о транскрипции, об особенностях маньчжурского произношения в Пекине и о словоударении. Словарь содержит наиболее употребительные слова из маньчжурского словарного состава, отличается точностью значений и в этом отношении далеко превосходит трехтомный маньчжурско-французский словарь Амио (Amyot. Dictionnaire tartare-manchou-français. Paris, 1789—1790), страдающий крайней неопределенностью значений и мало пригодный к употреблению.

3. Записка о восточных книгах в Санкт-Петербургском университете («Русский вестник», 1857, № 18)³. Проф. В. П. Васильев был блестя-

¹ Работы В. Горского: 1) Начало и первые дела Маньчжурского дома («Труды членов Российской духовной миссии», т. 1. СПб., 1852, стр. 1—187); 2) О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа Маньчжу (там же, стр. 189—244).

² Наиболее ранней маньчжурской хрестоматией считается хрестоматия Клаппота: «Chrestomathie Mandchou ou recueil de textes Mandchou destiné aux personnes qui veulent s'occuper de l'étude de cette langue». Paris, 1828. Ввиду значительного количества ошибок в оригинальном тексте и в переводах эта хрестоматия специалистами не особенно рекомендуется.

³ Эта статья раньше (в 1856 г.) была напечатана на французском языке: «Notice sur les ouvrages en langues de l'Asie Orientale, qui se trouvent dans la bibliothèque de St.-Petersbourg» («Bulletin» Акад. наук, 1856).

щим знатоком литератур китайской, маньчжурской, монгольской, тибетской и санскритской. Его обширная научно-исследовательская работа в области дальневосточных стран исключительно была основана на первоисточниках. В «Записке» автор дает ценные характеристики восточных книг, в том числе и маньчжурских или китайских и тибетских книг, переведенных на маньчжурский язык.

4. Об отношении китайского языка к среднеазиатским («Журнал Министерства народного просвещения», 1872).

Автор на основе серьезного и длительного изучения китайского, маньчжурского, монгольского и тюркских языков и на основе анализа китайских многоязычных изданий (полиглотов) устанавливает структурные соответствия между всеми этими языками, не находя генетических связей между китайским и среднеазиатскими языками.

Захаров Иван Ильич (1814—1885), участник (студент) XII пекинской миссии (1841—1849), с 1869 г. был преподавателем маньчжурского языка в С.-Петербургском университете, а с 1879 г. — профессором маньчжурской словесности. Ему принадлежат капитальные труды: «Полный маньчжурско-русский словарь» (СПб., 1875) и «Грамматика маньчжурского языка» (СПб., 1879). Оба труда до сих пор сохраняют свое значение. Ни у нас, ни за рубежом до сих пор не имеется никаких других работ, которые могли бы заменить их. Словарь представляет собой своего рода синтез всего того, что было лучшего в прежних словарных работах пекинской миссии и в учебном маньчжурско-русском словаре В. П. Васильева. Словарь был бы еще лучше, если бы в нем было показано развитие значения слова и если бы автор критически отнесся к источникам — маньчжурским словарям, изданным самими маньчжурами.

Проф. В. П. Васильев дал блестящий отзыв о словаре Захарова¹. По предложению Факультета восточных языков Петербургский университет удостоил автора звания доктора маньчжурской словесности, а географическое общество наградило его золотой медалью.

Грамматика И. И. Захарова, как и предшествующие грамматики А. М. Владыкина и Г. М. Розова, также опирается на «Цин-вэнь ки-мэн» и «Цин-вэнь чжи-яо». Весь иллюстративный материал взят из них и из грамматических примечаний к трехязычному словарю «Цин-вэнь чжи-яо». «Грамматика маньчжурского языка» содержит: Введение. Маньчжурское письмо и произношение. Часть первая. Словоизменение (этимология). Второй части — синтаксиса — нет.

Об этом И. И. Захаров в конце своей грамматики (стр. 323) пишет:

«В первой части настоящей Грамматики маньчжурского языка я с достаточной полнотой объяснил образование и употребление слов, равно указал и расположение их речи, т. е. что все объяснительные и вводные слова ставятся впереди главного слова, составляющего предмет речи.

Теперь во второй части — синтаксисе — следует изложить расположение и сочетание предложений и периодов; но маньчжурская речь не отличается подвижностью и разнообразием оборотов, как в других языках; в ней также, по примеру слов, и самые предложения размещаются смотря по значению, т. е. все предложения вводные, служащие описанием и объяснением главного действия, также ставятся впереди.

Смотря с этой стороны на маньчжурский язык, можно бы при-

¹ См. «Отзыв о «Маньчжурско-русском словаре» И. И. Захарова», данный проф. В. П. Васильевым в «Отчете Географического общества» за 1877 г.

знать излишним изложение Синтаксиса маньчжурского языка, как давно уже о маньчжурском языке весьма справедливо заметил профессор В. П. Васильев, сказавши: «Коль скоро пройдена этимология, то пройден и синтаксис»¹. Как ни справедливо это замечание, однакож оно не слагает с меня обязанности издать и синтаксис маньчжурского языка, дабы практически показать, как составляются и располагаются предложения в этом языке, простые и сложные, как образуются периоды, чем связываются между собою, вообще как строится маньчжурская речь. Эту вторую часть Грамматики маньчжурского языка я постараюсь издать в непродолжительном времени. Теперь же, издавая в свет одну только первую часть, я имею цель поскорее дать пособие и руководство юношеству при изучении им маньчжурского языка».

Синтаксис маньчжурского языка им не был опубликован.

И. И. Захаров в своей грамматике ставил только практические цели, чтобы только «точно понимать и переводить маньчжурскую речь». В этих целях, говорит он в предисловии, «я держался порядка и терминологии старой грамматики — латинской. Правда, некоторые термины этой грамматики не всегда соответствуют формам маньчжурского языка, как, например, названия падежей и пр. Однакож, пока еще сравнительно филологии не придуманы новые термины, отвечающие требованиям многих, если не всех языков, старая терминология более приложима к маньчжурскому языку, и изучающему этот язык легче понять, чему в русском языке соответствует известная маньчжурская частица или наращение» (Предисловие, стр. VII—VIII). Надо сказать, что грамматике Захарова предшествовала еще «Грамматика маньчжурского языка» А. Орлова, разработанная в 1865 г. и опубликованная в 1873 г. (С.-Петербург, типография Академии наук, стр. I—VI, 1—344).

Орлов был преподавателем монгольского языка в Иркутской духовной семинарии. Маньчжурский язык он изучал самостоятельно по монгольско-маньчжурским изданиям. Судя по иллюстрационному материалу в его грамматике, он пользовался руководством «Тангу мэнь» («Стоглав»), «Цин-вэнь ки-мэн» и «Сань-хэ бянь-лань».

Орлов был поражен близостью маньчжурского языка к монгольскому и последний считал ключом к первому.

Захаров в предисловии к своей грамматике (стр. VII) отрицательно отзываясь о труде Орлова. Он говорит: «Усвоивши себе какие-то особенные понятия о грамматике и ее терминологии, он пишет такие объяснения и правила маньчжурского языка, в которых только особенным напряжением мысли можно понять, о чем он говорит».

Полностью согласиться с такой оценкой грамматики Орлова нельзя. Достоинство грамматики Орлова Захаров видит только в том, «что она снабжена многочисленными примерами на всякий случай» (там же). Между тем грамматика Орлова была первой и единственной оригинальной грамматикой маньчжурского языка. Автор, использовавши грамматические тексты китайско-маньчжурских учебников, дал им свое истолкование. Считая монгольский язык особенно близким к маньчжурскому, он и многие монгольские грамматические категории с их терминологией перенес в маньчжурскую грамматику. Поэтому его маньчжурская грамматика интересна в плане сравнения с монгольским языком.

Орлов придавал чрезвычайно важное значение маньчжурскому языку. Он считал, что

¹ См. В. П. Васильев. «Об отношениях китайского языка к средне-азиатским». «Журнал Министерства Народного просвещения», 1872.

«филолог¹, разлагая язык, сколько немногочисленный и простой по своему составу, столько благозвучный по произношению и замысловатый и логичный по производству, с приятностью извлечет из него нескучный запас данных для интересной науки *языковедения*¹;

*этнограф*¹, вслушавшись ближе в говор маньчжуров и тщательно всмотревшись в его письменность, окончательно убедится, что маньчжуры не корейцы, не тунгусы, не кидани, с которыми их обыкновенно смешивают;

*деенписатель*¹ (историк. — Б. П.), с одной стороны, зная из истории китайской, что монголы уже за 2700 лет до Р. Хр., как значительное племя, говорившее собственным языком, являлись у пределов Китая, с видами завоеваний; а с другой — после сличения этого языка монголов с языком маньчжурским, заметив, что последний есть как бы родитель первого и, по всей вероятности, старший родственник нескольких среднеазиатских наречий, — придет к искреннему выводу, что племя маньчжурское с своим языком есть одно из самых древних на свете».

В предисловии Орлов дает и план своей грамматики, которую он «решил издать в четырех курсах».

Первый курс — о словоизменении.

Второй курс — о словоупотреблении, иначе «об употреблении видов: имен, глаголов, частиц, и их изменений». Здесь Орлов дает синтаксические функции частей речи.

Третий курс излагает «разнообразные приемы составлять всякого рода *предложения и периоды*¹, с замечаниями о порядке слов в речи маньчжурской и о пунктуации».

В последнем, четвертом курсе «сперва рассматриваются *корни языка*¹, с главнейшими и первоначальными, а частью и дальнейшими отраслями от него, а затем *отношение этого языка к другим*¹, более с ним сродным, и еще предъясняются опыты изъяснения некоторых *исторических слов и терминов*¹, которых значение доселе не определено, но которых корни несомненно лежат здесь, и пр. и пр.» (стр. IV—V).

К сожалению, последнего, четвертого курса Орлов не дал. Еще более приходится сожалеть о том, что Захаров не принял такого плана исследования маньчжурского языка, а ограничился только целями сугубо практическими: «точно понимать и переводить маньчжурскую речь» (предисловие, VIII стр.).

Приходится отметить, что «Грамматика маньчжурского языка» А. Орлова ждет еще беспристрастного критического анализа, которого она, бесспорно, заслуживает и результаты которого будут очень полезны для маньчжурской филологии.

С 1889 г. на факультете восточных языков начал преподавать маньчжурский язык профессор монгольского языка А. М. Позднеев². Специально маньчжурским языком в это время занимался Алексей Осипович Ивановский (1863—1903), ученик проф. В. П. Васильева.

Ему принадлежат:

1. Каталог книг на китайском, маньчжурском и монгольском языках, находящихся в библиотеке Восточно-Сибирского отдела имп. Русского географического общества. Иркутск, 1890.

Маньчжурские книги указываются во II разделе (только на одном маньчжурском языке) и в IV — на двух-трех языках (маньчжурско-

¹ Курсив А. Орлова.

² О нем см. дальше.

китайском и маньчжурско-китайско-монгольском). Заглавия даны в русской транскрипции и в переводе на русский язык. Все книги — ранние маньчжурские издания.

2. Очерк истории маньчжурской литературы.

Лекции, читанные приват-доцентом А. О. Ивановским в 1887—1888 академическом году. Литография. СПб., 1893,

Маньчжурская литература рассматривается по разделам, в общем в плане того тематического распределения, которое сделал еще Аввакум Честной в своем каталоге:

1. Возникновение маньчжурской письменности и первые издания Ученого комитета в Пекине.

2. Развитие маньчжурской литературы под влиянием китайской и влияние ее на монгольский язык. Дается анализ содержания маньчжурской грамматики с китайским объяснением «Цин-вэнь ки-мэн», неоднократно переводившейся в Пекинской духовной миссии еще в XVIII ст.

3. Классические книги.

4, 5. Буддийские и даосские сочинения.

6. Шаманский устав (Хэсэй токтобуха маньчжусай вэчэрэ мэтэрэ-кооли качень и битхэ, издания 1717 года).

7. Философские книги.

8. Исторические книги.

9. Географические книги.

10. Законодательство.

11. Словесность.

В лекциях дается развернутое содержание важнейших памятников маньчжурской письменности, хранящихся в библиотеке С.-Петербургского университета. К сожалению, не указываются имена специалистов, занимавшихся исследованием или переводом того или иного памятника. Также не указывается значение памятника и не дается никакой критической оценки памятника. Очерк представляет первый опыт общего сводного изложения маньчжурской литературы. В изложении хронологический принцип периодизации переплетается с тематическим.

3. Маньчжурская хрестоматия, вып. первый. СПб., 1893, 117 стр.; вып. второй. СПб., 1895, 255 стр. + 096.

От первой Маньчжурской хрестоматии проф. В. П. Васильева отличается приложением параллельного китайского текста (во втором выпуске) и текстом сибирского диалекта, записанного В. В. Радловым в Кульджинском районе в 1862 г.

В первом выпуске даны тексты, напечатанные маньчжурским шрифтом, во втором — тексты, набранные русской лингвистической азбукой.

4. Mandjurica. I.

Образцы солонского и дахурского языков. СПб., 1894.

Автор во время своего пребывания в Северной Маньчжурии (1890) собрал материал главным образом лексического характера по солонскому языку и тем показал, что солонский язык относится к маньчжурской группе, общим литературным языком которой был маньчжурский письменный язык, «который некоторые уже считали мертвым языком, а между тем, оказалось, на нем еще говорит и пишет значительная часть населения Северной Маньчжурии» (стр. V, примеч. 1).

5. Маньчжурский язык. Статья в Энциклопедическом словаре Брокгауза-Эфрона, т. XVIII, стр. 581—583. СПб., 1896.

Муромский Федор Васильевич (1878—1910), ученик А. Руднева и В. Л. Котвича, был оставлен при С.-Петербургском универси-

тете для приготовления к профессорскому званию по маньчжурской словесности. В период подготовки он дважды ездил (на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии) в Кульджинский край для изучения языка тунгусо-маньчжурских племен и обнаружил там маньчжур, уже утративших родной язык и говоривших по-китайски, сибов или сибинцев, онкор-солонгов и дахуров. Между собой они пользовались сибинским диалектом, который считается основным и официальным диалектом. Письменные сношения велись на маньчжурском языке. В свою первую поездку (1906) Ф. В. Муромский изучал сибинский язык. Им записаны образцы сибинского народного творчества (13 сказок, 2 свадебные песни и до 1500 отдельных слов). Сибинцы были переведены в Илийский край около 1763 г. (в 28-й год правления Цянь-луна) из Маньчжурии, из пределов Цицикара и Бодуне. Муромский исчисляет их в 25 000 чел. Во вторую поездку (1907—1908) Муромский изучал онкор-солонговский и дахурский диалекты, продолжая работать и над сибинским диалектом. На этот раз он записал из сибинского фольклора 32 сказки и 2 песни, всего 243 стр.

Об онкорах и онкорском языке Муромский отзывается так:

«На онкорском языке говорят только немногочисленные оставшиеся в живых онкоры (около 30 душ); ни сибинцы, ни дахуры его не понимают. Онкоры, будучи силой необходимости принуждены говорить на других языках, перенесли из них много слов и в свой говор. Главные заимствования сделаны из сибинского и китайского языков. При всем этом основа языка тунгусская, сближающая их с сибирскими тунгусами. Подобно этим последним они называют себя эвэнки. Онкорский язык, так же как и другие тунгусские наречия, имеет спряжения не только по наклонениям и временам, но и по числам и лицам»¹.

Что касается дахуров, то Муромский затрудняется включить их в тунгусо-маньчжурскую группу ввиду чрезвычайной близости их языка к монгольскому.

Муромский сделал очень ценные наблюдения, главным образом фонетического порядка, имеющие большое значение для истории тунгусо-маньчжурских языков и, в частности, для разрешения проблемы диалектной основы маньчжурского литературного (письменного) языка.

В сибинском диалекте он заметил следующие отклонения от маньчжурского письменного языка. Прежде всего он обратил внимание на то, что разговорная речь чиновников, грамотных по-маньчжурски, имеет больше сходства с маньчжурским письменным языком, чем речь неграмотного населения.

В разговоре чиновников встречаются слова, уже вышедшие из народного употребления (или раньше не зафиксированные письменным языком). Например, грамотные говорят *нялма* «человек», а неграмотные *нана* или даже *нань*: *нань зихе* «кто-то пришел». Грамотные говорят *вазиха* «кончил», *газиха* «принес», а неграмотные говорят: *вачха*, *гачха*.

При этом Ф. В. Муромский замечает, что произношение грамотных сибинцев несколько отличается от маньчжурского пекинского произношения, принятого в трудах И. И. Захарова (грамматике-словаре), именно:

- 1) *ч + и* произносится не *ци*, как показывает Захаров, а *чи*;
- 2) *с + и* всегда произносится как *си*;
- 3) *е* после губных сохраняется, а не переходит в *о*: *бери* «лук для стрельбы»; *ве* «кто».

¹ См. его «Отчет о поездке в Кульджинский край в 1907—1908 г.».

Речь неграмотных более заметно отклоняется от письменного языка.

Прежде всего Муромский указывает на наличие палатализованных гласных *ä, ö, ü* перед следующим *и*, отсутствующих в письменном языке, например: в маньчжурском письменном *амарги* «север», в сибирском *äмирги*, в маньчжурском *досимби* «входить», в сибирском *дöсимбии*, в маньчжурском *тучимби* «выходить», в сибирском *түчимби*.

Гласный *е* уподобляется гласному *у*: в маньчжурском *етуку* «платье», в сибирском *утуку*.

Гласный *и* в начале часто йотируется: в маньчжурском *илань* «три», в сибирском *йилань*.

Между двумя гласными *б* переходит в билабиальный *w*: в маньчжурском *добори* «ночь», в сибирском *дöширь*.

В глагольной форме настоящего времени (*-мби*) *б* совершенно не произносится: в маньчжурском *омби* «делаться», в сибирском *оми*, в маньчжурском *самби* «знать», в сибирском *сами*.

Согласный *с* в начале иногда, а между гласными всегда озвончается и звучит близко к русскому *з*: в маньчжурском *семби* «говорить», в сибирском *земи*, в маньчжурском *гисунь* «слово», в сибирском *гизунь*.

Звуки *т* и *ч* в сибирском часто произносятся с ясным придыханием: *т'е* «садись», *т'ере* «тот», *ч'око* «курица». Такое произношение *ч* имеет перед *а, о, у*.

В сибирском словарном запасе поражает обилие китайских слов: название овощей, одежды, домашней утвари, большинства деревьев — чисто китайские. В ряде случаев от китайских существительных образованы глаголы, например: от китайского *лайма* «плутовство» образовано сибирское *лаймалами* «плутовать».

Все заимствованные китайские слова склоняются по образцу маньчжурских, например: китайское *чуань* «лодка» в сибирском: *чуань-и* (*-уе, -бэ, -дери*). Вместо маньчжурского падежного окончания *-чи* в сибирском употребляется *-дери*.

О работе Ф. В. Муромского в области тунгусо-маньчжурских языков неоднократно упоминают его учителя А. Руднев и В. Л. Котвич. На его исследования ссылаются и А. В. Гребенщиков в ряде своих работ.

К сожалению, неизвестно, где в настоящее время хранятся его записи.

Со смертью В. П. Васильева (1900) и А. О. Ивановского (1903) в С.-Петербургском университете прекращается изучение маньчжурского языка, и только монголисты В. Л. Котвич и А. Руднев продолжали его изучение. Их работы заслуживают внимания.

В. Л. Котвич (профессор монгольского языка) много внимания уделял маньчжурской филологии. До конца своей жизни (умер в 1940 г.) он ратовал за важность и необходимость изучения маньчжурского языка и письменности. В его «Материалах для изучения тунгусских наречий» приложены образцы языка сунгарийских гольдов, текста с переводом и дана обстоятельная справка о всех собирателях и материалах по живым маньчжурско-тунгусским наречиям¹.

Он много потрудился над описанием маньчжурских коллекций в книгохранилищах Петербурга и Москвы и значительно дополнил каталоги и списки маньчжурских книг, опубликованные Банзаровым, Меллендорфом, Лауфером, Гребенщиковым и др.²

¹ См. «Живая старина», 1909, II—III, 206—218.

² См. W. Kotwicz. Sur le besoin d'une bibliographie complète de la littérature mandchoue. Lwow, 1928.

Ему принадлежит интересная статья «Маньчжурская литература», опубликованная в сборнике «Всемирная литература. Литература Востока», вып. второй, стр. 116—127, Пб., 1920.

В статье показаны характерные особенности маньчжурской литературы и значение ее в мировой литературе.

Если А. О. Ивановский в своих лекциях по маньчжурской литературе представил разрозненные описания отдельных памятников, то В. Л. Котвич показал, что маньчжурская литература находится в тесной связи с историческими судьбами создавшего ее народа.

Ему также принадлежит статья «Маньчжурский язык и литература» в «Новом энциклопедическом словаре», т. 25, стр. 656—659.

Другой монголист А. Руднев также интересовался маньчжурским разговорным языком. В 1912 г. он опубликовал «Новые данные по живой маньчжурской речи и шаманству» (отдельный оттиск из «Записок восточного отделения имп. Русского археологического общества», т. XXI. СПб., 1912).

В этой работе Руднев дал материал (450 отдельных слов и 105 выражений), записанный им из разговора с маньчжуром Туньдэ во время пребывания последнего в Петербурге в 1907 г.¹

Значение этого материала Руднев оценивает так:

«Интерес моего небольшого материала заключается, на мой взгляд, в том, что я здесь даю впервые образцы современного разговорного Манджурского языка...» (разрядка А. Руднева. — Б. П.).

В характеристике лингвистического значения материала он указывает на особенности живой речи по сравнению с письменной, выражающиеся в том, что в живой речи наблюдается стяжение двух слогов в один, с исчезновением согласного между двумя гласными (вместо маньчжурской письменной формы *тафокон* «пятнадцать» — *то́кун* или *току́н*; вместо *гушерике* «голубь» — *кычку*; вместо *меке* «вода» — *мү*; вместо *чжиха* «деньги» — *чжа*).

В 1899 г. в России организуется новый центр изучения дальневосточных языков — Восточный институт во Владивостоке со специальной кафедрой маньчжурской словесности и с особым маньчжурско-китайским отделением².

Двадцатилетнее существование Восточного института и специальной маньчжурской кафедры имело немаловажное значение для дальнейшего развития русского маньчжуроведения. Научные труды, опубликованные в «Известиях Восточного института», и литографированные издания лекций профессоров А. М. Позднеева, А. В. Рудакова, П. П. Шмидта и А. В. Гребенщикова, преемственно возглавлявших кафедру маньчжурского языка и словесности, представляют собой ценный вклад в маньчжурскую филологию. Прежде всего важны опубликованные в «Известиях Восточного института» программы по маньчжурскому языку и литературе Позднеева, Шмидта и Гребенщикова. Программы указывают на сочетание практических и теоретических интересов в изучении маньчжурского языка и литературы.

В изучении маньчжурского письменного языка продолжают лучшие традиции, установленные еще И. К. Россохиным, В. П. Васильевым и И. И. Захаровым; изучаются маньчжурские оригинальные тексты

¹ Туньдэ, уроженец Айгуньского района Хэйлунцзянской провинции из маньчжурской деревни Офоро-токсо.

² В 1920 г. Восточный институт, на правах факультета, вошел в состав вновь открытого Государственного дальневосточного университета.

разных жанров; устанавливается изучение истории маньчжурского народа по первоисточникам. Об этом свидетельствуют программы и специальные хрестоматии, составленные и опубликованные А. М. Позднеевым («Опыт собрания образцов маньчжурской литературы», 440 стр., Владивосток, 1904), П. П. Шмидтом и А. В. Гребенщиковым. Шмидт заостряет внимание на связях маньчжурского языка с монгольским и частично с корейским и палеоазиатскими, рассматривая маньчжурский и монгольский языки как отдельные члены одной алтайской семьи языков. Особое внимание Шмидт уделял установлению и уточнению тунгусо-маньчжурской семьи языков¹. В этих целях он собирал и изучал материалы по языкам — негидальскому, ольча, ороча и самагирскому, которые он опубликовал уже после Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии на английском языке².

Как профессор китайского языка П. П. Шмидт занимался еще выявлением и установлением китайских заимствований в маньчжурском языке. Эти исследования дали ему важный материал как для истории китайского языка (китайские заимствования относятся к разным периодам), так и для истории маньчжурского языка³.

Его Маньчжурская хрестоматия («Учебник маньчжурского языка») дает образцы подлинного маньчжурского разговорного языка, каким он представляется вне влияния китайского языка. Тексты относятся к XVIII и началу XIX вв.⁴.

В свете всего сказанного особый научный интерес представляют его «Вступительная лекция по маньчжурскому языку», читанная в Восточном институте в 1907 г. (литография, 10 стр. in folio) и «Обозрение лекций по китайской и маньчжурской грамматикам на 1907—1908 академический год» (литография, 19 стр. in folio. Владивосток, 1908), в которых изложены основы грамматического строя маньчжурского языка и его связи с другими языками.

П. П. Шмидт возглавлял кафедру маньчжурской словесности по совместительству с руководством кафедрой китайского разговорного языка. В 1911 г. руководство кафедрой маньчжурской словесности переходит к А. В. Гребенщикову⁵.

Научно-педагогическая деятельность Гребенщикова достаточно ярко отражена в программах по маньчжурскому языку и литературе, разработанных им и опубликованных в «Обзрении преподавания наук в Восточном институте» в 1913, 1916 гг. и в «Бюллетене Государственного дальневосточного университета» в 1921 г. (№ 8).

¹ Специальная статья об этом «Этнография Дальнего Востока» помещена им в сб. «Vivat Academia». Владивосток, 1915.

² См. P. Schmidt. The language of the Negidals. Riga, 1923 («Acta Universitatis Latviensis», V.); The language of the Olchas. Riga, 1923 (там же, VIII); The language of the Oroches. Riga, 1928 (там же, XVII); The language of the Samagirs. Riga, 1928 (там же, XIX).

³ См. P. Schmidt. Chinesische Elemente im Mandschu. («Asia Major», vol. VII, Fasc. 4; vol. VIII, Fasc. 3. Leipzig, 1932.

⁴ П. Шмидт. Учебник маньчжурского языка, в трех частях. Ч. I. Маньчжурский текст. Ч. II. Китайский текст. «Изв. Восточного ин-та», т. XVIII, вып. 1 и 2. Владивосток, 1908. Ч. III не была опубликована.

⁵ А. В. Гребенщиков в 1907 г. закончил с отличием Восточный ин-т и был оставлен при институте для подготовки к профессорскому званию по кафедре маньчжурской словесности. С осени 1907 г. по 1909 г. он изучал остатки живой маньчжурской речи в Хэйлунцзянской и Цицикарской провинциях. Этому периоду посвящены его статьи: «По Амуру и Сунгари» (Харбин, 1908), «В Бутху и Мэргень по р. Нонни» («Вестник Азии», № 2—5. Харбин, 1909).

2 Кр. сообщения Ин-та востоковедения, вып. XVIII

Программы большое внимание уделяют изучению маньчжурских диалектов на территории Китая, истории маньчжурского языка и письменности («Тунгусский и чжурчжэньский языки в происхождении и структуре маньчжурского языка. Родство маньчжурского языка с гольдским, солонским, дахурским и другими языками, преимущественно на территории Маньчжурии»), истории изучения маньчжурского языка в Китае, России и других странах, грамматическому строю и истории маньжурской литературы в связи с историей маньчжурского народа.

В полном соответствии с программой находятся и опубликованные труды А. В. Гребенщикова:

1. Краткий очерк образцов маньжурской литературы. «Известия Восточного института», т. XXXII, вып. 2, стр. 62. Владивосток, 1909. В очерке дается много новых маньжурских сочинений, которые специалистам раньше не были известны. Оригинальные заглавия даны в русской транскрипции с краткими аннотациями и с указанием мест, где обнаружены эти сочинения.

2. К истории русско-маньжурских отношений. Посольство Н. Г. Спафария в Китае. Пособие к лекциям по маньжурскому языку. 1911—1912 академический год, литография. Владивосток, 1912.

Маньжурскому оригинальному тексту предпослано предисловие с изложением истории посольства Спафария, с подстрочным словарем к тексту и с приложением библиографии. А. В. Гребенщиков здесь уточняет транскрипцию И. И. Захарова.

3. Маньжурцы, их язык и письменность. «Известия Восточного института», т. XLV, вып. 1, стр. 72. Владивосток, 1912. Эта работа до сих пор остается единственным исчерпывающим исследованием в области маньжурской филологии. Много внимания уделено положению маньжурского языка в урало-алтайской семье языков и происхождению маньжурского алфавита.

4. Материалы для маньжурской хрестоматии. Пособие к лекциям по маньжурскому языку. 1912—1913 академический год, литография, 158 стр. Владивосток, 1913.

От прежних маньжурских хрестоматий В. П. Васильева, А. О. Ивановского, П. П. Шмидта («Учебник маньжурского языка») «Материалы» отличаются расширением диалогических текстов, характеризующих разные периоды в развитии маньжурского языка и введением (по примеру А. О. Ивановского) фольклорных материалов. Новым элементом являются также образцы художественного (ляо-чжай чжи-н) и эпистолярного стиля.

Изучение маньжурского языка в Восточном институте обязательно связывалось с изучением быта, истории и экономики маньжурского народа, и курсы этих дисциплин по специальным программам также читались профессорами-филологами — А. Д. Позднеевым, А. В. Рудаковым и А. В. Гребенщиковым.

Восточный институт оставил ценное наследство в области маньжуроведения, учет и изучение которого во многом содействует и будет содействовать дальнейшему подъему советской науки в области маньжурской филологии.

Эпоха Великой Октябрьской революции поставила перед маньжурской филологией новые задачи, связанные главным образом с изучением современного состояния тунгусо-маньжурских народов в целях поднятия их культурного и экономического благосостояния.

Успехи советской тунгусо-маньжурской филологии заслуживают специального обозрения.

П. И. Кузнецов

кандидат филологических наук

К ВОПРОСУ О ПЕРИФРАСТИЧЕСКИХ ФОРМАХ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

До последнего времени перифрастические формы глагола являлись мало исследованным разделом турецкой грамматики. Тем больший интерес вызвала в среде специалистов монография М. С. Михайлова «Перифрастические формы и категория вида в турецком глаголе», вышедшая в свет в 1954 г. Отныне невозможно освещать вопрос о перифрастических формах турецкого языка, обходя молчанием оригинальное исследование М. С. Михайлова. Вместе с тем ясно, что одна работа не может дать точного ответа на все вопросы, относящиеся к столь сложной теме. . .

«Перифрастические (описательные) формы турецкого глагола» — термин морфологический. Им обозначаются сочетания, в состав которых входит два основных компонента: основа времени
причастие и вспомогательный глагол *olmak* (иногда *bulunmak*) в любой возможной форме.

Следует подчеркнуть, что перифрастические формы глагола являются сложными формами и в принципе морфологически мало отличаются от других сложных форм, в частности, от сложных временных форм.

Возьмем для примера две формы: «сложную» форму *-mıştı* (давно-прошедшее время) и «перифрастическую» форму *-mış oldu*. Легко выяснить, что эти две сложные формы различаются между собой лишь тем, что в первой фигурирует вспомогательный глагол *i(mek)* «быть» в форме прошедшего-категорического времени, а во второй — вспомогательный глагол *olmak* «становиться», «быть» в той же форме.

Например:

al-mış i-di (из *al-mış er-di*) «он взял»¹ (букв. «он взявший был»);

al-mış ol-du (из *al-mış bol-du*) «он взял» (букв. «он взявший стал»)

или

al-ır i-di (из *al-ır er-di*) «он брал» (букв. «он берущий был»);

al-ır ol-du (из *al-ır bol-du*) «он стал брать» (букв. «он берущий стал»).

Попутно отметим, что аналогии, которые М. С. Михайлов устанавливает между русским языком и турецким в отношении перифрастических форм (стр. 14—15), кажутся сомнительными. Уж если устанавливать аналогии, то скорее между указанными (перифрастическими) фор-

¹ Мы даем здесь общий, «черновой» перевод, не вдаваясь пока в различные оттенки значений, присущие этим формам.

мами русского языка, с одной стороны, и турецкими «сложными» формами, с другой стороны. Ср. *несль бяхъ* = *taşımış idim* (букв. «^{нес}
несший был»), тогда как *taşımış oldum* в буквальном переводе означает «^{нес}
несший стал».

Сравнительный морфологический анализ «сложных» и «перифрастических» форм турецкого языка должен привести к двум выводам: 1) поскольку «сложные» и «перифрастические» формы морфологически близки друг другу, следует вскрыть семантические соотношения между этими двумя группами форм; 2) поскольку «перифрастические» формы от «сложных» отличает второй компонент, следует в сравнительном плане проанализировать значения вспомогательных глаголов *i(mek)* и *olmak*.

К сожалению, М. С. Михайлов воздерживается от сравнения сложных форм (которые он называет простыми) с перифрастическими, мотивируя это тем, что «значение простых форм в достаточной степени разработано, значение же перифрастических форм мало разработано...»¹. Анализ значений турецких глаголов *i(mek)* и *olmak* (в сравнении с русскими глаголами *быть* и *стать*) также не проводится М. С. Михайловым.

Русский глагол *быть*, выступая в роли глагола-связки, имеет два значения (или оттенка): он передает состояние или как процесс («мы (в то время) *были* детьми») или как факт («все мы *были* детьми»).

Глагол *стать*, в соответствующей функции, обозначает переход из одного состояния в другое, новое («он *был* рабочим, *стал* трактористом»).

Недостаточный глагол *i(mek)* в форме *i-di* обозначает состояние (в прошлом), но не как факт, а только как процесс (*biz (o zaman) çocuk idik*).

Глагол *olmak*, как вспомогательный, имеет два значения: 1) он указывает на переход из одного состояния в другое (*amele idi, traktörcü oldu*), 2) он может также обозначать состояние, но не как процесс, а только как факт (*herimiz çocuk olduk (gaz.)* «все мы *были* детьми»).

Особо следует подчеркнуть, что все недостающие формы глагола *i(mek)* выполняются за счет соответствующих форм глагола *olmak*. Выступая в роли «заменителя» недостаточного глагола *i(mek)* глагол *olmak* может, естественно, обозначать состояние не только как факт, но и как процесс (ср. *traktörcü olacak* «он станет трактористом», «он будет трактористом»; *traktörcü olan kardeşim...* «мой брат, являющийся трактористом...»).

Наконец, нужно отметить, что глагол *olmak* в форме будущего времени, а также долженствовательного наклонения может совершенно утрачивать обычное для этих форм временное и долженствовательное значения и выступать в функции модального слова со значениями «должно быть», «по всей вероятности», «очевидно», «может быть» и т. п. (ср. *traktörcü olacak* «он, должно быть, тракторист»; *O kimdir? — Kim olacak? Kardeşim.* «Кто он? — Как кто? (или: Кто может быть?) Мой брат»).

М. С. Михайлов выделяет 6 групп перифрастических форм: 1) *-makta olmak*, 2) *-yor olmak*, 3) *-ır olmak*, 4) *-maz olmak*, 5) *-miş olmak*, 6) *-acak olmak*.

¹ М. С. Михайлов. Перифрастические формы и категория вида в турецком глаголе. Под редакцией и с предисловием члена-корр. АН СССР проф. Н. К. Дмитриева. Изд. МИВ, 1954, стр. 8.

Однако, учитывая то, что было сказано выше о значениях глагола *olmak*, следует, повидимому, сначала подразделить все формы, в состав которых входит глагол *olmak*, на три большие группы: 1) формы, в которых глагол *olmak* выступает в «собственном» значении, 2) формы, в которых этот глагол является только «заменителем» глагола *i(mek)*, 3) формы, в которых глагол *olmak* выступает в значении модального слова. При этом может быть поставлен вопрос о том, насколько целесообразно именовать формы, входящие во вторую и третью группы, перифрастическими формами. Оговоримся: этот вопрос не относится к формам, в которых глагол *olmak* может выступать как в собственном значении, так и в функции глагола *i(mek)*.

Возьмем, например, формы типа *-makta olmak* и сравним их с формами типа *-ır olmak* или *-miş olmak*. Легко убедиться, что формы типа *-ır olmak* или *-miş olmak* обладают определенными «собственными» значениями, отличными от значений форм типа *-ır i(mek)* и *-miş i(mek)*. Так, можно противопоставить форму *-ır oldu* форме *-ır idi (-ırdı)*, а форму *-miş oldu* — форме *-miş idi (-mişti)*. Что же касается форм типа *-makta olmak*, то они не обладают «собственными» значениями, ибо глагол *olmak* выступает здесь только в качестве заменителя глагола *i(mek)*. (Показательно, что наряду с формой *-makta idi* в языке не существует формы *-makta oldu*). И не случайно М. С. Михайлов вкуче с формами *-makta olduğu*, *-makta olma*, *-makta olan* рассматривает в том же разделе такие формы, как *-maktadır*, *-maktaydı*, *-makta iken*. Однако это непоследовательно как в морфологическом отношении, поскольку формы на *-makta i(mek)* (*-maktadır*, *-makta idi* и др.) не имеют никакого отношения к глаголу *olmak*, так и в семантическом отношении, поскольку ни одна форма на *-makta olmak* (*-makta olduğu*, *-makta olan* и др.) не имеет «собственного» значения, принципиально отличного от значения форм на *-makta i(mek)*.

Формы на *-makta i(mek)* и формы на *-makta olmak* можно, конечно, рассматривать как формы одного типа, поскольку значения их в принципе сходны, но называть формы на *-makta $\frac{i(mek)}{olmak}$* перифрастическими не приходится.

Можно предложить и другое решение вопроса: сохранить за формами типа *-makta olmak* (но не *-makta i(mek)*!) наименование «перифрастические формы». Однако в этом случае пришлось бы специально оговариваться, что перифрастические формы на *-makta olmak*, в отличие от других перифрастических форм, «не имеют своего лица».

Не менее значительные оговорки пришлось бы сделать и в отношении форм на *-yor olmak* и других форм, которые, по М. С. Михайлову, «составляют категорию предположительного вида» (стр. 16), о чем еще будет говориться ниже.

Если формы «длительного вида» (на *-makta olmak*) и «предположительного вида» как «подозрительные» оставить в стороне, то мы получим три группы форм, которые, вне всяких сомнений, должны быть отнесены к числу перифрастических, поскольку как в морфологическом, так и в смысловом отношении они существенно отличаются от сложных форм, в состав которых входит глагол *i(mek)*. Это — 1) формы на *-ır (-maz) olmak*, 2) формы на *-miş olmak*, 3) формы на *-asak olmak*.

Рассмотрим значения первой группы: *-ır (-maz) olmak*.

Надо оговориться, что М. С. Михайлов в анализируемых формах видит две самостоятельные группы: в формах на *-ır olmak* он усматривает категорию начинательного вида, а в формах на *-maz olmak* —

категорию завершенного вида. Однако такая классификация кажется сомнительной, хотя бы уже потому, что морфологическое различие между указанными группами чрезвычайно незначительно: *-ır* — утвердительная форма причастия настоящего-будущего времени, *-maz* — отрицательная форма того же причастия. Следовательно, в первую голову нужно выявить не то, что разъединяет эти две группы форм, а то, что объединяет их.

Начнем с анализа простой временной формы *-ır* (*-maz*) (настоящее-будущее время) и сложной формы *-ır* (*-maz*) *idi* (неопределенный имперфект). Настоящим-будущим временем обозначается действие, не ограниченное рамками времени и поэтому воспринимаемое как состояние (действие-состояние) или даже как качество, свойство данного лица или предмета (ср. *Yer güneş etrafında döner* «Земля (постоянно) *вращается* вокруг солнца»).

Добавлением показателя *idi* (*-ır idi*) то же содержание переносится в плоскость прошедшего времени (*bana her gün uğradı* «он ежедневно *заходил* ко мне»).

Если на место формы *i-di*, выражающей статику в плоскости прошедшего времени, подставить форму *ol-du*, которая передает динамику (в той же плоскости), то получим перифрастическую форму *-ır oldu*, обозначающую переход от одного действия-состояния к другому. Таким образом, форма *-ır* (*-maz*) не меняет своего исходного значения.

Примеры:

Eve geç gelir oldu. (Sabahattin Ali. *Kuyucaklı Yusuf*).

«Он *стал* поздно *возвращаться* домой» (букв. «... стал (таким, который) поздно *возвращается* домой (обычно)»).

То есть логически можно представить следующую смену состояний: 1) некогда: *eve erken gelir idi* «он рано *приходил* домой» (исходное действие-состояние), 2) в какое-то время: *geç gelir oldu* «он *стал* поздно *возвращаться*» (переход в новое действие-состояние), 3) в дальнейшем: *geç gelir idi* «*возвращался* поздно» (новое (второе) действие-состояние).

Dudunun evinde bana baktılar, yaram iyi oldu. Ama çifte çubuğa gidemez oldum. (Sadri Ertem. *Çıkırıklar durunca*).

«В доме Дуду за мной *ухаживали*, рана *зажила*. Но я *больше не могла* (букв. «... стала (такой, которая) не может...») *заниматься хлебопашеством*».

То есть: 1) некогда: *çifte çubuğa giderdi* «*занималась* хлебопашеством» (исходное действие-состояние), 2) в какое-то время: *çifte çubuğa gidemez oldu* «стала не в состоянии *заниматься* хлебопашеством» (переход в новое действие-состояние), 3) в дальнейшем: *çifte çubuğa gitmezdi* «не *занималась* хлебопашеством» (новое действие-состояние).

Ben felâket içinde olan her adam gibi kolay inanır olmuştum. (Sabahattin Ali. *Bir şaka*).

«Как всякий человек, попавший в беду, я *сделался легковерным*».

Gel zaman, git zaman, bir gün gelecekti ki artık kimse, kimseye inanmaz olacaktı. (Ömer Seyfeddin. *Yüz aki*).

«С течением времени (думал он) наступит (пожалуй) такой день, когда уже *никто никому не станет верить*».

Приведенные примеры, как и многочисленные примеры из работы М. С. Михайлова, показывают, что формы на *-ır olmak* нельзя отделять

«китайской стеной» от форм на *-maz olmak*, поскольку те и другие представляют собою одну группу форм и обладают одним основным значением.

Что касается способов передачи рассматриваемых форм на русском языке, то наблюдения М. С. Михайлова верны: при переводе форм на *-ır olmak* обычно используется глагол «стать», а при переводе форм на *-maz olmak* — глагол «перестать» (или «не стать»). Но, возможно, эти правильные наблюдения как раз и привели М. С. Михайлова к проведению сомнительных аналогий между русским начинательным подвидом (по терминологии А. А. Шахматова) и турецкими формами на *-ır olmak*, с одной стороны, и между русским окончательным подвидом и турецкими формами на *-maz olmak*, с другой стороны.

«Если в отношении русского глагола, — пишет М. С. Михайлов, — можно говорить о начинательном подвиде, то в отношении турецкого глагола можно смело говорить о начинательном виде, так как разнообразные формы от *-ır olmak* встречаются в языке очень часто. На турецкий язык глаголы *заиграть*, *закричать*, *заплакать* можно передать через *oynar olmak*, *bağırır olmak*, *ağlar olmak*» (стр. 66).

На наш взгляд, последнее утверждение далеко от истины: перифрастические формы на *-ır (-maz) olmak* обозначают переход в новое состояние, тогда как русские глаголы *заплакать*, *заиграть*, *закричать* и т. п. передают просто начало действия, и поэтому их следует переводить с помощью таких глаголов, как *başlamak* или *koyulmak* (*ağlamağa başlamak*, *oynamağa koyulmak* и т. п.).

Вопрос о том, считать ли формы на *-ır (-maz) olmak* видовыми, будет рассмотрен ниже.

И последнее замечание по этому разделу. М. С. Михайлов, как уже говорилось, не учитывает того, что глагол *olmak* имеет несколько значений и что, в связи с этим, несколько значений может иметь также та или иная перифрастическая форма. Так обстоит дело, например, с формой *-maz olur*, где глагол *olmak* чаще всего утрачивает свое основное, «динамическое» значение.

Примеры:

Karışmaz olur muyum? Anası	«Как же я могу не вмешиваться?
değil miyim? (стр. 73).	Разве я не мать ей?»

М. С. Михайлов, являясь для того, чтобы не отступать от своей схемы и не противоречить самому себе¹, дает такой перевод: «Как же мне перестать вмешиваться...»

— Sen parayı sevmez misin?	«— Ты, что, не любишь деньги?
Yılışarak, göz kırptı: — Para sevil-	Тот, улыбаясь, подмигнул гла-
mez olur mu? (gaz.).	зом: — Разве можно не любить
	денег?»

Где же здесь «прекращение действия»?...

Перейдем к рассмотрению форм на *-miş olmak*.

Такие формы имеют три основных значения: 1) значение результативное — в этом случае глагол *olmak* заменяет собой глагол *i(mek)*, 2) значение перехода в новое состояние — в этом случае глагол *olmak* выступает в своем основном значении, 3) значение модальное (ср. соответствующее значение глагола *olmak*).

¹ Ср. «Перифрастическая форма на *-maz olur* выражает прекращение действия в настоящем» (стр. 72).

Характеризуя формы на *-miş olmak*, М. С. Михайлов пишет:

«Результативный вид, выражая действие, рассматриваемое как совершенное, перенесенное в прошлое, обозначает переход действия в следствие, последствия действия — результативность действия. Этот вид выражается перифрастическими формами, образованными посредством основы прошедшего времени на *-miş*, в положительном и отрицательном аспекте в сочетании с разными формами глагола *olmak-bulunmak*.

Русские глаголы, обозначающие действие в какой-либо момент его совершения, — в момент возникновения, в начале его или в момент завершения, — обозначающие действие в его результате, результативность действия, относятся к глаголам совершенного вида.

... Поэтому естественно говорить о том, что эти перифрастические формы, как правило, передаются на русский язык формами глагола совершенного вида» (стр. 79).

Итак, можно видеть, что М. С. Михайлов сопоставляет «результативность» русских глаголов совершенного вида с той «результативностью», которая, в частности, присуща перифрастическим формам на *-miş olmak*. Однако такое сопоставление следует проводить осторожно, не забывая о том, что термин «результативность» употребляется по крайней мере в двух значениях.

«Результативность» в видовом понимании это — рассмотрение действия с точки зрения его результата (независимо от того, имеется ли налицо результат действия или нет).

«Результативность», присущая формам на *-miş olmak*, это то, что обозначают еще терминами «перфективность» и «состояние», а именно: обозначение такого действия, которое совершилось и результаты совершения которого налицо (в момент речи или в описываемый момент прошлого (будущего), например: «я не хочу спать, я (уже) *выспался*». Здесь глагол *выспался* результативен в обоих значениях этого слова. Но ср. «он *взял* свой портфель и *вышел*», где глаголы *взял* и *вышел* результативны (в видовом отношении), но не перфективны¹.

Формы на *-miş olmak* обладают результативностью, но лишь во втором значении этого термина (перфективность).

Очень важно также обратить внимание на то, что результативность указанного типа характерна в турецком языке отнюдь не только для перифрастических форм на *-miş olmak*. Она прежде всего и главным образом присуща временным формам на *-miş (tır)* («прошедшее-настоящее или прошедшее результативное время») и на *-miş idi (-mişti)* («давно-прошедшее I время»).

Приведем примеры:

Bina muhteşem... İnsanlar da tertemiz <i>giyinmiş</i>. Kıyafetlerde ne lüks, ne de bayağılık var. (M. Z. Sertel. Sovyetler Birliğinde 45 gün).	«Здание — великолепное... Люди также <i>одеты</i> очень опрятно. Туалеты не роскошны, но и не лишены изыска».
---	--

Здесь перед нами результативность (состояние) в плоскости настоящего времени, что передается формой на *-miş (tır)*.

¹ Этот вопрос мы намерены подробнее осветить в статье «Соотношение видо-временных форм русского и турецкого языков».

Nihayet kapı açıldı, elinde baston, Nazım göründü. Basit giymişti. Yavaş adımlarla bize doğru yürüdü. (M. Z. Sertel. Sovyetler Birliğinde 45 gün.).

«Наконец дверь отворилась, и появился Назым, с палкой в руке. Одет он был просто. Он медленно пошел к нам».

Здесь налицо состояние (результативность) в плоскости прошедшего времени, что передается формой на *-miş idi*¹.

... koyu lâcivert denize... düşünmeden bakıyor, büyük bahçeli bir köşk aramak için buralara geldiğini bile unutmuş bulunuyordu. (Ömer Seyfeddin. Acaba ne idi?).

«... он смотрел на темносинее море... ни о чем не думая; он даже забыл, что пришел сюда для того, чтобы искать дачу с большим садом».

Форма *-miş bulunuyordu* близка по значению форме *-mişti*; ею всегда обозначается состояние. М. С. Михайлов неправ, говоря, что форма *-miş bulunuyordu* (кстати: разве эта форма равнозначна форме *-miş oluyordu*?) «выражает переход действия в следствие в определенный момент в прошлом» (стр. 84). Глагол *bulunmak* «находиться», «пребывать» нединамичен по своей природе.

... kanun tasarısı hazırlanacak, ve yüksek huzurunuzda geldiği zaman elbette ki daha mütekâmil şeklini almış olacaktır (gaz.).

«... будет подготовлен законопроект и когда он поступит в это высшее собрание, он уже, безусловно, будет иметь (=будет принявшим) более совершенный вид».

Здесь перед нами результативность в плоскости будущего времени, что передается перифрастической формой *-miş olacaktır* («прошедшее в будущем»)², а также формами *-miş olur* и *-miş bulunur* («прошедшее в настоящем-будущем»). Результативное значение имеют и некоторые другие формы, например форма *-miş olacaktı*, обозначающая состояние в плоскости «будущего-прошедшего» времени. Во всех этих случаях глагол *olmak* «играет роль» недостаточного глагола *i(mek)*.

Итак, можно видеть, что обозначение результативности, иначе говоря, обозначение состояния, как результата ранее законченного действия, есть одна из функций аффикса *-miş* (а не перифрастических форм на *-miş olmak*). И уж если говорить о категории результативного вида, то к числу грамматических форм, передающих идею результативности, следовало в первую очередь отнести такие формы, как *miş(tır)* и *-mişti*, и только затем — перифрастические формы на *-miş olmak*.

Можно ли, однако, считать результативность (перфективность) видовым значением? Ответить на этот вопрос нелегко, но все же нам представляется, что такие категории, как «действие» и «состояние», хотя и находят определенное отражение в видо-временных формах изъявительного наклонения, но в целом выходят за рамки понятий времени и вида, составляя особую и, пожалуй, более широкую категорию (точнее, две взаимосвязанные категории)³. Так, в русском языке глагол в форме прошедшего времени совершенного вида (например, «поел») может обозначать или законченное действие или законченное действие,

¹ Мы не касаемся здесь другого значения этой формы.

² Термин А. Казембека.

³ Следует учитывать, что термин «состояние» не вполне однозначен. Ср. в русском языке: категория состояния (как часть речи).

перешедшее в состояние (перфективность), но никто не считает, что мы здесь имеем дело с разными видовыми оттенками.

Турецкие формы на *miş(-tır)* и на *-mişti*, как уже было сказано, предназначены для обозначения состояния, как результата завершенного действия. Однако, как и русское прошедшее время совершенного вида, эти формы могут обозначать не только состояние, но и обычное законченное действие. В частности, форма на *-mişti* очень часто используется для передачи преждепрошедшего действия. Соответствующее (нерезультативное) значение могут иметь и формы на *-miş olmak*.

Пример:

Vasilisa ile Lukerya ismindeki kadınlar, Dubrovski ve demirci Arhipi yangından birkaç dakika önce görmüş olduklarını söylediler. (A. S. Puşkin. Dubrovski).

«Бабы Василиса и Лукерья сказали, что Дубровского и Архипа-кузнеца видели они за несколько минут перед пожаром» (А. С. Пушкин. Дубровский).

Следует оговориться, что М. С. Михайлов, который не дает термину «результативность» строго определенного толкования, в этом примере (и в аналогичных) усматривает результативное значение. (См. формулировку на стр. 99—101).

Перейдем ко второму, а вернее первому, значению перифрастических форм на *-miş olmak* — к значению «перехода в новое состояние». В рассматриваемом случае формы на *-miş olmak* оказываются близкими формам на *-ır olmak* (например, *-ır oldu*), правда, лишь по общей идее, передаваемой перифрастическими формами обеих групп, а не по частным их значениям. Дело в том, что формой *-ır* обозначается состояние «активное», то есть такое состояние (и далее — качество, свойство), которое является результатом постоянного совершения действия. Формой же *-miş* обозначается состояние, являющееся результатом действия завершенного, законченного.

Действие, состояние (активное или пассивное) и переход в состояние это три категории (может быть, не вполне равноценные), которые важно принципиально разграничивать (хотя здесь, как и во всем, можно столкнуться с целой гаммой промежуточных ступеней). Разницу между этими категориями можно показать на следующем примере.

Предположим, что какой-то человек приступает к изучению шахматной игры. До начала работы над соответствующим учебником он еще не изучил (является не изучившим) правил игры (состояние!). Но параллельно с чтением учебника он усваивает эти правила и, закончив работу над книгой (или даже несколько раньше!), оказывается усвоившим (изучившим) основные моменты. Мы видим, что в этом случае совершение одного действия (завершение работы над учебником) знаменует собой одновременное совершение другого действия или, точнее, одновременный переход в новое состояние. И эта идея должна быть отражена при переводе на турецкий язык использованием перифрастической формы на *-miş ol...*

Акад. В. А. Гордлевский в свое время отмечал, что в описательном (перифрастическом) спряжении «заключен оттенок перехода действия в следствие...»¹. То же утверждает и М. С. Михайлов. Это, несомненно, правильно. Не случайно перифрастическим формам на *-miş olmak* часто сопутствуют такие слова, как *böylece*, *böylelikle*, *bu suretle* и такие грамматические формы, как *-sa* : *-se* и *-makla*. Однако все же значение

¹ В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928, стр. 97.

перифрастических форм на *-miş olmak* (в исследуемом значении) шире: они употребляются и тогда, когда оттенок следствия отсутствует (а с другой стороны, передача этого оттенка не лежит целиком на перифрастических формах).

...ve küçük ve büyük ve beyaz Rusya ve Kafkasya ve Sibirya ve Türkistan ve kederli Volga kıyılarının ve şehirlerin bahtı bir şafak vakti *değişmiş oldu* (стр. 86).

Dört gün uğraştılar... Ben mukavemet ettim, halbuki siz aynı mukavemeti gösterememişsiniz. Eh, kendinizi *öğrenmiş oldunuz*. Dedim ya, kendi içimizde, kendimize dair bilmediğimiz o kadar çok şey var ki... Böyle vesilelerle meydana çıkıyor da *öğreniyoruz!* (Şa b a h a t t i n A l i. Kurdla kuzu).

Az bildiğimiz bir lisandan bir romana başlasak, ilk zamanlar dikkatimiz daimi gayretlerle yenilenmek ihtiyacındadır! Bu dikkat iradidir ve gayret imdada yetişmez ise iflâs eder. Fakat roman mevzuunu kavrar gibi olup ta tadını anlamağa başlayınca iradî dikkat tav'î dikkate döner, alâkaya *bağlanmış olur*. (из книги «Çocuk ruhu»).

«И однажды на рассвете *изменилась* (оказалась изменившейся) судьба и Малороссии, и Велikorоссии, и Белороссии, и Кавказа, и Сибири, и Туркестана, и печальных волжских берегов и городов».

«Четыре дня возились они (со мной)... Я выдержал, а вы не смогли проявить такую же выдержку. Что ж, (зато) *вы изучили* себя. Я же говорю, у каждого из нас в душе так много такого, чего мы за собой не знаем... В подобных случаях все это выявляется, и (вот) мы узнаем».

«Если (допустим) мы начнем читать роман на мало знакомом нам языке, то первое время наше внимание вынуждено «обновляться» постоянным усилием (воли). Это внимание — волевое, и, если усердие не придет на помощь, оно иссякнет. Но как только мы несколько постигли тему романа и начали понимать его прелести, волевое внимание обращается в естественное, оно *сливается* (оказывается слившимся) с интересом».

Считать ли анализируемое значение форм на *-miş olmak* сугубо видовым? Выше мы уже говорили о том, что едва ли можно усматривать видовое значение в формах, призванных обозначить состояние лица или предмета (*-miştir, -miştir* и др.). Но если формы, указывающие на состояние, не являются видовыми, то было бы крайне непоследовательно считать видовыми формы, выражающие переход в состояние. Этот вывод следует распространить и на формы типа *-ir olmak*.

Переходим к третьему возможному значению перифрастических форм на *-miş olmak* — модальному. Если первые два значения рассматриваемых форм («состояние» — результативность и «переход в состояние») тесно связаны одно с другим, то третье стоит особняком. Мало того, и в морфологическом отношении «модально-перифрастические» формы существенно отличаются от других перифрастических форм. Это отличие состоит в том, что при наличии модального значения глагол *olmak* может стоять только в форме *olacak(tı)* или *olmalı(ydı)*, тогда как в других случаях он, в соответствии с заданным смыслом, может стоять в любой или почти любой форме. По сути дела, при наличии «модального» значения следует говорить не о перифрастической форме, а о времени на *-miş* (или на *-yor*) и о модальном слове *olacak* (или *olmalı*). И действительно, временное содержание перифрастических (временных)

форм складывается из двух элементов, причем абсолютное время совершенного действия определяется всегда по глаголу *olmak*. Так, в предложении *Böylece hava seferleri yarından itibaren başlamış olacaktır*. «Таким образом, воздушные рейсы *начнутся* с завтрашнего дня» (стр. 87) речь идет о будущем (*olacak(tır)* — форма будущего времени), и, если мы отбросим глагол *olmak*, то предложение потеряет всякий смысл. Но вот в предложении *Moruk uyumuş olacak*. «Старик, *должно быть, уснул*» (стр. 61) речь идет о прошлом, хотя глагол *olmak* стоит в форме будущего времени. Если отбросить глагол *olmak*, смысл предложения изменится очень мало — «Старик, *кажется (оказывается || говорят), уснул*». Таким образом, глагол *olmak* является здесь не вспомогательным глаголом с определенным грамматическим (в частности, и временным) значением, а лексемой (словом) со значением «должно быть», «по всей вероятности».

Единственное, что заставляет нас колебаться, это то обстоятельство, что глагол *olmak* (в форме *olacak* или *olmalı*) может присоединять к себе личные и другие аффиксы и, следовательно, должен считаться составной частью сказуемого.

Примеры:

Yavaş yavaş bir şey konuşuyorlardı. Her halde Türkçe konuşuyor olmalılardı ki, ne dediklerini anlıyamyordum. (Reşat Nuri Güntekin. *Çalıkuşu*).

Kit'aların yanında bulunup şimdiye kadar boşalmış olacakları tabii bulunan işe ağırlıkları, birliklerin 5 (mart) 1940 günü için ihtiyaç duydukları işe maddelerini alacaklardır. (Ф. П. Гайдаров. Учебник турецкого языка, ч. II, 1944).

«Они тихо о чем-то разговаривали. *Безусловно, они говорили* турецки, коль скоро я не понимала, что они говорят».

«Продовольственные обозы, находящиеся при подразделениях и к настоящему времени (уже), *безусловно, опорожненные* [букв.; обозы, ... (в отношении которых) естественно (*tabii bulunan*), что они (-ları) к настоящему времени, по всей вероятности (*olacak-*), уже опорожнены (*boşalmış*)], заберут продукты, потребные войскам на 5 марта 1940 года».

Впрочем, нетрудно обнаружить и такие примеры, где форма *olmalı* (*olacak*) как бы выносится за сказуемое, и тогда становится совершенно очевидно, что мы имеем дело не с перифрастической формой, а с простой временной формой + модальное слово *olmalı* (*olacak*).

Пример:

— *Efendi, gene, bir oyun çıkarıyorsun olmalı?* (Mahmut Yesari. *Bağrıyanık Ömer*).

— «Хозяин, ты, *должно быть, опять придумываешь* какую-то штуку?».

Если не вполне ясно, считать ли сочетания типа *-mış (-yor) olacak (olmalı)* перифрастическими формами или следует видеть в них простую временную форму + модальное слово, то уж, казалось бы, не может быть сомнений в отношении того, что указанные сочетания никоим образом не могут быть признаны видовыми формами глагола. И тем не менее именно к такому выводу приходит М. С. Михайлов: он выделяет особый «предположительный вид».

Какие же соображения приводятся в пользу этого вывода? Если не принимать в расчет ссылок на «специфику языка» и туманных высказываний относительно того, что «по самому характеру выражаемых понятий вид намерения и предположительный вид характеризуют действие скорее всего... именно с точки зрения его протяженности во времени (?), хотя и своеобразно преломленной в данном конкретном случае» (стр. 19), то окажется, что М. С. Михайлов руководствуется лишь следующим рассуждением: перифрастические формы имеют видовое значение, а формы на *-yog (-miş) olmalı (olacak)* являются перифрастическими, следовательно они являются видовыми. И вот с помощью такого прямолинейного рассуждения формы на *-yog (-miş) olmalı (olacak)* в один прием оказываются втиснутыми в прокрустово ложе новой, «видовой» схемы (в отличие от «прокрустова ложа традиционной схемы», о которой говорит автор на стр. 19).

Впрочем, хотя с терминологией и выводами автора книги по данному вопросу трудно согласиться, но само по себе обособление «модально-перифрастических» форм играет безусловно положительную роль, — и в этом заслуга М. С. Михайлова. Однако при трактовке отдельных форм М. С. Михайлов, к сожалению, почти совершенно не пользуется принципом четкого разграничения значений. Так, например, форма *-miş olacaktı*, относимая к «предположительному виду», характеризуется следующим образом: «Перифрастическая форма на *-miş olacaktı* по сравнению с формой на *-miş olacak* передает большую предположительность, вероятность действия (?), указывая на результат возможного действия» (стр. 63).

В этой формулировке «в одну кучу» свалены все значения формы на *-miş olacaktı*, а этих значений три или даже четыре (если не выделять особо кое-какие второстепенные оттенки). Приведем по одному примеру на каждое из основных значений:

Ömer daha bunu düşünecek yaşta değildi. Bütününü vakit te döken kan kurumuş solmuş hatıralar uyu-muş, unutulmuş olacaktı (стр. 63).

«Омер еще не достиг такого возраста, чтобы думать об этом. А когда он подрастет, то пролитая кровь уже высохнет (=будет (уже) высохшей), потеряет цвет, воспоминания потеряют силу и забудутся»¹.

Здесь форма *-miş olacaktı* обозначает состояние в плоскости «будущего-прошедшего» времени, то есть состояние в будущем по отношению к описываемому моменту прошлого.

Bu ihtirasa gem vurulduğu gün toprak meselesi de kendiliğinden hal ve temin edilmiş olacaktı (gaz.).

«(Было ясно, что) В тот день, когда будет обуздана эта алчность, земельный вопрос разрешится (=окажется разрешенным) сам по себе.

Здесь формой *-miş olacaktı* обозначается переход в новое состояние (в плоскости «будущего-прошедшего» времени).

¹ М. С. Михайлов трактует это предложение иначе: «... А когда он подрос, то пролитая кровь, очевидно, высохла, потеряла цвет, воспоминания, очевидно, потеряли силу и позабылись» — перевод теоретически возможный, но практически неправильный.

... çaydanlık ortadan kalkmıştı. Herhalde Satılmış bir yere *koymuş olacaktı*. (Sabahattin Ali. Çaydanlık).

«... чайник исчез. Конечно, Сатылмыш *сунул* его куда-нибудь».

Здесь глагол *olmak* имеет модальное значение.

Bereket versin bu iki ayın son günlerindeyiz. Öyle olmasaydı köşkü üç gün evvel *bırakmış olacaktım*. (Reşat Nuri Güntekin. Çalıkuşu).

«Счастье, что сейчас (еще) идут последние дни этих двух месяцев. Если бы это было не так, то я бы (уже) три дня назад *покинула* (была покинувшей) дачу».

Здесь формой *-miş olacaktı* обозначается состояние, но в ирреальном плане.

Завершая рассмотрение форм на *-miş olmak*, отметим, что автором монографии не зарегистрированы две модально-перифрастические «формы»: 1) *-miş olacağı* (пример см. выше) и 2) *-miş olmasın*. Особенно интересна вторая «форма», передающая оттенки колебания, подозрения, догадки. Способ перевода: «(уж) не... ли» и основной глагол в форме прошедшего времени. Примеры:

Ustabaşı: — *Bayılmış olmasın?* (Nazım Hikmet. Bir aşk masalı).

Старший мастер: *(Уж) не потерял ли он сознание?*

Zavallı anneciğim benim iftira atabileceğime hiç ihtimal vermiyordu. «Aptal Dadaruh atlara *ezdirmiş olmasın*» derdi. (Ömer Seyfeddin. Kaşığı).

«Моя бедная мамочка не допускала мысли, что я способен солгать. *(Уж) не этот ли* остолоп-Дадарух *сломал* (скребницу), возясь с лошадьми?» [букв. «уж. не (этот ли) дурак-Дадарух дал лошадям сломать (скребницу?)»] — говорила она».

Ср. с этим обороты типа: — *İsmi ne? Orhan olmasın?* «Как его зовут? (Уж) не Орхан ли?».

Нам остается вкратце коснуться третьей большой группы перифрастических форм — с показателем *-asak ol*.

Толкование М. С. Михайловым отдельных форм этой группы представляется правильным и существенных возражений не вызывает. Лишь некоторые формулировки кажутся не вполне удачными. Так, характеризуя форму на *-asak olmuş*, М. С. Михайлов пишет: «Повидимому, эта форма передает нерешительность, робость из-за неуверенности в себе (?)» (стр. 112).

Вместе с тем, классификация рассматриваемых форм, предлагаемая М. С. Михайловым, представляется уязвимой, поскольку в ней не проводится последовательно ни морфологический принцип, ни семантический. В самом деле, если в основу положен морфологический принцип, то из числа форм, включаемых в группу, необходимо исключить по крайней мере такие формы, как *-asak değildir*, *-asak iken*, *-asağı var*, не имеющие никакого отношения к глаголу *olmak*. Если же в основу положен семантический принцип («вид намерения»), то тогда следовало, не ограничиваясь перифрастическими формами, рассмотреть все формы на *-asak*, в частности, такие формы, как *-asak(tır)*, *-asaktı*. Ведь если

сопоставить две формы: -asak oldu и -asak idi (-asaktı), то выяснится, что идея намерения заложена как раз во второй из этих форм (-asaktı), а форма -asak oldu обозначает попытку совершения действия, иначе говоря — действие с пресеченным результатом. Следовательно, намерение выражается формой на -asak, а соединение этого показателя с глаголом olmak (в тех случаях, когда последний не подменяет собою недостаточного глагола i(mek), что имеет место, например, в форме -asak olan) приводит к ослаблению и утрате этой идеи, к замене ее идеей попытки совершения действия.

Наконец, следует сказать о том, что оттенок намерения не обозначает характера протекания действия во времени и поэтому должен быть признан не видовым, а скорее модальным оттенком. Следовательно, термин «вид намерения» не правомерен.

В заключение статьи сделаем несколько замечаний по отдельным положениям книги М. С. Михайлова.

1) Говоря о перифрастических условных формах, М. С. Михайлов, следуя традиционной точке зрения, подчеркивает, что эти формы якобы передают оттенок предположительности действия (Ср. «Перифрастическая форма на -mış olsaydı выражает ирреальное условие, осложненное оттенком предположительности», стр. 90); «Перифрастическая форма на -(у)asak olursa... выражает предположительность реального условия (!?) в предположительном будущем (?)» (стр. 115).

В прошлом была защищена одна диссертация, посвященная условным конструкциям турецкого языка, в которой рассматривается и вопрос о перифрастических условных формах (а заодно — и о перифрастических формах вообще)¹, причем автор возражает против традиционного толкования перифрастических условных форм. Повидимому, М. С. Михайлову не была известна эта работа, коль скоро он и не полемизирует с ее положениями и не принимает их.

2) На стр. 49 говорится о перифрастической форме -mış bulunmaktadır, которая отнесена к числу форм длительного вида, хотя, по признанию автора, в отношении структуры она отличается от всех других форм этого класса. На наш взгляд, формы -mış bulunmaktadır—bulunmaktaydı имеют в принципе те же значения, что и формы -mış buluncuog—buluncuordu, рассматриваемые в разделе «результативный вид»: они (в соответствии со значением глагола bulunmak) обозначают состояние по признаку завершенности действия. Разница между указанными формами главным образом стилистическая: формы, в состав которых входит показатель -dır, преимущественно используются в «книжно-официальном» языке. Не случайно все пять примеров на форму -mış bulunmaktadır, приводимые М. С. Михайловым, почерпнуты из газет. Вообще говоря, М. С. Михайлов прав, утверждая, что «перифрастические формы представляют собой органическое явление турецкого языка, а отнюдь не стилистическое» (стр. 36), однако правильность этого положения отнюдь не означает, что отдельные такие формы не могут иметь между собой стилистических различий.

Примеры на форму -mış bulunmaktadır.

Asiler geniş ölçüde bir taarruza
girişmiş bulunmaktadırlar (стр. 49).

«Повстанцы *предприняли* (=являются предпринявшими) крупное наступление».

¹ П. Кузнецов. Условный период турецкого языка. Канд. дисс. М., 1950, стр. 138—177 и 185—187.

(М. С. Михайлов переводит: «В последнее время повстанцы *непрерывно предпринимают* наступления (?) в большом масштабе»).

Bu kanal şimdi Moskovayı Sovyetler Birliğinin bütün su havzalarıyla birleştirmiş bulunmaktadır. (Suad Derviş. Niçin Sovyetler Birliğinin dostuyum).

«Этот канал ныне *соединил* (=является соединившим) Москву со всеми водными бассейнами (Европейской части) Советского Союза».

3) Рассматривая формы длительного вида, М. С. Михайлов всюду указывает, что эти формы обозначают длительность, продолжительность, непрерывность действия. Однако некоторые из этих форм (например, *makta olduğu*) нередко используются просто для того, чтобы подчеркнуть, что действие совершается или совершалось (в описываемый момент) — в отличие от действия, которое совершилось. Это бывает тогда, когда контекст сам по себе не дает ясного указания на время совершения действия или, чаще, на его вид. Сходное (но прямо противоположное) значение могут иметь некоторые перифрастические формы на *-miş olmak* (*-miş olduğu* и др.).

Ne konuşmakta olduğumuzun yine farkında değildim. (Ömer Seyfeddin. Miras).

«Я попрежнему не замечал, о чем мы *говорили*».

...doktorun yüzündeki can sıkıntısı ifadesinin *artmakta olduğunu* farkedenden Avni... (стр. 54).

«Авни, заметивший, что на лице у доктора *нарастает* (у М. С. Михайлова: «*все время нарастает...*») выражение скуки...».

Отметим попутно, что в предложении Çivi İnciliyi korkutamadığı gibi onun da silâh ve at *kullanmakta olduğu* maharetine karşı gelemediğini anlıyarak hemen geri dönüp gider (стр. 55), на наш взгляд, нет перифрастической формы *-makta olduğu*; в слове *kullanmakta* следует видеть отглагольное имя со значением «управление, пользование» (лошадью, оружием) в местном падеже, так что грамматически точный перевод предложения таков: «Чиви, поняв, что ему не удалось запугать Инджили и что он не сможет противостоять искусству, которым обладает (*olduğu*) Инджили (в деле) управления лошадью (*at kullanmakta*) и применения оружия, сейчас же поворачивает назад и уходит» (М. С. Михайлов переводит: «...не сможет противостоять *неизменному искусству* Инджили править лошадью и пользоваться оружием...»).

4) На стр. 8 (и в других местах) М. С. Михайлов пишет: «Перифрастические формы свидетельствуют об именном характере турецкого спряжения».

На наш взгляд, спряжение в тюркских языках не является именным. Однако этот вопрос требует особого рассмотрения.

5) На стр. 122 читаем: «К перифрастическим формам относится и форма на *-an oldu*, например: *Merkeper öldüğü zaman böyle bir şey diyen olmadı...*»

Повидимому, здесь имеет место какое-то недоразумение. В сочетаниях того типа, о котором говорит М. С. Михайлов, причастие на *-an* выступает в роли подлежащего, а глагол *olmak* — в роли сказуемого.

Наконец, переходя к мелочам, отметим, что переводы примеров, предлагаемые М. С. Михайловым, во многих случаях неточны, а иногда и неправильны. Приведем три примера *неправильных* переводов.

O halde perşembe akşamı yatsıdan sonra siz de sarayda herkesin yatmış bulunmasına dikkat buyurursanız her iş halledilmiş olur.

«В таком случае, если и вы учтете, что в четверг вечером после вечерней молитвы все (уже) уснут во дворце, то таким образом все разрешится» (стр. 99).

Следовало перевести: «В таком случае, если в четверг вечером после вечерней молитвы (и) вы обратите внимание (проследите за тем), чтобы все во дворце спали (легли спать), то все будет улажено».

Eğer yalanını tutacak olursam, vay haline...

«Если вздумаю скрыть твою ложь, тебе будет плохо» (стр. 115).

Следовало перевести: «Если я запримечу (твою) ложь, тебе будет плохо».

Bu muhavere esnasında Şebip tabancanın sapından Fazile de ağzından tutmuş oldukları halde duruyorlardı.

«Во время этого разговора они стояли, — Шебиб, схватив рукоятку пистолета, Фазиле — закрыв ему рот» (стр. 105).

Следовало перевести: «Во время этого разговора они стояли, — Шебиб, схватив пистолет за рукоятку, Фазиле — за дуло».

Сформулируем основные выводы:

1. Перифрастические формы турецкого языка в морфологическом отношении делятся на три основные группы: а) формы на -mış ol..., б) формы на -ır ol... и в) формы на -acak ol...

2. Глагол olmak, входящий в состав перифрастических форм, может или а) выступать в собственном значении, или б) выполнять функции недостаточного глагола i(mek), или в) (в форме olacak или olmalı) играть роль модального слова со значениями «должно быть», «по всей вероятности».

3. Когда глагол olmak выступает в функции глагола i(mek), формы на -mış ol..., наряду с другими формами на -mış, обозначают состояние, как результат завершенного действия; формы на -acak ol..., наряду с другими формами на -acak, передают модальные оттенки намерения, долженствования, предопределенности совершения действия.

4. Когда глагол olmak выступает в собственном значении, перифрастические формы на -mış ol... и на -ır ol... обозначают переход из одного состояния в другое; перифрастическими формами на -acak ol... обозначается действие с пресеченным результатом (попытка совершения действия).

5. Нет оснований считать, что главной функцией перифрастических форм является выражение категории вида.

Таким образом, заявление проф. Н. К. Дмитриева о том, что «М. С. Михайлов явился первым, кто провозгласил наличие категории вида в турецком глаголе и доказал это фактами» (см. предисловие к книге), на наш взгляд, не является неоспоримым.

Вопрос о перифрастических формах турецкого языка, несомненно, нуждается в дальнейшем изучении.

С О О Б Щ Е Н И Я

А. С. Бархударов

кандидат филологических наук

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ХИНДИ

(Тезисы диссертации, защищенной 7 декабря 1953 г. в Институте востоковедения АН СССР)

I

1. Закономерной чертой в развитии современного литературного хинди является резкое усиление процесса словообразования как основного пути обогащения словарного состава и в первую очередь — усиление продуктивности и расширение сферы действия у ведущего способа словообразования — суффиксации.

Закрепление за хинди положения государственного языка — *gāṣṭra-bhāṣā* — Индийской республики неизбежно вызывает появление целого слоя новой лексики, национальной (преимущественно санскритской) по форме, но международной по своему содержанию.

Наряду с интенсивным развитием старых путей и способов пополнения словарного состава, выявляются новые богатейшие ресурсы словообразования, которые существуют и конкурируют со старыми — либо унаследованными («тадбхава»), либо заимствованными из санскрита («татсма»).

2. При изучении словообразования хинди необходимо проводить разграничение между вопросами, связанными с выяснением системы суффиксов и структуры словообразовательных типов, и вопросами формирования и развития суффиксов и словообразовательных типов, подлежащими рассмотрению в плане сравнительно-исторического анализа новоиндийских словообразовательных типов и их формантов.

Непосредственная задача изучения словообразования хинди заключается, во-первых, в выяснении и описании всех тех грамматических и лексико-грамматических средств, при помощи которых осуществляется процесс словообразования, и среди них в первую очередь — суффиксов и «слов-суффиксов» как основного способа словообразования хинди; во-вторых, в выяснении основных групп близких по значению, то есть схожих в своей функции, и однозначных, то есть совпадающих в своей функции, суффиксов. Однако существует еще третья основная задача изучения словообразования. Эта задача состоит в выяснении того, какими путями проходит развитие основных словообразовательных типов.

3. Словообразование современного литературного хинди может рассматриваться с двух сторон: 1) как система словообразовательных типов, то есть как определенная структурно-смысловая закономерность присоединения суффиксов к словам и возникновения, в резуль-

тате этого присоединения, новых слов, выражающих определенную, необходимую для развития словаря, лексико-грамматическую категорию; 2) как процесс расщепления, совпадения и переосмысления значений в структуре сложного и производного слова, а также процесс омертвления и слияния грамматических компонентов, с одной стороны, и формирования суффиксов из самостоятельных слов, — с другой.

Прежде чем перейти к анализу словообразования как процесса, то есть к анализу сложных и производных слов в их историческом развитии, в зависимости от изменяющихся потребностей лексики, необходимо выяснить: за счет каких формальных средств осуществляется это словообразование и какие значения выражаются этими средствами, иными словами, выяснить самую форму словообразовательного типа.

Анализируя производные и сложные слова хинди, мы стремимся показать те новые средства — новые суффиксы, которые выработаны в процессе словообразования и которые будут играть ведущую роль в создании новых слов — терминов, а также ту совокупность старых и новых суффиксов, функционирующих в языке, которая определена как «система суффиксов» хинди. В данной работе мы не выходим за пределы изучения совокупности старых и новых суффиксов в ее современном состоянии, или «системы суффиксов», то есть вопроса о том, какими суффиксами располагает хинди и каковым в настоящее время представляется взаимоотношение этих суффиксов в зависимости от их происхождения и функциональной значимости¹.

Проделанная работа является, таким образом, необходимым предварительным условием для выяснения «динамики словообразования» современного литературного хинди.

II

1. Возникновение новых слов непосредственно связано с развитием общества. Наименование новых вещей и обозначение новых понятий может быть осуществлено двумя путями: либо заимствованием необходимого слова из какого-либо другого языка, либо путем словообразования. Словообразование является основным способом развития лексики. Нужное слово не всегда можно заимствовать, однако язык не знает такого случая, когда необходимое слово не может быть создано путем использования собственных языковых ресурсов. Всякое сложное или производное слово, по крайней мере в момент своего возникновения, имеет свою внутреннюю форму, соотносимую с новым понятием. «Немотивированное» словообразование невозможно, поскольку всякое словообразование есть своеобразное объяснение нового понятия путем использования старых, определенных в своем содержании, понятий.

2. В процессе словообразования хинди наблюдается рост продуктивности ряда суффиксов и возникновение новых суффиксов и «слов-суффиксов». Образование новых суффиксов происходит путем постепенной утраты вторыми (последними) элементами санскритских («татсама») словосложений лексической значимости. Например, суффиксы имен существительных абстрактных: *vād* «теория», *tantra* «управление» > «-изм» = «-кратия», суффиксы имен прилагательных: *ātma* «природный»,

¹ Рассмотрение этимологии суффиксов хинди, а также отдельные замечания по поводу употребления некоторых суффиксов в санскрите и пракритах — все это делается с целью объяснения их современного состояния, в частности их своеобразного употребления в системе других суффиксов хинди.

janak «рождающий», rūṇa «полный», śīl «характер», mūlak «коренящийся», «основанный». Этот процесс представляет дальнейшее развитие той тенденции к грамматикализации позиционных элементов, которая имела место в самом санскрите. Например, суффиксы имен прилагательных: sahit, anvit «сопровождаемый», «снабженный», vañcit, hīn «лишенный»; śālī «наделенный», «обладающий» (см. ниже, раздел III, 1, е).

3. «Мертвые», или исторические, образования хинди, как правило, представляют собой результат длительного фонетического и семантического изменения слова. К мертвым образованиям относятся прежде всего все глагольные корни хинди, возникшие в результате полного слияния санскритской приставки с глагольным корнем, типа: biknā «продаваться» из vi-kṛt, samajhā «понимать» из sam-budh -ya(dhya > jha) utarṇā «спускаться» из ut-tar и т. п., а также целый ряд случаев стирания морфологических границ в старых санскритских словосложениях в результате значительных фонетических изменений, типа: rahilautā (rahil-autā) «первенец (сын)» < анабхрнша radhavi-lauttha'u < пракриты radhama-putta(k)o < с. prathama-putrakah (переход «тат-сама» в «тадбхава»). От мертвых словообразований, структура которых может быть обнаружена только лишь путем этимологического анализа, следует отличать более поздние случаи омертвления суффиксов, которые характеризуются сохранением старой формы и, следовательно, сохранением морфологической членимости производного слова. Например, застывшие формообразования и словообразования на суффиксы -ṛā, -hā, типа tukṛā «кусок», dukhṛā «горе», mukhṛā «лицо» (присоединение плеонастического -ṛā к словам tuk-, dukh, mukh), ṭilhā «холм» — ṭil(a)-hā; panihā «водный», «водяное насекомое» — paṇī «вода» и т. д.

4. Иноязычные сложные и производные слова, являющиеся первыми, единичными представителями данного продуктивного словообразовательного типа, в начальном периоде своего употребления характеризуются затемненностью структуры, то есть по существу также являются мертвыми. Однако в процессе своей дальнейшей жизни на почве чужого языка иноязычное слово может раскрыть свою структуру и осознаться в качестве производного или сложного (составного) слова. Исключительную роль в «оживлении» иноязычных словообразований играет аналогия в пределах целого ряда других однотипных заимствований. Возникновение так называемых «гибридных», или смешанных, образований: оформление иноязычных основ суффиксами родного языка и, наоборот, приобретение иноязычными суффиксами способности к соединению с родными словами (продуктивность) представляет собой конечный результат ассимиляции иноязычной лексики.

III

1. Процесс словообразования литературного хинди характеризуется следующими основными моментами:

1) Многочисленность и разнообразие, как в генетическом, так и типологическом отношениях, синонимичных (дополняющих друг друга) и однозначных (сосуществующих и конкурирующих между собою) сложных и производных слов. Например, понятие «демократия» передается следующими широко употребительными образованиями: prajātantra, loktantra, janatantra, gaṇatantra prajāśattā, lokaśattā, janaśattā, lokśāhi, prajāśāhi. Прилагательное «демократический» передается образованиями: janvādi, lokvādi, prajātantrik, prajātantriya, prajātantri, gaṇatantrik, janatantrik, janatantriya, janatantri, janatantrātmak, janatantravādi,

loktantriya, loktantrātmak, prajātantrātmak, prajātantravādi, prajāsattāt-mak; lokśāhīwālā (с.-и.-х.).

Процессы вытеснения одних словообразований другими носят замедленный характер, поскольку, совпадая в своем общем, терминологическом содержании, они могут существенно отличаться своими дополнительными значениями и оттенками, тесно связанными со структурой слова и обусловленными ею (см. пункт е). Многообразие словообразовательных типов, выражающих одно понятие, значительно обогащает стилистические ресурсы литературного хинди. Например, а.-и *ghusal-khānā* «ванная комната», «умывальня», «купальня» = с. *snāṅgr̥ha*, с.-х. *snāṅghar*, с. *snānālay*, с. *snānāgār*; *nahāne kā kamrā*¹.

Словообразовательная синонимика, или возникновение однозначных и близких по значению слов, в значительной мере обусловлена суффиксальной синонимикой, то есть наличием в языке установившегося ряда однозначных и большого количества близких по значению суффиксов (см. пункт 9).

2) Значительный процент слов-неологизмов, то есть «условных», окончательно еще не установившихся в общезыковом употреблении, словообразований. Очень часто прочно установившемуся европейскому термину или английскому слову в хинди соответствует санскритский неологизм или целый ряд неологизмов.

Например, *president* = с. *rāṣṭrapati* «президент», *asptāl* (из англ. *hospital*) = с. *āturālay* «больница». Нередки случаи замены сравнительно старых иранско-арабских слов и словообразований санскритскими неологизмами². Слово и. *kārgavā'i* «деятельность» иногда заменяется словом с. *kāryavāhi* (неологизм-калька) и. *kārkhānā* «фабрика», «завод» — словом с. *karmaśālā* (неологизм-калька) и. *paukarśāhī* «бюрократия» — словами с. *karmacāritantra*, или *adhikāritantra* (неологизмы-кальки), и.-а. *'ajayab-khānā* «музей» — с. *kautukāgār* (неологизм-калька), вместо а. *akhbār* (букв. «известия») «газета» в хинди вошло в употребление *saṁācār-patra* и т. д. Замена иранско-арабских и санскритских неологизмов словами собственно хинди встречается редко: и. *sāl-giroh* «годовщина» заменяется неологизмом-калькой х. *baras-gāñṭh* обычно: х.-с. *varṣa gāñṭh*. Объясняется это тем, что слова собственно хинди сравнительно с иранско-арабскими и, тем более, санскритскими словами менее употребительны в качестве терминов.

3) Обилие разноразличных (в генетическом отношении), то есть смешанных, или так называемых «гибридных» словообразований, как старых, прочно вошедших в общезыковое употребление, так и новых. Например, к более или менее старым «гибридам» относятся словообразования: х.-и. *saṁajh-dār* «умный», х.-и. *phūldān* (= и. *guldān*), с.-а. *sajild* «переплетенный», «в переплете», а.-х. *lāpatā* «пропавший без вести», «потерявшийся», х.-и. *ghūñs-khor* «взяточник», х.-и. *caukidār* «сторож», *paṭṭedār* «подрядчик». К гибридам-неологизмам относятся словообразования: с.-и. *lokśāhī* «демократия», англ.-с. *kāmyūnvād* «коммунизм» (единичный случай, вместо общераспространенных с. *sāmyavād*, или англ. *kāmyunizm*) х.-и. *saṁjhautā-pasand*, х.-с. *saṁjhautāvādī*, *saṁjhautāpremi* «соглашательский», «соглашатель», «оппортунист».

Неологизмы и «гибриды» в своем большинстве являются производными словами, созданными по относительно старым, прочно уста-

¹ В частности, все эти образования (кроме *snāṅghar*) употребляются Прем Чан-дом в романе «*Sevāsadan*».

² Особенно отчетливо эта тенденция замены обнаруживается в период, непосредственно следующий за провозглашением хинди государственным языком Индии.

новившимся в языке моделям. Множество неологизмов, в том числе «гибридов», образовано посредством новых суффиксов («слов-суффиксов»).

Образование неологизмов на иноязычном материале свидетельствует об ассимиляции иноязычных слов и их формантов (суффиксов, префиксов). Использование суффикса или префикса при создании неологизма путём присоединения к иноязычному слову свидетельствует о продуктивности данного суффикса или префикса.

4) Широкое использование приема калькирования в процессе создания новой, преимущественно санскритской, лексики. Хинди изобилует кальками непосредственно с английских (этимологически — греческих или латинских) терминов. Латинское «децентрализация» передается санскритским *vikendriyakaraṇ*, «реакция» — *pratikriyā*, «социология» — *saṃāṣāstra*, «империализм» — *sāmrajyavād*, «генератор» — *janitra* (букв. «рождающий»), «мотор» — *calitra* (букв. «двигатель»), «индикатор» — *deśitrā* (букв. «указатель»), «аккумулятор» — *saṃgrahitra* (букв. «собираатель»); греческое «анархия» — санскритским *arājakatva(tā)* и т. д. и т. п.

Широкое использование приема калькирования является одной из причин многочисленности однозначных или синонимичных образований литературного языка. Калькирование активизирует словообразовательные возможности языка, в частности, благодаря широкому применению калькирования увеличивается продуктивность некоторых санскритских суффиксов и префиксов, оживляется старая санскритская лексика и ускоряется процесс превращения санскритских самостоятельных слов в новые суффиксы языка хинди. Так, например, превращение санскритского слова *vād* в суффикс в значительной мере основано на подражании терминологическим образованиям с суффиксом *-izm*.

Калькирование «международных» терминов, как правило, греческо-латинского происхождения, путем использования санскритских слов и аффиксов представляет характерную особенность формирования общественно-политической и, в еще большей степени, научно-технической терминологии литературного хинди, безразлично, обосновано ли такое калькирование отсутствием необходимых языковых средств и неприемлемостью других путей развития лексики и, таким образом, представляет собой вполне правильное и неизбежное явление; например, *pūñjivād* «капитализм», *uraniveśvād* «колониализм», *antarrāṣṭriyatā* «интернационализм» и т. п.; или же оно носит произвольный, индивидуальный, не вызванный необходимостью буквальным характер, напр., *vyāpār-saṅgh* «торговый союз»; букв. с англ. *trade union*, в значении «профсоюз», вместо обычного, правильного и.-с. *mazdūr-saṅgh* букв. «рабочий союз»; *grha-mantri* «министр внутренних дел»; букв. с англ. *home minister*; *grha-niti* «внутренняя политика» — *home policy* (ср. обычное *aṇḍarāṇi niti*); *avekṣak* «надсмотрщик», «инспектор» — *over-seer* (ср. обычное *nirikṣak*) и т. п.

5) Большинство новых терминов хинди «иноязычно» лишь по своему происхождению, но не по типу построения и не по характеру своего содержания. Так, например, иранское слово *paukaṛśāhi* «бюрократия» иноязычно лишь в том смысле, что оно составлено из слов, некогда заимствованных из персидского языка: *paukaṛ* и *śāhi*. Само же соединение этих слов как определенный общественно-политический термин представляет собой специфически новоиндийское образование, возникшее на почве хиндустани, и в этом смысле его нельзя назвать иноязычным. То же самое можно сказать относительно нового санскритского слова *adhikāritantra* (калька с.-и. *paukaṛśāhi*). Подобные пары слов указывают на различные источники, используемые одним и тем же

языком при создании новой, преимущественно терминологической, части словаря. Несмотря на то, что в отдельных случаях фактор иноязычности может использоваться в целях создания определенной жанровости стилистической окраски, все же, как правило, подобные пары слов отличаются единством содержания: оба слова выражают одно и то же понятие. Ср. также: и. *aman-pasand* — с. *śānti-premī* «миролюбивый»; «сторонник мира»; и. *jaṅg-parast* — с. *yuddha-priya* «милитаристский»; «милитарист»; и. *āzādī-pasand* — с. *svatantratā-premī* «свободолюбивый» и т. д.

Эти и им подобные общественно-политические термины — специфически новоиндийские; они представляют результат единого в своей основе процесса развития лексики урду и хинди, причем в принципе безразлично: возникают ли они посредством прямого калькирования иностранного (английского) термина или же — как результат косвенных калек, в процессе замены иранско-арабской лексики лексикой санскритской (см. пункт б) или, наконец, самостоятельно, независимо одно от другого. Подобные однотипные образования, а также многочисленные новые случаи образования «гибридов»: например, в хинди а.-с. *faujīkaraṇ* «милитаризация», в урду с.-и. *ādarśparastī* «идеализм» (в хинди с. *ādarśvād*) указывают на сосуществование и взаимопроникновение урду и хинди как двух литературных форм хиндустани.

Сравнение новой иранско-арабской (иностранной) и санскритской (татсама) лексики позволяет прийти к выводу о существовании семантико-морфологического (структурно-смыслового) единства значительного, как правило, терминологического, слоя иностранной и санскритской лексики в пределах одного и того же новоиндийского языка и в первую очередь в пределах двух литературных форм (урду и хинди) языка хиндустани. Совпадение некоторых новых образований урду и хинди, генетически восходящих к различным языкам, свидетельствует о единстве словообразовательной системы урду и хинди. Подобное совпадение некоторых новых терминов урду и хинди не случайно, оно обусловлено определенными законами словообразования, общими как для урду, так и для хинди.

б) Санскритские образования, главным образом новые образования, отличаются способностью буквального, «традиционного» и переносного, «терминологического» восприятия и толкования, что создает в частности известное затруднение в их переводе. Они, так сказать, имеют двойственную семантику, «двуаспектны», и в этом, как нам представляется, заключается их специфика. (Ср., например, *lokaṛājya* «республика», букв. «царство, правление народа».) Отчасти это явление объясняется новизной самих санскритских терминов и, следовательно, отсутствием надлежащей традиции терминологического употребления слова, достаточной для того, чтобы слово-термин окончательно потеряло бы способность восприниматься буквально. Отчасти это можно объяснить морфологической его формы при внутреннем, иногда очень сильном, семантическом изменении. Главная же причина, повидимому, состоит в том, что в современном литературном хинди сосуществуют и влияют друг на друга два семантических типа словообразования: старый, собственно санскритский, и новый.

В новообразованиях хинди значительное количество санскритских слов (около пятидесяти) выполняют функцию суффиксов, несмотря на то, что они употребляются (как правило, например *prāpta*, *gat*; *jāti*, *vidyā* и др. или, как исключение, например *vād*, *tantra*, *śil*, *śālā*

и др.) самостоятельно или в составе старых словосложений. Например, слово *varga* — «группа», «разряд», «класс» — может иногда выполнять функцию суффикса абстрактных имен существительных собирательных: ср. новый семантический тип *pratinidhivarga* «представительство», *vidyārthivarga* «студенчество», *manuṣyavarga* «человечество» (= *mānuṣya*, *mānavtā*) со старым семантическим типом *mazdūr-varga* «рабочий класс»; новый тип *āśāvād* «оптимизм», *āśāvādī* «оптимистический» со старым типом, представленным древнеиндийскими образованиями: *āśīrvād* «благословение», *dhanyavād* «благодарность», *satyavādī* «говорящий правду». Сосуществование этих двух смысловых типов при наличии их структурного единства и создает возможность переосмысления, путем аналогии, одного и того же структурно-смыслового типа. Например, ср. традиционное понимание слова *pūñjivād* «капитализм» как «теория, доктрина капитала» (*pūñjivādī siddhānt*) в отличие от *pūñjīśāhī* «капитализм» как «господство капитала», с одной стороны, и модернизацию семантики слова *satyavād* «правдизм», «праведность», — с другой стороны, по аналогии с бесчисленными новообразованиями на суффикс *-vād*.

Санскритская лексика в хинди двуаспектна постольку, поскольку она в известных пределах удерживается на позициях иноязычности, что происходит, во-первых, в силу непосредственной связи хинди с санскритом, как основным, а в ряде случаев незаменимым, источником лексического заимствования, во-вторых, в силу вышеназванной морфологической прозрачности санскритского слова, законсервированности его формальной стороны при любом, иногда очень значительном, семантическом изменении и, наконец, в-третьих, в силу аналогии между санскритскими неологизмами и более старыми или даже древними образованиями.

2. В пределах иноязычной, преимущественно санскритской, лексики наблюдается возникновение и развитие нового типа словосложения, чуждого как персидскому языку, так и санскриту. Этот новый тип словосложения по своей семантико-морфологической специфике представляет как бы промежуточное явление между сложными словами и свободными синтаксическими сочетаниями слов (С. К. Чаттерджи называет их «*asaṅgha samāsa*» — «свободные, несвязанные словосложения», или «*loose compounds*»)¹.

Изучение «свободных словосложений» или, как мы их предпочитаем называть, «словостяжений» не может быть ограничено пределами лексикологии или словообразования. Словостяжения в равной мере подлежат рассмотрению в синтаксисе. Примеры словостяжений (отсутствие флексии и послелогов): *siñcā'ī-vikās-kar* «налог на развитие орошения» (букв. «орошение-развитие-налог»), *pratham-viśva-śānti-kāṅgres* «первый всемирный конгресс (сторонников) мира», *kisān-mazdūr-gāj* «рабоче-крестьянская власть», *saṅyukta-rāṣṭra-saṅgh* «Организация Объединенных Наций», *adhik-anāj-ugā'o-āndolan* «движение (под лозунгом): «выращивайте больше продовольствия!», *videśi-vastra-bahiṣkāra* «бойкот иностранной одежды» и т. д.

3. Одной из наиболее отличительных особенностей грамматического строя новоиндийских языков является утрата древнеиндийской глагольной префиксации, полное слияние приставок с корнями². Например:

¹ Suniti Kumar Chatterji. *Bhāṣā-Prakāś* (Pāṅglā Vyākaran), стр. 194.

² Начало процесса исчезновения приставок прослеживается уже в ранней стадии развития пракрытов.

с. *ud + sthā* = *utthā* > х. *uṭh*- «вставать»; с. *upa + viś* = *upaviś* > пр. *uva'is* > х. *baiṭh*- «садиться» и т. д. и т. п.

Исключительная роль в образовании новых формальных показателей выпадает на вторые (последние) элементы сложных слов. Процесс их грамматикализации наблюдается не только при переходе форм «татсама» в разговорные формы «тадбхава», он наблюдается также в пределах самих татсама, среди санскритской лексики литературных новоиндийских языков. Санскритские слова *vād*, *tantra*; *śāstra*, *vidyā*; *vettā*, *jña*; *kar*; *vāsi*; *virodhi*; *kār*, *kartā*, *kārī*, *dātā*, *dāyī*; *sambandhi*; *janak*, *ātmak*, *pūrvak*, *pūrṇa*, *gat*, *śil*, *gaṇ*, *jan*; *ālay*, *gṛha*, *āgār*, *śālā*; *vaś*, *kṛta*; *sampranna*, *yukta*; *priya*, *premi*; *ākār*; *anusār*, и некоторые другие, в новообразованиях хинди выполняют роль суффиксов, то есть употребляются в качестве лишенных конкретного содержания словообразовательных формантов. Поэтому изучение санскритского суффиксального словообразования в литературном хинди неотделимо от изучения основных типов санскритского словосложения.

Суффиксация по своей природе тождественна словосложению. Второй элемент сложного слова всегда более абстрактен, «типичен», чем его первый элемент. Развитие данного типа словосложения по аналогии неизбежно сопровождается постепенной утратой вторым элементом лексической значимости. Таким образом, постпозиционное употребление слова и аналогия являются главными факторами превращения самостоятельного слова в суффикс. Современная санскритская лексика дает богатейший материал, иллюстрирующий это положение. Так, например, в новоиндийских литературных (письменных) языках существует целый ряд санскритских слов, которые, выступая в качестве второго элемента сложного слова, как правило, в значительной степени грамматикализуются и приближаются по своей функции к суффиксу, однако в качестве первого элемента они могут выступать лишь в своем первоначальном, конкретном значении. Ср. *svatantratāpūrṇa* «независимый», «свободный», — производное слово от *svatantratā* «свобода», но *pūrṇa-svatantratā* «полная независимость». Аналогичным образом можно сравнивать: *pratinidhiṅgaṇ* «представители», «делегаты» — мн. число от *pratinidhi* «представитель», но *gaṇa-pratinidhi* «народный представитель», *gaṇa-rājya* «республика» («правление народа»); *prajājan* «подданные», но *jan-āndolan* «народное движение»; *manuṣyavarga*, *manuṣyajāti* «человечество», но *varga-bhed* «классовое деление», *jāti-bhed* «расовая дискриминация» и т. д. и т. п.

4. Словообразование в хинди осуществляется за счет разнообразных грамматических средств: суффиксации, префиксации, внутренней флексии, словосложения и различных видов словарных повторов (см. пункт 5).

Хотя хинди и воспринимает полностью санскритскую систему префиксов, однако сами префиксы утрачивают свою связь с санскритским глаголом и употребляются только в пределах отыменного словообразования. Так, например, старое образование *visthāpit* «установленный» морфологически соотносимо с именем *sthāpit*, но не с корнем *sthā*: *vi + sthā* — кауз. основа *sthāp-* + суфф. *ita-*. Неологизмы *vinīṣṣay* «решение», *visaṅgat* «несущественный», «не относящийся к делу» (*irrelevant*) соотносятся не с корнями *ci* (*vi + nis + cay*) и *gam* (*vi + sam + gat*), а с именами *niṣṣay* «решение» (*vi* в функции плеоназма) и *saṅgat* «относящийся к делу», «существенный» (*vi* в функции отрицания). На невозможность возведения подобных образований к *-ci* и *-gam* указывает само содержание производных слов. Продуктивность *vi* проявляется в пределах отыменного словообразования. Так, например,

мы имеем: *vikendriyakaraṇ* «децентрализация» *vi + kendriya* «центральный» + *kaṇ* «делание».

В хинди употребительны (продуктивны) иранский префикс *be*, развившийся из предлога («без»), и арабский *ghair*, развившийся из имени прилагательного («иной», «чужой»).

Таким образом, в хинди представлена целиком вся система санскритских префиксов и несколько префиксов иранского, арабского и санскритского происхождения. Последние бытуют главным образом среди так наз. ардха-татсама, или «полу-санскритских» образований.

Между указанными тремя системами суффиксов существует тесное взаимодействие. Взаимодействие это обнаруживается в существовании бесчисленного множества смешанных, или «гибридных», слов. Употребление данного суффикса в конечном счете регулируется не его происхождением, а его функциональной значимостью и его продуктивностью. Санскритское слово — новоиндийский суффикс *vād* может присоединиться к иноязычным (не санскритским) словам лишь благодаря своей продуктивности и специфике образуемой им категории слов. (Отсутствие однозначных иранских суффиксов или суффиксов собственно хинди.) Иранский суффикс *dār* широко употребляется с основами хинди. Наиболее продуктивные суффиксы хинди *wālā* и *raṇ* с такой же легкостью присоединяются к иноязычным основам, как и к основам собственно хинди. Таким образом, хотя чаще всего суффиксы выступают при одноязычных основах, случаи присоединения суффиксов хинди к ирано-арабским, английским или даже санскритским словам, а также иранских суффиксов к словам хинди настолько часты и многообразны, что нет никакого основания говорить о «гибридах», как о каком-то исключении из общего правила.

5. В хинди четко различаются четыре типа словообразования: два основных, морфологический и синтаксический типы, и два смешанных, фонетико-синтаксический и морфолого-синтаксический типы. Между этими типами существует тесная связь, кроме того, в пределах каждого типа наблюдается большое разнообразие как в способах словообразования, так и в тех словообразовательных категориях, которые эти способы создают.

1) В пределах морфологического типа словообразования хинди четко различаются следующие простые способы: а) суффиксация: *phūrt* «живость», «проворство» — *phūrtilā* «живой», «проворный»; б) префиксация: *kām* «работа» — *bekām* «безработный»; в) внутренняя флексия: *milnā* «встречаться» — *mel* «встреча», а также сложные способы: а) суффиксация и префиксация: *antar-prānt-īya* «межпровинциальный»; *pratikriyā-vādi* «реакционер»; б) суффиксация и редупликация: *kaṭkaṭānā* «трещать», *phaṭphaṭānā* «трепетать», *sunsunānā* «постоянно говорить», «настаивать» и т. п.; в) суффиксация и флексия: *khodnā* «копать» — *khudā'i* «раскопки»; *khel* «игра» — *khilāṭī* «игрок», *lakaṭwālā*, *lakaṭhārā* «дровосек», «торговец дровами» — *lakṭī* (*lakṭā*) «дрова».

В пределах синтаксического типа словообразования различаются следующие способы¹: а) тавтологические повторы в целях экспрессии:

¹ Этот тип представляет, по существу, промежуточное явление между свободным словосочетанием и словообразованием (точнее формообразованием). Сравнительно-исторический и семантический анализ этого живого явления языка хиндустани, широко представленного в обеих его литературных формах, имеется в статьях акад. А. П. Баранникова: «Словарное повторение в хиндустани» («Восточные записки», т. I. Л., 1927) и «Синонимические повторы в ново-индийских языках» («Записки Коллегии востоковедов», т. III. Л., 1929).

choṭā-choṭā «очень маленький», «маленький-премаленький», с. *adhikād-hik adv.* «преимущественно»; ср. «много-премного»; б) синонимические повторы, или сочетания двух сопоставляемых слов: *kām-kāj* «разного рода дела», «деятельность», «дело-работа»; *mel-milār* «дружеские отношения»; *mel-jol* «связь», «общение» — *milnā-julnā* «общаться»; «быть похожим»; *dekh-rekh* = *dekh-bhāl* «наблюдение», «надзор» и т. п.; в) антонимические повторы, или сочетания двух противопоставляемых одно другому слов: *āj-kāl* «сегодня-завтра» — «в настоящее время», «теперь»; *din-rāṭ* «день-ночь» — «сутки»; *len-den* «взятие-отдача» — «сделки», «торговля»; с. *āya-vaya* «приход-расход» — «бюджет» и т. п.

2) «Фонетико-синтаксический» тип словообразования представлен многочисленными и разнообразными, как по форме, так и смысловым оттенкам, видами так называемого «аллитерационного словоудвоения»: *garmāgarmī* «усердие», «пыл»; *khīnc-khānc*, *khīncākhiñcī* «вражда», «раздоры»; *bāndhābāndhi* «перевязывание», «тщательная упаковка»; *būndā-bāndī* «моросящий дождь» (*bānd* «капля»); *ṭhik-ṭhāk* «абсолютно точно»; *aṅos-paros* «соседство»; *rānī-vānī* «воды», «вода и тому подобный напиток»; *māl-vāl* «разного рода товары» и т. д., а также смешанными — «синонимо-аллитерационными» образованиями: *dekhābhālī* = *dekh-bhāl*; *khīncā-tānī* = *khīnc-khānc*; *likhā-parhī* «переписка двух лиц» и т. д.

3) «Морфолого-синтаксический» тип словообразования представлен различными видами словосложения: с. *svarājya* «самоуправление», с. *dhanopārjan* «добывание средств (богатств)», с.-х. *grām-pancāyat* «деревенский совет», «община», с. *matdān* «голосование»; *lakarphoṛ* «дровосек», *muñhtor* «сокрушительный», *patjhar* «листопад», *bhikhmaṅgā* «нищий», *ghurcarhā* «всадник»; *ghurdaur* «скачки», *hathkarī* «ручные кандалы», «наручники» и т. д. и т. п.

Такова в наиболее общих чертах схема системы средств и типов словообразования хинди.

6. Все санскритские (татсма) сложные и производные слова, употребляющиеся в хинди, можно разделить на два морфологических типа: старый, флективный, и новый, который можно условно называть агглютинативным типом словообразования. Под «агглютинацией» здесь понимается любой случай присоединения одного или последовательно, в строго определенном порядке, нескольких суффиксов и «слов-суффиксов», причем не к измененной перед присоединением формантов основе, а непосредственно к самому слову.

Например: ср. флективный тип: *saundārya* и «агглютинативный» *sundartā* «красота» от *sundar* «красивый». Старый тип характеризуется явлением внутренней флексии («*guṇa*», «*vṛddhi*») и ассимиляцией звуков («*sandhi*»)¹: Слово *sundar* «красивый» > основа *saundār* — т. е. «*vṛddhi*»: *u* > *au* гласной первого слога и «*guṇa*» *a* > *ā* гласной второго слога + суфф.-*ya* = *saundārya*. Слово *vāyu* «воздух» > основа *vāyav* + суфф. — *īya* = *vāyavīya* «воздушный»; «пневматический» (тех.), т. е. «*sandhi*»: *u* + *īya* = *avīya*.

У «агглютинативного» типа вся словообразовательная функция лежит исключительно на суффиксе или «слове-суффиксе» и префиксе; основа производного слова, таким образом, совпадает с простым (исходным) словом: в слове *sundartā* «красота» основа *sundar* — совпадает с простым словом *sundar* «красивый». Аналогичным образом

¹ Изменение звуков на стыке слов при словосложении рассматривается как «внешнее сандхи», в отличие от изменения звуков на стыке двух морфем, которое определяется как «внутреннее сандхи».

имеем: *vāyu-sambandhī* «воздушный», букв. «связанный с воздухом» (*sambandhī* здесь выступает в функции адъективирующего суффикса). Ср. также «неправильное» новообразование *mahāntā* «величие» с собственными санскритскими *mahattā*, *mahattva*; *videśīya* «иностранный» и *vaideśik* в том же значении; «неправильное» *upaniveśik* «колонизальный» и «правильное» *aupaniveśik*; *itihāskār* «историк» и *aitihāsik* в том же значении; *abhiyogkārta* «обвинитель», «прокурор» = *abhiyoktā* и т. д.

Словообразования хинди, и в первую очередь система «татсама», обнаруживает ярко выраженную тенденцию к агглютинативному типу. Подавляющее большинство неологизмов представляет именно этот тип, безразлично возникают ли сложные суффиксы путем соединения исконно суффиксов («тадбхава», «татсама») или же путем соединения суффиксов и «слов-суффиксов». Например, образование с./х. *vidvān-log* «ученые» более употребительно и понятно, чем *vidvadgaṇ*, *vidvadjaṇ*, или «правильное» *vidvajjaṇ*; *nityatā* «постоянность» более понятно, чем *naitya* и т. п. Ср. также неологизмы, образованные путем последовательного присоединения нескольких суффиксов в процессе словопроизводства; *dhan-ik-tantra-vād-ī* (!) «плутokrat»¹, *sāmrajya-vād-i-tā* «империализм» (букв. «империалистичность»), *avasār-vād-i-tā* «оппортунизм» (букв. «оппортунистичность»), *prajā-tantra-vād* «демократизм», *antar-gāṣṭr-īya-tā-vād*¹ «интернационализм» (букв. «интернационалистичность»), с./х. *rañdit-ā'p-pan* «ученость» («претензия на ученость», «научообразность»), *a-hastakṣep-kāri-tā* «невмешательство».

С одной стороны наблюдаются элементы флексии корней и основ слов собственно хинди, как правило, старых и диалектальных образований: *lenā* «брат» — *liwaiyā* (д) «братель», *choṭā* «маленький» — *chuṭ-pan* (д) «незначительность» (ср. *choṭāpan*, *choṭā'i*), *laṅkā* «мальчик» — *laṅakraṇ* «мальчишество»; «детство», *baccā* «ребенок» — *basraṇ* «детство», *moṭā* «толстый» — *muṭā'i* «толщина» (ср. обычные *moṭā'i*, *moṭāpan*), *ghoṛā* «лошадь» — *ghoṛewālā* «торговец лошадьми», *ghursāl* «конюшня» и т. п., с другой стороны — элементы агглютинации, то есть факты присоединения суффикса непосредственно к слову-основе у новых санскритских типов словообразования.

Ср. «правильные» словообразования по старому типу: *siddhānt* «принцип» — *saidhāntik* «принципиальный», *udyog* «промышленность» — *audyogik* «промышленный»; *kendra* «центр» — *kendrikaraṇ* «централизация»; *pava* «новый» — *navikaraṇ* «обновление» и т. п. со словообразованиями по новому типу, как «неправильными»: *siddhāntik*, *udyogik*, *kendriyakaraṇ*, *navinkaraṇ*, *icchit*, «желанный» (вместо *iṣṭa*) *krodhit*, *krodhmay*; *kopit* «гневный» (вместо *krudhha*, *krodhālu*; *kupit* от корней *krudh-* и *kup-* «гневаться» и т. п.), так и «правильными»: *vidyutiya* «электрический» (*vaidyutik*) *prthaktā* «раздельность» (*pārthakya*) *sāhitya-kār* «литератор» (*sāhityik*), а также неологизмы-термины *navintāvādī* «модернист», *kendriyatā* «централизм» (букв. «центральность») и т. п.

«Плеонастическая», или усилительная («формовосстановительная»), суффиксация представлена в хинди двумя типами: во-первых, позднейшими литературными формами, как, например, суфф. *ī* (ā'i) в устаревших образованиях: *sundartā'i* «красота» = с. *sundartā*, *saundārya* и т. п.; или в случайных неологизмах *bhāṇḍār-ghar*, *bhāṇḍāgarālay* (!) «кладовая» = *bhāṇḍāgar*, *bhāṇḍār* и т. д. и, во-вторых, диалектально-разговорными формами: *ghaswā* (д) = *ghās* «трава», *ghoṛwā* (д.) = *ghoṛā* «лошадь»,

¹ Так называемый «случайный», или «индивидуальный» неологизм.

beṭwā (д.) = beṭā «сын»; bāṭiyā (д) = bāt «слово», bhaiyā «брат» = bhā'i, buṛhiyā = buṛhī «старуха» и т. д. (buṛhī также — прилагательное «старая»).

Развитие «агглютинативного» типа объясняется не столько аналитическим строем языка, сколько тем, что этот «агглютинативный» тип сформировался на основе словосложения: большинство представителей агглютинативного типа словообразования в традиционном аспекте осознаются как словосложения (сложные слова) (см. пункт 1, е).

7. Общая система суффиксов, употребляемых в литературном хинди, делится на три группы, или на три системы суффиксов, в зависимости от их происхождения: система суффиксов собственно хинди (тадбхава), система санскритских суффиксов (татсама) и система иранских суффиксов («videśī»)¹.

Эти группы суффиксов отличаются не только своим происхождением, они отличаются в известных пределах также своей функцией: сферой употребления, степенью продуктивности и, наконец, жанрово-стилистической характеристикой словообразования. Ярко выраженное тяготение суффиксов собственно хинди, иранских и тем более санскритских суффиксов и «слов-суффиксов» соответственно к лексике собственно хинди, иранско-арабской и санскритской лексике, полное совпадение в значениях у некоторых разноразличных образований, употребляющихся в литературном хинди, и, наконец, однотипность построения образований, вне зависимости от происхождения их составных элементов, — все это позволяет рассматривать группы иранских и санскритских суффиксов как определенные, в известных пределах самостоятельные, системы словообразовательных суффиксов, представляющие, наряду с системой суффиксов собственно хинди, единую общую систему суффиксального словообразования литературного хинди.

Наиболее продуктивной системой является система тадбхава, так как она охватывает все другие способы словообразования хинди и сама по себе неотделима от его грамматического строя, например, суффикс wālā может выступать не только как грамматический показатель: образование так наз. «причастий намерения», например, jānewālā «готовящийся пойти», sunnewālā «то, что надлежит прослушать», но и как лексико-грамматический, или словообразовательный показатель: образование имен деятеля, названий лиц по профессии, происхождению и т. п., а также имен прилагательных, например, 1. jānewālā «ходок», «тот, кто идет», sunnewālā «слушающий», «слушатель». 2. dukānwālā «лавочник», «держатель лавки» (= dukāndār), puliswālā «полицейский», ṣaḥarwālā «городской»; «горожанин» (= nagarnivāsi); pahlewālā «прежний», «бывший» и т. д.

Однако, хотя система суффиксов хинди (тадбхава) и составляет основу словообразования хинди, все же системы санскритских и иранских суффиксов обнаруживают некоторую самостоятельность. Система санскритских суффиксов в общем словообразовании хинди обладает значительно большей самостоятельностью, чем система иранских суффиксов. Объясняется это, во-первых, мертвым характером самого санскрита и, во-вторых, — непосредственным влиянием санскрита при образовании литературной формы хиндустани — хинди. Эта непосредственная связь хинди с санскритом, как основным источником заимствования и основным источником образования новых слов, имеет

¹ «Videśī pratyaya» («иностранные суффиксы») отождествляются с иранскими суффиксами, поскольку все иностранные суффиксы, функционирующие в хинди, суть суффиксы иранского происхождения. (Тюркский -ci и арабский -iyat бытуют, за единичными исключениями, только в составе заимствованных слов).

полную силу и в настоящее время. Самостоятельность санскритской и, в меньшей степени, — иранской систем суффиксов отчасти проявляется в той особой стилистической окраске, которой иногда характеризуется использование санскритской или иранской лексики. Это различие в стилистической окраске у производных слов впоследствии может перейти на те суффиксы, которыми эти слова образованы. Поэтому одной из задач изучения словообразования хинди является выяснение того, какую стилистическую окраску привносит тот или иной суффикс, каковы те эмоциональные и экспрессивные оттенки, которые этот суффикс выражает, если только таковые оттенки у данного суффикса имеются. Так, например, суффикс хинди **-raṇ** совпадает с санскритским **-tā** в своем значении, или, точнее, в той словообразовательной категории (абстрактные отыменные имена существительные), которую он выражает. Однако **-raṇ** существенно отличается от **-tā** в своем оттенке, или, точнее, в том экспрессивном оттенке, который принимает произведенное этим суффиксом слово: образование **netāraṇ** осознается как «вождизм» = **netāśāhī** букв. «диктатура вождя», а **netṛtva** как «лидерство», «предводительство». Для выражения понятия «бюрократизм» лучше подходит и более употребительно «иранское» образование **paṇkarāśāhī**, чем «санскритские» **karmacāritantra**. Понятие «империализм» точнее выражается словом с./и. **sāmrajyaśāhī**, нежели с. **sāmrajaṇvād**. Противоречие между стилистической окрасченностью слова и его содержанием делает такие санскритские неологизмы, как: **yuddhapremī**, **yuddhapriya** «милитарист», **yuddhapriyatā** «милитаризм» и т. п. менее пригодными для общего, не терминологического, употребления, чем «иранские» **jangparast**, **jangbāz**, **jangkhor** «милитарист». (Современная пресса явно предпочитает использовать в данном случае именно эти «иранские» слова, вполне обоснованно избегая использования санскритских эквивалентов)¹. Однако понятие «демократия» в хинди лучше передается санскритскими терминами **loktantra**, или **janatantra**, чем гибридными с.-и. **lokśāhī**, или **prajāśāhī**; ср. с.-и. **rājśāhī** = у. **zārśāhī** «царизм», с. **rājtantra** «монархия». В хинди более приемлемы санскритские **śānti-premī**, **śānti-pakṣī**, **śāntivādī** «сторонник мира», чем «иранское» **aman-pasand** и, тем более, **aman-parast** (последнее обычно употребляется в значении «пацифист»).

8. Анализ функций словообразовательных суффиксов хинди позволяет проследить в семантической стороне словообразовательного процесса две основные линии: 1) изменение самого содержания слова, возникновение новых значений и 2) возникновение новых оттенков у старого значения (главным образом экспрессивно-эмоционального характера). Таким путем можно отграничить, в известных пределах, словообразование от формообразования и, следовательно, различить словообразующие и формообразующие суффиксы или словообразовательную и формообразовательную функции у одного и того же суффикса. Поскольку и в том и в другом случае мы имеем дело с формальным изменением слова (присоединением суффиксов), а также с его смысловым изменением (возникновение новых значений или новых оттенков), постольку всякое, так сказать, «лексическое формообразование»: типа **лис** (м. р.) — **лпсā** (ж. р.); **скамья** — **скамейка**, **двор** — **дворик**, **лошадь** — **лошадка**, **лошаденка**; **хвост** — **хвостик**, **хвостище**; мы рассматриваем

¹ Основанный на современной прессе хинди-русский словарь В. М. Бескровного (М., 1953) фиксирует, помимо названных слов, также гибриды: с./и. **yuddhabāz**, **yuddhakhor**, и/с. **jangvādī** со значением «поджигатель войны», «милитарист».

как составную часть словообразования, хотя и расположенную в принципе несколько ближе к «грамматическому формообразованию», типа: *двор* — *дворá* — *дворú*, *хвост* — *хвостý* и т. п.; чем словообразование в собственном, узком смысле этого слова; типа: *двор* — *двóрник*, *лóшадь* — *лошадíный*, *хвост* — *хвостáтый*.

Однако разграничение суффиксов хинди на «словообразующие» и «формообразующие» суффиксы не является самоцелью, оно проводится для того, чтобы лучше выделить и отобразить те дополнительные семантические оттенки, которые привносятся некоторыми суффиксами хинди в процессе словообразования, безразлично, обусловлены ли эти оттенки лексической природой суффикса или они носят условный, функциональный характер. Так, например, суффикс хинди *ā* (*ā'p*), наряду с образованием причастий и имен деятеля, т. е. названий действующих лиц, привносит оттенки «годности», «способности», «готовности к тому, чтобы испытать на себе данное действие»: *jamā'p* «способный к сжиганию, стягиванию», *jotā'p* «годный под вспашку», «легко вспахиваемый», *ḍubā'p* «пригодный для ныряния, погружения»; «глубокий». Санскритский суффикс качественных прилагательных *-mau* (ж. р. *mauḥ*) в новообразованиях хинди привносит оттенок полноты, изобилия качества, например: *ānandamau* «преисполненный радости», «радостный», *agābī-fārsīmau* «изобилующий арабизмами и иранизмами», санскритский суффикс *ālu* и «слово-суффикс» *śil* — оттенок «склонности, характера, природного свойства, качества», например, *kṛpālu* «милосердный», «склонный к милосердию, состраданию», *unnatiśil*, *pragatiśil* «прогрессивный (по своей природе, характеру, качеству)», «склонный к прогрессу»¹. Ср. *pragativādi* «прогрессивный» (по своим воззрениям, направлению), «прогрессист», например: *pragativādi sāhitya* «прогрессивная литература».

Образование: 1) уменьшительно-ласкательных имен существительных, типа *beṭī* «дочь» — *biṭiyā* «дочка»; 2) имен существительных одушевленных женского рода от соответствующих имен мужского рода, типа *ṣer* «тигр» — *ṣernī* «тигрица», рассматриваются как основа формообразования хинди.

Главная задача изучения формообразования заключается, таким образом, в раскрытии тех разнообразных по своему характеру и по своей природе смысловых оттенков, или «дополнительных значений», которые привносят некоторые суффиксы в процессе словообразования.

9. Суффиксальная синонимика наблюдается как в пределах какой-либо системы суффиксов, так и между системами. Однако обычно суффиксальная синонимика, в особенности же однозначность суффиксов, то есть полное совпадение в значении у двух различных в своем происхождении суффиксов, как правило, наблюдается между словами и суффиксами, принадлежащими к различным системам, то есть среди разноразличных образований. Хотя эти слова и употребляются в литературном хинди, все же в целом они характеризуют два различных стиля, две литературные формы хиндустани: хинди и урду. Так, например, санскритские: *uttardāyī* «ответственный», *uttardāyitva* «ответственность» полностью совпадают в своем значении с иранскими *jawāb-deh*, *jawāb-dehī*; санскритские «слова-суффиксы» *ālay*, *āgār*, *grha* соответственно однозначны хинди *ghar* и иранскому *khānā*; иранский суффикс *dār* полностью совпадает по значению с суффиксом хинди *wālā* при отыменном словообразовании, например, в таких образованиях, как: х.-и. *pūñjīdār* и. *sarmāyādār* «капиталист», х. *pūñjīwālā*, х.-с. *pūñ-*

¹ Эти оттенки перешли в хинди, вместе со словами, из санскрита, где они выражены лексически более отчетливо.

jīpati; иранский *mand* однозначен санскритским *mān* (*mant*) и *vān* (*vant*), например: а.-и. *daulatmand* = с. *dhanvān*; *dhanī* «богатый», «богач», и.-а. *aḥalmān* = с. *buddhimān* «умный», «разумный»; санскритские *tā* и *tva* однозначны иранскому *ī*, хинди *rap*, *ā'ī* и т. д.

Помимо случайной или чисто функциональной однозначности, существует однозначность, которая объясняется единством происхождения данных суффиксов. Санскритские суффиксы *in* (им. пад. ед. числа *i*), *iya* однозначны иранскому и хинди суффиксам имен прилагательных *ī*; санскритский *ik* однозначен диалектальному суффиксу хинди *iya*; санскритское *tva* однозначно хинди *rap* (из ведического *tvana*). Иранский суффикс абстрактных имен *ī* однозначен суффиксу хинди *ī* (*ā'ī*), или непродуктивному санскритскому *ī*. Подобное совпадение в значении суффиксов основано на единстве их этимологии. Таким образом, между рядами суффиксов различного происхождения, употребляющимися в хинди, наблюдается синонимичность и однозначность, которые не только не исключают, а наоборот, создают возможность придавания различной жанрово-стилистической окраски некоторым однозначным, но генетически разноязычным словообразованиям. Ср. с. *tantra* — и. *śāhī*; с. *vād* — а. *-iyat*; с. *premi*, *priya* — и. *pasand*, *parast*; с. *tā*, *tva* — *pan*; с. *vādī*, *kārī* — и. *bāz*, *khōr*; с. *pūrṇa śīl*, *may* — х. *ā'u*, *ālū* (с. *ālu*), *ilā*, *ailā* (с. *ila*) и т. п.

Таковы, в общих чертах, характерные моменты словообразования хинди.

Г. А. Зограф

ХИНДИ, УРДУ И ХИНДУСТАНИ

(Об употреблении терминов)

Вопрос о взаимоотношениях хиндустани, урду и хинди, оживленно дебатированный в течение нескольких десятилетий, в значительной мере осложняется наблюдаемой терминологической непоследовательностью. Названия *хиндустани*, *хинди* и *урду* обладают большой широтой значений. Вкладываемое в них содержание менялось со временем. Но и до сих пор каждое из них в какой-то степени многозначно, так что конкретное узкое значение их может несколько варьироваться у разных авторов и даже у одного и того же лица в зависимости от предмета и целей изложения. Помимо этой многоаспектности употребления и восприятия, свидетельствующей о том, что значения данных терминов еще далеко не устоялись, названия *хиндустани*, *хинди* и *урду* обладают некоторой синонимичностью — они могут отчасти подменять друг друга¹. Ввиду этого представляется целесообразным дать краткую сводку истории возникновения и развития этих терминов, а также определить основные аспекты их употребления в настоящее время.

ХИНДИ

Слово *хинди* иранского происхождения. Повидимому, оно было занесено в Индию завоевателями-мусульманами в начале II тысячелетия н. э., так как в старых произведениях на санскрите, пракритах и новоправдийских языках оно не встречается². Этимологически слово *хинди* (ир. *hindī*) является относительным прилагательным от Хинд (ир. *hind* «Индия»), которое восходит к санскритскому слову *sindhu* «река», употреблявшемуся в более узком значении, как имя собственное — река Инд, откуда оно распространилось и на прилегающую область (ср. современное — Синд). У персов же еще в древности названием Хинд стала обозначаться не только долина Инда, но и вся обширная равнина на восток от нее (ср. др.-греч. Ἰνδός, Ἰνδία, откуда наше — Инд, Индия).

В первоначальном своем значении прилагательного — «индийский» — слово *хинди* употреблялось и продолжает употребляться в качестве определения к любому предмету, обозначая его принадлежность к Индии

¹ Ср., например, употребление акад. А. П. Баранниковым терминов «хиндустани», «урду» и «хинди» в значении «lingua franca Индии» (см., соответственно, «Образцы современной прозы хиндустани», ч. II. Л., 1930, стр. X; там же, стр. VII; Лаллу джи Лал. Прем Сагар. М.—Л., 1937, стр. 5).

² Dhirendra Varma. Hindī bhāṣā kā itihāsa. Prayāg, 1953, стр. 58.

(например, *hindī musalmān* «индийские мусульмане»¹, *hindī-aryā'ī zabānē* «индоарийские языки»² и т. п.). Кроме того, оно может субстантивироваться, выступая при этом либо как существительное мужского рода со значением «индиец, житель Индии», либо как существительное женского рода — «язык хинди». В последнем значении оно развилось из выражения *zabān-e hindī* «индийский язык». Как название языка, слово *хинди* употреблялось самостоятельно уже к концу XIII в. Так, у делийского поэта Амира Хусро (*Amir Khusrō*, умер в 1325 г.) в поэме «Хизрхан и Дивальрани» (*Khizrkhān-o-Dīwalrānī*) оно неоднократно встречается наряду с названиями других языков³. Трудно, конечно, сказать вполне определенно, какой именно «индийский» язык имеет в виду автор, тем более, что образцов его не дается. Наиболее вероятно, что это делийский диалект западного хинди, на котором сам Амир Хусро написал несколько стихотворений, но утверждать это совершенно категорически мы не можем⁴.

Впоследствии, вплоть до XVIII в. включительно, название *хинди* постоянно встречается в произведениях на персидском языке и на урду, причем оно обозначает язык, на котором говорили индийцы, противопоставляемый персидскому языку мусульманских дворов. Здесь под *хинди* уже определенно подразумевается язык, развившийся на основе делийского диалекта (предшественник современного хиндустани).

Одновременно с *хинди* в том же значении в средние века употреблялись названия *хиндави* (или *хиндуи*) — язык хинду, индусов (*hindavi* «индусский» — относительное прилагательное от пр. *hindū* «индус») — и *дехлави* — делийский язык (*dehlavi* — производное от *dehli* «Дели», построенное согласно правилам образования арабских имен относительных). Более употребительно первое из них, которое, наряду с *хинди* постоянно встречается вплоть до середины XIX в. как у мусульманских авторов (начиная с Амира Хусро), так и у европейцев (XVIII — нач. XIX вв.). Последние обозначают им по большей части разговорный язык индусов Северной Индии в его оригинальной форме, наиболее свободной от заимствованной лексики.

Сами индусы часто называют свой язык просто *бхакха* (*bhākhā* от санскр. *bhāṣā* «язык, разговорная речь»). Многие индийские авторы, например Мир Амман⁵, используют это название в весьма расплывчатом значении. Более определенно употреблено оно (*Bhakha boli* и *Beka boli*) в *Alphabetum Brammhanicum*⁶, где им обозначается разговорный язык населения Бенареса (т. е. хиндустани, подвергшийся влиянию пурби) в противовес литературному языку брахманства — санскриту.

Все эти названия (*хинди*, *хиндави*, *дехлави*, *бхакха*) обозначали, очевидно, один и тот же язык, представляющий развитие делийского территориального диалекта — *кхари боли*. В настоящее время три последних вышли из употребления и встречаются только в трудах, касающихся истории языка. Первое же — *хинди* — получило ныне широчайшее

¹ *Āz ād. Āb-e hayāt*, стр. 29.

² *'Abdu'l-Na'q. Qawā'id-e urdū*. Aurangābād, 1926, стр. 42.

³ Рукопись Ин-та востоковедения АН СССР № С 1919, л. 295 (на полях).

⁴ Практически названием *хинди* благодаря широте основного значения этого слова может быть определен любой индийский язык. Так, например, помимо нынешнего государственного языка Индии это же название носит один из диалектов языка лахнда — хинди, или хиндки (*LSI*, т. VIII, ч. 1, стр. 333).

⁵ *Mir Amman. Bagh-o-bahar*. Allahabad, 1933, стр. 4.

⁶ *Alphabetum Brammhanicum seu Indostanum Universitatis Kasi. Romae, 1771*, стр. VII—VIII, 110—111.

распространение, но используется оно в нескольких различных значениях.

Наиболее часто названием *хинди* обозначают литературную форму хиндустани, которая содержит значительную долю санскритских лексических элементов и внешне отличается (от другой литературной формы хиндустани — урду) употреблением системы письма деванагари. Нередко оно распространяется и на саму разговорную основу этой формы, выступая таким образом в виде синонима хиндустани. В этих значениях слово *хинди* используется в повседневном обращении. В таком смысле понимают его, когда говорят о хинди как государственном языке Республики Индии.

В научных трудах эту литературную форму принято обозначать более точным названием — *литературный хинди* (*sāhityik hindī*; а также *śuddh hindī* «чистый хинди», *High Hindī* и др.), строго отличая ее от разговорной основы — хиндустани.

Несколько реже встречается другое, более широкое значение слова *хинди*, используемое преимущественно в лингвистической литературе. Здесь под названием *хинди* объединяется группа близко родственных диалектов, распространенных по верхнему и среднему течению Ганга от предгорий Гималаев до Канпура и далее на юг почти до Берара¹. В этом смысле применяется и более точное название — *западный хинди* (в отличие от языка пурби — *восточный хинди*). Важнейшими диалектами западного хинди являются брадж, канауджи, бундели, бангару и кхари боли. На основе последнего развился современный хиндустани с его литературными формами — хинди и урду. Таким образом литературный хинди является ныне основным (если не считать урду) литературным языком области распространения названных диалектов. Исходя из широты сферы его употребления в качестве главного, а по большей части даже единственного литературного языка, вытеснившего из литературного обращения соседние языки и диалекты, многие индийские авторы присовокупляют к вышеперечисленным диалектам хинди (в широком смысле) также и ряд других, принадлежащих, собственно, к языкам иным, но не имеющим своей литературы. Так, Шьям Сундар Дас в числе диалектов хинди называет авадхи, относящийся к языку пурби (на котором нет современной литературы), и группу диалектов раджастхани, рассматриваемых обычно как самостоятельный язык². Еще дальше идет в этом направлении Дх. Варма, включающий в понятие языка хинди пять групп диалектов (букв. «подязыков» — *urabhāṣā*): западный хинди, восточный хинди (пурби), раджастхани, пахари и бихари — каждая из которых в свою очередь распадается на диалекты (*bolī*). Свою позицию в вопросе об этих группах диалектов, обычно квалифицируемых как отдельные языки, Дх. Варма основывает на том, что говорящее на них индусское население во всех проявлениях культурной жизни пользуется одним и тем же языком — литературным хинди³.

Следовательно, под хинди, с одной стороны, понимается распространеннейший литературный язык современной Индии и, с другой — обширная группа местных диалектов (границы которой различные авторы определяют по-своему), а также основывающиеся на них старые литературные диалекты (брадж, авадхи и др.). Такая неоднородность значе-

¹ См. LSI, т. IX, ч. 1.

² Śyām Sundar Dās. Hindī bhāṣā kā vikāś. «Hindī śabdasaṅgar», āṭhwā khaṇḍ. Kāśī, 1929, стр. 13—56.

³ Dh. Varmā. Ук. соч., стр. 59—60.

ний рассматриваемого термина создает нередко целый ряд затруднений в трактовке вопроса о месте и роли хинди. Во избежание их необходимо отчетливо представлять себе, какое содержание вкладывает в термин *хинди* тот или иной автор в каждом конкретном случае.

ХИНДУСТАНИ

Так же как и *хинди*, слово *хиндустан* (ир. hindustānī) является прилагательным со значением «индийский». Оно образовано от имени собственного—Хиндустан (hindustān). Употребительны различные написания этого слова: наряду с обычным هندستانی (हिंदुस्तानी—hindustānī), встречается написание هندوستانی (через долгий гласный َو), произносимое двояко, как hindustānī и hindostānī (в транслитерации деванагари, соответственно, — हिंदुस्तानी и हिंदोस्तानी). Чаще встречается написание и произношение через -u- или -ū-, хотя, по мнению Дж. Грирсона, теоретически более правильно произношение с -o-¹.

Применительно к языку термин *хиндустан* начал употребляться значительно позднее, чем *хинди*. Первые примеры его использования встречаются в письмах европейцев (главным образом португальских миссионеров), побывавших при дворе Великих Моголов в Дели в конце XVI и XVII вв. В этих документах под хиндустан понимается разговорный язык населения Дели, противопоставляемый придворному персидскому².

С середины XVII в. выражение zabān-e hindustān («язык Хиндустана») появляется и у индийских писателей применительно к языку Северной Индии, в отличие от *дакхни*—формы того же языка, распространенной в мусульманских княжествах Декана³. Однако вплоть до конца XIX в. термин *хиндустан* употреблялся преимущественно европейцами, индийцы же пользовались им редко.

Название *хиндустан* в разных формах использовали авторы европейских грамматик и пособий по разговорному языку, издававшихся в XVIII в. Так, Дж. Кетлер (J. Ketelaer) пишет Lingua Hindustanica, Б. Шульдц (B. Schultz)—Hindostanica и Indostanica и т. п. В тот же период в среде европейцев, подвизавшихся в Индии, имело хождение название Moors, которым обозначались разные индийские языки и в том числе хиндустан⁴. В начале XIX в. оно было вытеснено термином *хиндустан*.

С конца XVIII в. многие европейские авторы используют название хиндустан как синоним урду⁵. В таком значении оно было воспринято

¹ G. A. Grierson. Hindustan and Hindostan. BSOS, т. VII, ч. 1. London, 1933, стр. 257—260 и др. его работы. Ср. T. Gr. Bailey. The Word Hindustan. BSOS, т. VI, ч. 4. London, 1932, стр. 1104—1107.

² Dr. Tārā Cand. Hindustānī. «Urdū», Jan. 1939, стр. 108—109.

³ Употребление слова *дакхни* (х. dakhinī—«южный» от х. dakhin < санскр. dakṣiṇa «юг»; отсюда же — «Декан») в качестве названия языка восходит к началу XVII в. (T. Gr. Bailey. Early Hindi and Urdu Poets, N 5. BSOS, т. VII, ч. I, London, 1933, стр. 115).

⁴ Название Moors или Moorish (букв. «маврский» — от англ. Moor «мавр») англичане вслед за португальцами употребляли для обозначения ряда восточных языков (подробнее о нем см. «Hobson-Jobson». London, 1903).

⁵ Например, Дж. Доусон (J. Dowson) назвал свою грамматику — «A grammar of the Urdu or Hindustani language». London, 1872).

и русскими авторами, употреблявшими его в форме *индустани*, ныне вышедшей из обихода¹.

В настоящее время название *хиндустани* несет ряд несколько различных значений. Чаще всего под ним подразумевается самый распространенный в Индии (особенно в Северной) разговорный язык, развившийся на основе делийского диалекта западного хинди — кхари боли. Ввиду того, что в прошлом это название нередко отождествлялось с урду, ныне в Индии находит все большее распространение новая форма этого термина — *хиндустхани* (в ней пр. суффикс *-stān* заменен скр. *-sthān*)². О том, что термин *хиндустхани* вышел уже за рамки чисто языковедческих работ, свидетельствует употребление его в современной прессе и документах Компартии Индии³.

Нередко названием *хиндустани* или *хиндустани-хинди* обозначают разновидность литературного языка, занимающую промежуточное положение между урду и хинди, то есть свободную от злоупотребления как иранско-арабской, так и санскритской лексикой, могущую одинаково легко пользоваться обоими шрифтами и, следовательно, понятную наиболее широким кругам населения.

Ввиду того, что хиндустани благодаря этому сохраняет большую, чем урду и литературный хинди, близость к диалекту-основе, название *хиндустани* иногда употребляется в качестве синонима кхари боли. Более точным является использование в этом значении термина *местный хиндустани* (*Vernacular Hindostani*)⁴.

Жаргонные формы языка, отличающиеся крайней упрощенностью грамматики и ограниченным словарем, носят название *базирного хиндустани* (*bāzār hindustānī*)⁵.

С некоторыми оговорками название *хиндустани* может употребляться в весьма широком значении, охватывая все формы языка и покрывая таким образом урду и литературный хинди⁶.

Но основным и наиболее распространенным является употребление термина *хиндустани* (*хиндустхани*) для обозначения разговорной основы урду и литературного хинди. В других значениях его не следует использовать без дополнительных дефиниций.

УРДУ

Термин *урду* (*urdu*) в применении к языку стал употребляться значительно позже, чем оба рассмотренные выше. Слово это монгольского или тюркского происхождения с первоначальным значением «ставка, лагерь»⁷. Впоследствии оно приобрело также значение «войско» (ср. русск. «орда») и стало употребляться в качестве официального названия всей армии или ее крупных частей (например, в Турции, Афганистане). В таких значениях слово *урду* употребляется в Индии с XI—XII вв.

¹ Последний случай употребления его в приведенном значении и форме мы находим в издании перевода «Сказок попугая» Хайдари (Academia, 1933): «перевод с языка индустани (урду)...» (стр. 5).

² S. K. Chatterji. Indo-Aryan and Hindi. Ahmedabad, 1942, стр. 130; Kām-tā-prasad Gurus. Hindi vyākaran. Prayāg, saṁ. 1984, стр. 24.

³ См., например, «Programme of the Communist Party of India». Bombay, 1951, стр. 15.

⁴ LSI, т. IX, ч. 1, стр. 213—251.

⁵ S. K. Chatterji. Ук. соч., стр. 133 и сл.

⁶ Ср. титул учебника акад. А. П. Баранникова: «Хиндустани (урду и хинди)». Л., 1934.

⁷ Б. Я. Владимирцов («Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия». Л., 1929, стр. 158) приводит целый ряд форм этого слова, наблюдаемых в различных монгольских и тюркских языках.

Однако как название языка оно встречается только со второй половины XVIII в. До этого литературная форма языка, базировавшаяся на дельйском диалекте и пользовавшаяся персидским письмом, именовалась в Северной Индии, как указывалось выше, хинди или хиндави, а в Декане — дакхни. В XVII в., когда в мусульманских княжествах Декана сложилась прочная традиция употребления этого языка в поэзии, он получил название *рехта*, использовавшееся первоначально параллельно *хинди* и «хиндави».

Слово *рехта* (пр. *rekhta* — прич. прош. вр. от глагола *rekhtan* «лить», «сыпать» и т. п.) имеет значение «разлитый, рассыпанный». Почему и в каком смысле стало оно употребляться для обозначения языка, остается неясным. Различные объяснения этого названия собраны Т. Гр. Бейли¹. Наиболее принят вариант, гласящий, что *рехта* это такая форма языка, в которой рассыпаны иранские и арабские слова. *Рехта* не является точным синонимом *урду*, ибо оно обладает более узким значением. Это название применялось только к языку поэзии (равно как и к самой поэзии урду вообще), тогда как языка прозы оно не касалось.

В роли названия языка *урду* появилось впервые в середине XVIII в. у Мир Таки Мира в выражении *zabān-e urdū-e mu'allā* «язык шахской армии (ставки)». В конце XVIII в. Мусхафи употребляет его уже самостоятельно². Считается, что это название было дано языку потому, что он сложился и употреблялся в лагерях (*urda*) мусульманской армии, расположенных вблизи Дели. Так, например, объясняет его Мир Амман³, а за ним и другие авторы. Однако подобное объяснение не может быть признано удовлетворительным, поскольку совершенно очевидно, что здесь под именем *урду* подразумевается разговорный язык, то есть хиндустани. Кроме того, остается открытым вопрос, почему язык, образцы которого встречаются еще в XIV в., получил это название только в XVIII в. — через пять с лишним веков после появления мусульманских войск у стен Дели.

Общеупотребительным названием *урду* становится еще позже — с середины XIX в. До этого встречаются лишь единичные случаи использования его наряду с более обычным *рехта*. Затем последнее постепенно вытесняется, и с 60-х годов XIX в. *урду* уже полностью принято в Дели, а в Лакнау даже несколько раньше.

Ныне под *урду* обычно понимают ту литературную форму хиндустани, которая использует персидское письмо и содержит значительный процент иранско-арабской лексики. Это современный государственный язык Пакистана. В качестве литературного языка урду продолжает употребляться и в Индии, особенно в Уттар Прадеш и в Хайдерабаде.

Название *урду*, как и *хинди*, нередко распространяется на разговорный язык, выступая таким образом в виде синонима *хиндустани*.

КХАРИ БОЛИ

К вышеперечисленным терминам тесно примыкает название *кхари боли* (*kharī bolī* — устойчивая речь, чистый язык)⁴. Своим возникнове-

¹ T. Gr. Bailey. A history of Urdu literature. London, 1934, стр. 3—4.

² T. Gr. Bailey. Ук. соч., стр. 10—12; его же. Urdu: the name and the language. JRAS, April 1930, стр. 391—400; его же. The date of the word Urdu. JRAS, April 1939, стр. 264—265.

³ Mir Amman. Ук. соч., стр. 4—6.

⁴ Этимология выражения *кхари боли* (точнее, значение слова *кхари*) вызывает разногласия среди исследователей новоиндийских языков. Подробно об этом см.:

нием оно обязано Лаллу джи Лалу, который в предисловии к «Прем сагару» (1803) указывал, что его труд написан «на чистом языке Дели и Агры» (*Dillī Āgre kī kharī bolī mē*)¹. Поэтому индийские лингвисты использовали термин *кхари боли* для обозначения местного делийского диалекта западного хинди. Кроме того, под этим названием иногда понимают свободный от иранско-арабских заимствований стиль литературного хинди, близкий к языку Лаллу джи Лала.

Таким образом, наиболее принятым ныне является следующее употребление названных терминов:

западный хинди — один из важнейших языков внутренней группы индоарийской ветви индоевропейской семьи;

кхари боли — диалект западного хинди, распространенный в окрестностях Дели;

хиндустани — межобластной разговорный язык Северной Индии, сложившийся на основе кхари боли;

хинди (точнее, литературный хинди) — литературно обработанная форма хиндустани, использующая письмо деванагари и пополняющая свой словарь в значительной мере за счет заимствований из санскрита;

урду — другая литературная форма хиндустани, пользующаяся персидским письмом и содержащая значительную долю иранско-арабской лексики.

Употребление их с другими оттенками значений, дабы не вызывать недоразумений, требует особых оговорок.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

BSOS — Bulletin of the School of Oriental Studies. London.

JRAS — The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.

LSI — Linguistic Survey of India. Collected and edited by G. A. Grierson. Calcutta.

NPP — Nāgarīpracārīnī patrikā. (Navin samskaraṇ). Kāśī.

T. Gr. Bailey. The use and meaning of the term Khari Boli. JRAS, Oct. 1926, стр. 717—723; его же. Does Khari Boli mean nothing more than Rustic Speech? BSOS, т. VIII, ч. 2—3. London, 1936, стр. 363—371; Candrabali Pāṇḍey. Khari boli kī nirukti. NPP, т. 18, ч. 3, стр. 283—302.
¹ Lallu ji Lal. Prem Sagar. Hertford, 1851, стр. 1.

М. Н. Орловская

кандидат филологических наук

ОСНОВНЫЕ ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

(Имена существительные и прилагательные)

(Краткое содержание кандидатской диссертации, защищенной 29 сентября 1953 г.
в Московском институте востоковедения)

По вопросу об основных именных частях речи (именах существительных и прилагательных) в монгольском языке среди монголоведов до сих пор нет единого согласованного мнения.

Одни исследователи¹ придерживаются такой точки зрения, что в монгольском языке, как и в русском и других индоевропейских языках, имеются имена существительные и прилагательные. Причем, одни и те же имена, в зависимости от своего положения в предложении и выполняемых ими синтаксических функций, называются то существительными, то прилагательными. Например, во фразе: *Энэ төмөр байна*. «Это есть железо» слово *төмөр* определяется как существительное. Но в сочетании *төмөр хүрз* «железная лопата» (букв. железо-лопата) это же слово определяется уже как имя прилагательное.

Другие монголоведы считают, что в монгольском языке вместо имен существительных и прилагательных имеются имена предметные, качественные и относительные. Эта точка зрения была впервые высказана более ста лет тому назад известным монголоведом А. Бобровниковым² и впоследствии разделялась некоторыми другими учеными³. Наконец, проф. Г. Д. Санжеев в настоящее время признает наличие в монгольских языках четырех основных именных частей речи (имя существительное, имя предметное, имя прилагательное, имя качественное)⁴.

Основная цель настоящей работы состоит в том, чтобы выяснить, какие же основные именные части речи имеются в монгольском языке: существительные ли и прилагательные или имена предметные и качественные, или те и другие.

¹ Я. Шмидт. Грамматика монгольского языка. СПб., 1832, стр. 19; А-р Бобровников. Грамматика монгольского языка. СПб., 1835, стр. 22; А. Д. Руднев. Лекции по грамматике монгольского письменного языка. СПб., 1905, стр. 56; Б. Х. Тодаева. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, стр. 48—49.

² Ал. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 52.

³ В. Л. Котвич. Лекции по грамматике монгольского языка. СПб., 1902, стр. 52; Г. Д. Санжеев. Грамматика калмыцкого языка. М.—Л., 1940, стр. 27; Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1941, стр. 25.

⁴ Г. Д. Санжеев. К проблеме частей речи в алтайских языках. «Вопросы языкознания», 1952, № 6, стр. 85—102.

В качестве основного фактического материала для исследования были использованы художественные произведения современных монгольских писателей и поэтов, фольклорные записи, монгольские газеты, журналы и частично переводная литература с русского языка на монгольский.

В языкознании существует принцип классификации частей речи по совокупности трех признаков: лексико-семантического значения слов, системы их оформления и их синтаксических функций. Этот принцип вполне приемлем и для монгольского языка.

В языках с недостаточно ярко выраженными формальными признаками многие слова, в зависимости от своей позиции в предложении, могут выполнять различные синтаксические функции, то есть могут быть различными членами предложения без каких-либо формальных изменений. Так, например, имя существительное может быть определением другого имени без каких-либо изменений, в форме своей основы, а прилагательные, кроме своей определительной функции, могут употребляться субстантивно и адвербиально.

Однако употребление одного и того же слова в функции разных членов предложения не является основанием для отнесения его к той или иной или к нескольким одновременно частям речи.

Такая «синтаксическая» точка зрения ведет к отождествлению частей речи с членами предложения. Слово не может относиться одновременно к различным частям речи или в одном синтаксическом употреблении — к одной части речи, а в другом — к другой.

При классификации частей речи мы учитываем лексико-семантическое значение слов, их морфологические особенности и синтаксическую функцию, помня, однако, что одна и та же часть речи может выполнять в предложении различные синтаксические функции, то есть быть различными членами предложения, не переходя при этом в разряд другой части речи.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Общим для всех языков свойством имен существительных является свойство выражать предметность, обозначать предметные понятия, то есть понятия, связанные с независимой субстанцией.

«Общий признак существительного тот, что оно есть название грамматической субстанции, или вещи»¹.

Имя существительное является средством выражения предметности в широком смысле. Эта предметность содержится в смысловой структуре самого слова, которое может обозначать не только материальные вещи, но и отвлеченные понятия и признаки, а также различные абстрактные идеи, представленные как предмет.

Имя существительное может опредмечивать любые непредметные представления. Из такого богатства содержания существительного, как средства выражения субстанции и отвлеченных субстантивированных свойств и явлений, вытекают разнообразные синтаксические функции имени существительного.

Имя существительное выступает не только в качестве подлежащего, но и в качестве определения, сказуемого и различного рода обстоятельств.

Имена существительные в монгольском языке — это слова, обозначающие предметность в широком смысле и характеризующиеся наличием

¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I—II, 1888, стр. 92.

своих словообразовательных суффиксов, наличием системы склонения, категории числа (единственного или множественного), суффиксов притяжательности¹ и выполняющие в предложении различные синтаксические функции (подлежащего, дополнения, определения, сказуемого, обстоятельства).

Широкое использование имен существительных в качестве определений, и особенно таких определений, роль которых в других языках выполняют относительные прилагательные, послужило причиной того, что наличие существительных как самостоятельной части речи в монгольских языках стало отрицаться или подменяться термином — имена предметные.

Несомненно, имена существительные во многих языках имеют большее сходство и связь с именами прилагательными. На их близость указывали многие исследователи².

Еще больше это сходство и связь будут в языках с меньшим количеством морфологических признаков и особенно в тех, где недостаточно развиты или отсутствуют относительные прилагательные.

Так, например, слово *төмөр* «железо» в сочетании *төмөр хурз* «железная лопата» (букв. «железо-лопата»), в связи с отсутствием в монгольском языке относительного прилагательного «железный», выполняет роль относительного определения. Однако такое синтаксическое употребление слова *төмөр* не дает нам права считать его прилагательным.

В монгольском языке мы можем говорить лишь об особой синтаксической функции имен существительных, когда они без изменения выступают в роли определения, причем это касается не всех имен существительных и только определенных случаев.

Слово *төмөр* в монгольском языке, несомненно, существительное. По своему лексико-семантическому значению оно выражает прежде всего предметность, например: 1) *Би нэг килограмм төмөр цуглуулав* (Мхз — 17) «Я собрал килограмм железа»; 2) *Би төмрөөр хийсэн хурз авлаа* (Мхз — 18) «Я взял лопату, сделанную из железа».

Имени существительному в монгольском языке свойственны формально выраженные категории числа, падежа, притяжания. *Төмөр* может изменяться по падежам, иметь возвратное и личное притяжания, выражаемые безличной частицей *аа(ээ)*, *оо(өө)*, прибавляемой к падежному окончанию, или лично-притяжательными местоимениями: *минь* «мой», *чинь* «твой», *нь* «его (ее, их)», *мань* «наш», *тань* «ваш».

Как любое имя существительное *төмөр* способно иметь при себе определение, например, *хавтгай гөлөм төмөр* «листовое железо» (букв. «плоское железо»); *хэвлэмэл төмөр* «прокатное железо».

Являясь же определением, *төмөр* выступает в форме родительного падежа, например: *төмрийн худэр* «железная руда», *төмрийн завод* «железодельный завод»³.

Но в ряде случаев, когда определение указывает на материал, из которого состоит определяемое, *төмөр* выступает определением в форме своей основы, например, *төмөр хурз* «железная лопата». В этом состоит

¹ Категория рода в монгольских языках отсутствует; существуют лишь некоторые способы обозначения пола живых существ.

² См. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I—II, стр. 85—86; Ж. Вандриес. Язык (русский перевод), 1937, стр. 116; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6, 1938, стр. 145—146.

³ См. Ц. Дамдин-Сурэн, Ш. Лувсан-Вандан. Орос-Монгол Толь. Улаанбаатар, 1942, стр. 81.

особенность некоторых монгольских имен существительных, когда они, обозначая прежде всего предметные понятия, обладают потенциальной возможностью определять и давать качественную характеристику другому предмету.

Обозначая предметы и являясь средством опредмечивания, имена существительные обозначают:

- 1) живые существа: *хун* «человек», *ав* «отец»;
- 2) предметы и вещи: *гэр* «юрта», *ширэ* «стол»;
- 3) вещества и металлы: *ус* «вода», *төмөр* «железо»;
- 4) явления природы и общества: *бороо* «дождь», *тэмцэл* «борьба»;
- 5) внутренние переживания *баясгалан* «радость», *гомдол* «обида»;
- 6) действия и состояния: *судлал* «изучение», *тэсвэр* «выносливость»;
- 7) абстрактные понятия: *сэрэмж* «бдительность» и т. д.

Словообразование

Монгольские имена существительные делятся на непроизводные (корневые) и производные, образованные как от корневых существительных, так и от других частей речи с помощью словообразовательных суффиксов.

К непроизводным именам существительным относятся существительные, состоящие только из одного корня, а также и те, суффиксы которых уже давно утратили свою продуктивность, перестали осознаваться как словообразовательные элементы и настолько тесно срослись с корнем, что в настоящее время воспринимаются, как слова неразложимые и, следовательно, непроизводные, например: *цас* из *часун* «снег», *яс* из *ясун* «кость».

Производные имена существительные образуются путем присоединения различных словообразовательных суффиксов. В диссертации приводится до тридцати наиболее употребительных суффиксов образования имен существительных. Самыми продуктивными из них являются:

- л* — *алдал* «урон», «упущение» (от *алд*- «терять»);
- лга*, -*лгаа* — *хаалга* «дверь» (от *хаа*- «закрывать»), *удирдлага* «руководство» (от *удирд*- «руководить»);
- лт* — *нэмэлт* «добавление, подкрепление» (от *нэм*- «увеличиваться»);
- аа[н]* — *худалдаа[н]* «торговля» (от *худалд*- «торговать»);
- уур* — *хамуур* «грабли» (от *хам*- «сгребать», «выметать»);
- вар*, -*вэр* — *уйлдвэр* «производство» (от *уйлд*- «производить»);
- дал* — *буудал* «привал», «станция» (от *буу*- «сойти», «остановиться»);
- аас* — *хаваас* «прошивка» (от *хав*- «простегивать», «прошивать»);
- ц* — *ургац* «урожай» (от *урга*- «расти»);
- жж* — *тусламж* «помощь» (от *тусла*- «помогать»);
- ч* — *жужигч* «артист» (от *жужиг* «пьеса»); *дууч* «певец» (от *дуу* «песня») и др.

Особым способом передачи новых понятий в монгольском языке является словосложение. Словосложение в монгольском языке по форме не отличается от простых синтаксических сочетаний слов. Однако внешнее формальное сходство не всегда свидетельствует о тождестве содержания. В простом синтаксическом сочетании слов в предложении грамматические связи между словами создаются в процессе речи, и говорящий, выражая определенную мысль, может свободно заменить одно слово другим, ему синонимичным. При словосложении же оба

компонента передают одно определенное понятие только в определенной совокупности. Такие сочетания в языке являются устойчивыми.

В словосложении имен существительных различаются два типа:

1) сочинительный тип, или парные слова, состоящие из двух синтаксически равноправных слов, как, например, *арга хэмжээ* «мероприятие» из *арга* «способ», «метод» + *хэмжээ* «объем», «размер», *сан(г) хүү* «финансы» из *сан(г)* «казна» + *хүү* «процент»;

2) подчинительный тип, когда первое слово является определением по отношению ко второму, например: *ар тал* «тыл» из *ар* «спина» + *тал* «сторона».

Займствования и неологизмы

В ходе общения с другими народами, в результате культурного влияния в языке того или иного народа оказываются слова, заимствованные из других языков.

Займствования в монгольском языке делятся на:

а) займствования дореволюционного периода,

б) займствования послереволюционного периода.

Займствования дореволюционного периода шли главным образом из языков восточных (уйгурский, тибетский, санскритский, китайский и др.). Эти займствования проникали в монгольский язык по мере развития феодальной культуры, а также в связи с проникновением в Монголию буддийской религии и культуры.

Займствования послереволюционного периода происходят в основном из русского языка. В корне меняется и характер заимствований. Займствования из русского языка связаны с интернациональной, политико-экономической, технической, культурной терминологией.

В связи с хозяйственно-экономическим и культурно-политическим развитием Монгольской Народной Республики, в результате последовательных революционных преобразований в стране, в языке появились новые слова и термины, образованные от существующих корней или получившие новые значения при изменившихся социальных условиях. Например, *хамтрал* «колхоз», *их сургууль* «университет», *оюутан* «студент», *сэхээтэн* «интеллигенция» и многие другие.

Синтаксическая характеристика имен существительных

Имя существительное в монгольском языке может выполнять различные синтаксические функции: оно может быть подлежащим, сказуемым, определением, дополнением, обстоятельством.

В функции подлежащего имя существительное чаще всего стоит в именительном падеже, например: *Чоно үнэгний заавраар өндөр зулын оройд гараг* (Уб—54) «Волк по указанию лисицы взобрался на вершину высокой горы».

Если подлежащее обозначает должностное лицо или административно-хозяйственный орган, то оно может быть оформлено исходным падежом, например: *Ардын гэгээрлийн зүйлд улсаас жил тутам үлэмжтэн хөрөнгө гаргадаг* (Үн) «Государство ежегодно отпускает значительные средства на народное образование».

Подлежащее в причастных оборотах оформляется винительным, иногда родительным, падежами, например: *Хүдэрийг ороод очиход Хишигт ганцаараа сууж байлаа* (Тар—83) «Когда Худэр вошел, Хишигт сидела одна». *Унтаж байгаа немц Сашкийн гэтэж байгааг ер*

мэдэх янзгүй хурхирсаар байна (Лх—44) «Спящий немец продолжал храпеть, совершенно не чувствуя, как подкрадывается Сашка».

Имя существительное в роли сказуемого, как правило, сопровождается связками *байна*, *мөн*, *юм*. Например: *Намын гишүүн биш идэвхтэн бол намын байгууллагын тулгуур мөн* (Үн) «Беспартийный актив — опора партийной организации».

Имя существительное в монгольском языке широко используется в качестве определения. Распространенным видом определения, выраженного именем существительным, является родительный и совместный падежи существительного.

Кроме того, имя существительное в монгольском языке может определять другое имя, оставаясь в форме своей основы, например, *төмөр хөнгө* «железное ведро» (букв. «железо-ведро»), *модон хурз* «деревянная лопата» (букв. «дерево-лопата»), *алтан загас* «золотая рыбка» (букв. «золото-рыба»).

Такая особенность монгольских имен существительных вызвала дискуссию среди монголоведов.

В настоящее время проф. Г. Д. Санжеев склонен, правда с оговоркой, выделять имена существительные, которые в предложении могут выступать субстантивно и атрибутивно без какого бы то ни было оформления, в особую часть речи — имена предметные¹.

Однако, на наш взгляд, для этого нет достаточных оснований. Дело в том, что по определению проф. Г. Д. Санжеева к предметным именам относятся только имена, обозначающие предметы, «которые могут служить материалом для создания других предметов»².

Но оказывается, что обычные имена существительные, обозначающие предметы, которые не могут служить материалом для создания других предметов, также могут определять другие имена, находясь в форме своей основы, то есть (подобно предметным именам) без всякого морфологического оформления, как например, *үхэр тэрэг* «бычья телега» (букв. «бык-телега»), *гар үйлдвэр* «кустарное производство» (букв. «рука-производство»). Более того, предметные имена могут определять другое имя, принимая форму родительного падежа, как и любое имя существительное. Например, *алтны дархан* «золотых дел мастер» (букв. «золота мастер»), *төмрийн завод* «железодельный завод» (букв. «завод железа»).

Естественно, возникает вопрос, какая же в таком случае разница между именами существительными и предметными именами? Если имена существительные могут так же, как и имена предметные, определять другое имя, находясь в форме своей основы, а имена предметные так же, как и имена существительные, могут быть определением другого имени в форме родительного падежа, то, очевидно, разницы между ними в этом отношении нет. А следовательно, и нет оснований для того, чтобы выделять имена предметные в самостоятельную часть речи.

Д. А. Алексеев такие имена считает существительными, если они не являются определением другого имени, и прилагательными, если они определяют другое имя³. Это чисто синтаксический подход к классификации частей речи, отождествление частей речи (категорий морфологических) с членами предложения (категориями синтаксическими).

¹ См. Г. Д. Санжеев. К проблеме частей речи в алтайских языках. «Вопросы языкознания», 1952, № 6, стр. 89.

² Там же, стр. 89.

³ См. Д. А. Алексеев. К вопросу классификации некоторых частей речи в бурят-монгольском языке. Газ. «Бурят-монгольская правда» от 23 XI 1952 г.

В диссертации подобные имена не выделяются в самостоятельную часть речи, а рассматриваются в составе имен существительных. То, что в определенных случаях имена существительные могут быть определениями другого имени, находясь в форме своей основы, является особенностью монгольских существительных.

Монгольские имена существительные могут быть в предложении дополнениями и обстоятельствами.

Дополнения делятся на прямые и косвенные. Винительный падеж имени существительного всегда (за исключением тех случаев, когда в винительном падеже стоит подлежащее в причастных оборотах) выражает прямой объект.

Косвенные дополнения выражаются падежными формами имен существительных, а также существительными с послелогами. Например:

1. *Пановын гарыг хоёр гараараа маш чангаар атгав* (Алт—10) «Обеими руками он очень крепко пожал руку Панова» (прямое и косвенное дополнения).

2. *Хувьсгалт Залуучуудын Эвлэл нь сурагчид, залуучуудын дунд ихэхэн ажлыг тогтмол явуулбал зохино* (Үн) «Ревсомол должен регулярно проводить большую работу среди учащихся и молодежи» (прямое и косвенное дополнения).

Основным выразителем обстоятельств является наречие. Но в роли обстоятельств могут выступать также некоторые падежные формы имен существительных. В основном это будут имена существительные в дательно-местном, исходном и орудном падежах. Например:

1. *Тэнгэрт ганц ч үүлгүй ажээ* (Алт—6) «На небе не было ни облачка».

2. *Ар гэрээс захидал иржээ* (Лх—9) «Из дома пришло письмо».

3. *Коростелев... дарга хүний дуугаар хэлэв* (В. П.—3) «Коростелев сказал начальственным тоном» (букв. «голосом начальника»).

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В работах, посвященных монгольским языкам, а также языкам, родственным монгольским, где в какой-либо степени освещается вопрос об именах прилагательных, указывается на трудности выделения данной категории в самостоятельную часть речи ввиду отсутствия ярко выраженных морфологических показателей, дифференцирующих имена прилагательные от имен существительных и наречий.

Отсутствие морфологических показателей (а это в основном касается имен непроизводных) послужило поводом к тому, что одни исследователи стали отрицать наличие в таких языках имен прилагательных и объединять имена существительные и прилагательные в единую недифференцированную категорию; другие вместо имен прилагательных стали говорить об именах качественных.

Однако наличие семантических признаков, а также словообразовательных суффиксов, присущих данной категории, и ее синтаксические особенности дают все основания говорить об именах прилагательных в монгольском языке как о самостоятельной, отличной от имен существительных части речи.

С семантической точки зрения слова, объединяемые под названием «имена прилагательные», выражают качество, свойство или признак предмета, которые содержатся в нем или ему приписываются.

Прилагательные в монгольском языке бывают непроизводными и производными.

К непроизводным относятся такие прилагательные, которые не имеют специальных словообразовательных суффиксов, то есть не разлагаются на корень и суффиксы, например: *шинэ* «новый», *залуу* «молодой».

Производные имена прилагательные образуются от именных и глагольных основ путем прибавления различных словообразовательных суффиксов.

Наиболее распространенными из них являются:

-т: *алдарт* «славный» (от *алдар* «слава»);

-рхаг, -лхаг: *уулархаг* «гористый» (от *уул* «гора»); *эрэлхэг* «мужественный» («от *эр* «мужчина»);

-лаг: *махлаг* «мясистый» (от *мах* «мясо»);

-хай, -нхай: *бутархай* «раздробленный» (от *бутар* «разбиваться»);

-гар: *улбагар* «тихий», «слабый» (от *улбай* «ослабеть»);

-уу: *гажуу* «кривой» (от *гаж* «искривляться»);

-мтгай: *аймтгай* «боязливый» (от *ай* «бояться»).

Споры среди монголоведов вызывает суффикс **-тай**. Как известно, в монгольском языке **-тай** является окончанием совместного падежа. На этом основании одни монголоеды считают **-тай** только падежным окончанием¹, а другие признают его также весьма продуктивным суффиксом имен прилагательных².

Данные языка подтверждают, что суффикс **-тай** в современном монгольском языке является не только падежным окончанием, но и продуктивным суффиксом образования имен прилагательных. Производные имена прилагательные: *найдвартай* «надежный»; *цаазтай* «запрещенный»; *нээлтэй* «открытый» и др., в отличие от имен существительных, не обладают способностью иметь при себе распространенные определения, а могут иметь при себе наречные определения, обладают способностью сочетаться с усилительными словами и образовывать аналитические формы степеней сравнения, например: *маш уйтгартай* «очень тоскливый», *хамгийн найдвартай* «самый надежный».

Монгольские прилагательные делятся на качественные и относительные.

Качественные прилагательные обозначают качества и свойства предметов, содержащиеся в самих предметах и воспринимаемые непосредственно органами чувств, например: *цагаан* «белый», *навтар* «низкий», *балархай* «темный», *гажуу* «кривой» и т. д.

Относительные прилагательные обозначают признаки и свойства предметов по отношению к другим предметам, а также к месту и времени, например: *хувьсгалт* «революционный», *цаст* «снежный», *угалзтай* «узорчатый», *хадархаг* «скалистый», *эндэх* «здешний», *доторхь* «внутренний».

Однако это деление весьма условно, так как в относительных прилагательных имеются оттенки качественности, а в качественных прилагательных нередко содержатся оттенки относительных прилагательных.

Что же касается притяжательных имен прилагательных, то таковых в монгольском языке не имеется, и вместо них употребляются существительные в родительном падеже.

Монгольские имена прилагательные обладают способностью образовывать аналитическую форму степеней сравнения (*хамгийн жижиг*

¹ Г. Д. Санжеев. К проблеме частей речи в алтайских языках. «Вопросы языкознания», 1952, № 6, стр. 88.

² Д. А. Алексеев. Части речи в бурят-монгольском языке. «Записки БМНИИЯЛИ», 1941, № 5—6, стр. 163; Б. Х. Тодаева. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, стр. 77.

«самый маленький»), иметь показатели степеней качества (*улаавтар* «красноватый», *шинэхэн* «новенький») и формы интенсификации (*маш бүдүүн* «очень толстый», *шив шинэ* «совсем новый»).

Синтаксическая характеристика имен прилагательных

Характерной функциональной особенностью всех имен прилагательных является их атрибутивное употребление. Обозначая признаки и качества предметов, имя прилагательное выступает прежде всего в функции определения имен существительных.

Выступая в функции определения, имя прилагательное в монгольском языке всегда стоит перед своим определяемым. Определительные отношения выражаются только порядком слов — определение предшествует своему определяемому.

Прилагательное-определение не согласуется со своим определяемым ни в падеже, ни в числе.

Употребление имени прилагательного в качестве подлежащего и дополнений связано с их субстантивацией.

Под субстантивацией понимается не только полный переход прилагательных в существительные, но и всякое употребление прилагательного (а также и других частей речи) в значении имени существительного.

Широкая возможность субстантивации имен прилагательных обуславливается тесной связью и взаимодействием между именами прилагательными и существительными, тесной взаимосвязью представления о предмете с представлением о его признаке.

Субстантивация имен прилагательных в монгольском языке довольно распространенное явление. Она дает возможность для широкого субстантивного использования имен прилагательных.

Если имена прилагательные в монгольском языке, выступая определением к существительному, характеризуются отсутствием каких-либо форм изменения и согласования с определяемым, то, употребляясь субстантивно, то есть приобретая предметные значения, они принимают обязательно падежные окончания. Выполняя функцию подлежащего, имя прилагательное получает показатель подлежащего.

При прибавлении окончания множественного числа, прилагательное полностью переходит в разряд имен существительных, например, *залуу* «молодой», *залуучууд* «молодежь».

При субстантивации имени прилагательного его основное значение — значение признака и определительная функция отходят как бы на второй план. Прилагательное будет уже обозначать не общее понятие признака, а какой-то предмет, обладающий этим признаком, например: *очигдрийнхөө хийсэн тугжээг сольж өнөөдөр шинийг тавьж...* (Үлд—9) «Менял запоры, сделанные вчера, сегодня ставил новые».

Далее разбирается вопрос о бытующей во многих языках категории слов, которые, наряду с определением признака предмета, могут определять признак действия, а также выражать качество, мыслимое субстантивно, соответствуя, таким образом, то именам прилагательным, то качественным наречиям, а то и отвлеченным именам существительным других языков, например: *сайн* «хороший», «хорошо», «добро»; *хурдан* «быстрый» «быстро», «быстрота».

Такие слова имеют много общего с именами прилагательными. В лексико-семантическом отношении они обозначают различные признаки. В функции определения другого имени они ведут себя точно

так же, как и имена прилагательные. Как и имена прилагательные они могут сочетаться со словами-усилителями, например: *маш сайн* «очень хороший», «очень хорошо»; иметь формы субъективной оценки качества, *муу* «плохой», *муухан* «плохонький»; образовывать редуцированные формы, *түв түргэн* «быстрый-пребыстрый»; могут иметь аналитические формы степеней сравнения, *хамгийн хурдан морь* «самый быстрый конь».

Такие слова легко субстантивируются и могут быть в предложении подлежащими и дополнениями. Например:

1. *Энэ зорилгыг амжилттай биелүүлэхэд хамгийн чухал нь сурагчдын чанарыг эрс дээшлүүлэх явдал мөн* (Үн) «Самое важное в успешном выполнении этой задачи — резкое повышение качества успеваемости учащихся» (подлежащее)

2. *Багь бодож ихийг алдаж болдогуй юм* (Тус—44) «Нельзя терять большое, думая о малом» (дополнение).

Основное отличие слов данной категории от имен прилагательных состоит в том, что они могут свободно определять глаголы, обозначать качественные признаки действия.

В современном монгольском языке наряду с наличием коренных наречий¹ идет также процесс образования наречий из различных частей речи при помощи суффикса *-аар* (окончание орудного падежа). Например: *орос* «русский», *орсоор* «по-русски»; *шинэ* «новый», *шинээр* «вновь» и т. д.

Особенно продуктивен процесс образования наречий из слов рассматриваемой группы. Например: если *хурдан* «быстрый», «быстро», то *хурднаар* только «быстро»; *хатуу* «твердый», «твердо», то *хатуугаар* только «твердо» и т. д.

Слова *хурднаар*, *хатуугаар* будут определять только глагол.

Слова типа *сайн* «хороший», «хорошо», *хурдан* «быстрый», «быстро» представляется более правильным считать одним из разрядов имен прилагательных, особенностью которых является то, что они могут определять не только признак предмета, но и признак действия.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Алт. — Ч. Лодойдамба. Алтайд (Роман). Улаанбаатар, 1949.
 Лх. — Ч. Лхамсүрэн. Өгүүлэг ба найруулал. Улаанбаатар, 1947.
 Тар. — Д. Тарва. Даамирангийнхан. Улаанбаатар, 1950.
 В. П. — Вера Панова. Саруул эрэг (Ясный берег). Перевод с русского на монгольский. Улаанбаатар, 1951.
 Үлд. — Б. Горбатов. Үлдагасад (Непокоренные). Перевод с русского на монгольский. Улаанбаатар, 1950.
 Тус. — «Уран сахайнчуудад тусламж», № 3, 1950.
 Үн — Газета «Үнэн» — центральный орган ЦК МНРП и правительства МНР.
 Мхз — Ш. Лувсанвандан, Б. Дэмчигдорж. Монгол хэлний зүй. Улаанбаатар, 1951.
 Уб. — «Унших бичиг. Бага сургуулийн 3-дугаар ангид үзнэ». Улаанбаатар, 1946.

¹ См. Г. Д. Санжеев. К проблеме частей речи в алтайских языках. «Вопросы языкознания», 1952, № 6; стр. 97; Б. Х. Годаева. Грамматика современного монгольского языка, М., 1951, стр. 154.

З. И. Горбачева

**МАТЕРИАЛЫ ПО ТАНГУТОВЕДЕНИЮ
АРХИВА ВОСТОКОВЕДОВ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

(Архив Н. А. Невского)

В Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР хранятся материалы по тангутоведению, имеющие исключительную научную ценность (фонд № 69). Эти материалы интересны для науки как по своей тематике, так и по обширности и важности вопросов, в них затронутых.

Данное сообщение ставит своей целью дать краткий обзор упомянутых материалов в свете последних достижений науки в области изучения тангутского языка, истории государства тангутов и других, связанных с этим вопросов. Следует отметить, что все материалы фонда № 69 основаны на тщательном изучении отдельных памятников тангутской письменности из коллекции рукописей и ксилографов, хранящихся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР. О богатстве этой коллекции в нашей литературе упоминалось уже неоднократно¹.

Материалы раскопок в мертвом городе Хара-Хото, вывезенные П. К. Козловым оттуда в 1908—1909 гг., мало изучены и почти не введены в научный оборот. Опубликованными являются лишь незначительные фрагменты из лексикографической литературы тангутов и буддийские тексты. Те богатства письменных памятников, которые имеются в Секторе восточных рукописей Института, могут дать новые данные по истории тангутов, подтверждающие (или опровергающие) сведения китайских исторических летописей о государстве Си-Ся, дать новый материал для сравнительного языкознания, раскрыть материальную и духовную жизнь народа этого государства. На советских ученых лежит ответственная задача поднять и развить молодую отрасль востоковедения — тангутоведение, изучив богатое наследие тангутов. Эта задача становится еще более ответственной, если принять во внимание, что последние достижения науки в этой области относились еще к 30-м годам нашего столетия и касались главным образом

¹ См. Н. А. Невский. Очерк истории тангутоведения. «Изв. АН СССР», 1931, стр. 7—22; его же. Тангутская письменность и ее фонды. «Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935 г.». З. И. Горбачева. Собрание тангутских рукописей и ксилографов Ин-та востоковедения АН СССР. «Уч. зап. Ин-та востоковедения», 1954, т. IX.

расшифровки тангутской письменности, на базе изучения в основном памятников буддийского содержания¹.

Опубликование данного обзора архивных материалов по тангутоведению, хранящихся в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР, покажет те богатства в этой области, которыми обладает советская наука, но которые по ряду причин остались неопубликованными.

Весь архивный материал по своему содержанию может быть подразделен на 6 больших разделов: 1) словари (тангутские и составленные на их основе); 2) материалы по фонетике тангутского языка; 3) лексико-грамматический материал; 4) различные тангутские тексты с эквивалентами на русском, китайском, тибетском и других языках; 5) самостоятельные исследования на базе тангутских рукописей и ксилографов; 6) фотокопии различных тангутских текстов.

Раздел I

СЛОВАРИ

1. Тангутско-китайский словарь «Чжан чжунч жу» «Перл в руке» (№№ ксилографов 214—218, 687), 1000 карточек.

На карточке, как и в ксилографическом издании, дается тангутский иероглиф с китайским эквивалентом. Буддийские термины сопровождаются переводом на русский язык.

Как уже нам известно, этот словарь был частично описан А. О. Ивановым², который дал общее представление о нем и расшифровал некоторые тангутские знаки. Данный словарь архива представляет собой ценное дополнение к опубликованным уже материалам по словарию и далеко превосходит их по объему.

2. Словарь тангутских фамилий, 283 карточки + 2 лл.

Каждая карточка дает тангутский фамильный иероглиф и все сочетания с ним, в которых он является первым. 2 лл. тангутских фамилий составлены по книге Чжан Шу 張洵 Си-Ся син-ши лу (西夏姓氏錄) «Список тангутских фамилий».

3. Словарь тангутско-тибето-русский, 500 карточек.

4. Словарь тангутско-тибето-китайско-санскрито-русско-английский, 3000 карточек + 7 лл.

Оба вышеуказанных словаря являются лишь материалами к составлению обширных словарей. так как часть карточек не имеет соответствующих эквивалентов. Система расположения знаков в словарях — по детерминативам. Второй из них является более полным, так как располагает обширным количеством эквивалентов на других языках.

5. Словарь тангутско-китайско-русский, 15 лл.

Данный словарь также является материалом к составлению словаря и не является законченным. Расположение знаков по детерминативам-ключам («части тела», «овощи», «злаки», «животные», «млечный путь», «корова», «женская одежда», «дикие животные», «верблюд», «драгоценности»). Приводится тангутский знак с китайской транскрипцией по методу рассечения (фань це).

¹ См. напр., работы Ван Цзин-жу 王靜如 в сборнике Си-Ся яньцзю (西夏研究).

² См. А. Иванов. «Zur Kenntnis der Hsi-Hsia Sprache». «Изв. АН СССР», 1909, т. XIX.

6. Материалы из тангутского рифмического словаря «Гомо фонь», хранящегося в Секторе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР (№ 207—209), 2500 карточек.

Эти материалы являются не простым разнесением рифмического словаря на карточки. В них имеются и другие данные, характеризующие тангутский иероглиф, а именно, его произношение в китайской и латинской транскрипциях и русский перевод (не везде).

7. Тангут-русский словарь, 8 тетр. (592 стр.).

Этот словарь является почти законченной работой, дающей расшифровку более чем 2000 тангутских иероглифов. В подавляющем большинстве случаев к каждому из этих иероглифов дано произношение, китайский эквивалент, русский перевод, обширная фразеология, показывающая различные диспозиции того или иного знака в целой фразе, тональность знака и местами перевод на тибетский язык.

В последней тетради приводится также тангутский текст и перевод отдельных глав «Чжэн-гуань чжэн-яо» и «Лунь-юя». Следует отметить, что словари Тангут-китайско-русский и Тангут-русский (№№ 5 и 7) являются чрезвычайно ценными. До сих пор мы не имели подобных обширных словарей, хотя над расшифровкой тангутских иероглифов трудилось немало ученых и Запада и Востока. Однако скудость тангутских текстов не давала возможности расшифровать большее количество тангутских знаков, так как буддийские тексты, над которыми работают ученые за рубежом, отличаются чрезвычайным однообразием. В этом отношении русские ученые находятся в исключительном положении, обладая тангутскими памятниками самого различного содержания. Это преимущество и было использовано при составлении тангут-русского словаря, доведенного до расшифровки более чем 2000 знаков.

8. Материалы к тангут-китайскому словарю, 17 карточек.

Небольшой словарь, состоящий из карточек, на которых даны тангутские иероглифы с транскрипцией латиницей и китайский эквивалент (местами русский). Каждая из карточек имеет также аннотации, поясняющие происхождение данного слова, его упоминание в других словарных изысканиях (А. О. Иванова, Д. Лауфера); некоторые слова снабжены тибетским переводом.

9. Материалы из тангутского рифмического словаря, 1 тетр. 46 лл.

Эти материалы представляют собой выписки из тангутского рифмического словаря (1—8 лл.). В этой же тетради имеются выписки из тангутского ксилографа энциклопедического содержания 要集 Яо-цзи «Собрание необходимого» (9—17 лл.), а также выписаны тангутские иероглифы из «Лунь-юя» и «Сунь-цзы» с китайским и местами русским переводом (18—25 лл.).

10. Списки тангутских иероглифов по детерминативам, 2 тетр. (61 лл. + 49 лл.) + 8 лл.

Первая тетрадь содержит список тангутских знаков по их детерминативам («тело», «злаки», «дерево», «женская одежда», «млечный путь», «овощи», «корова», «верблюды», «драгоценности» и др.) Под каждым тангутским иероглифом даны: произношение, тон, китайский и тибетский эквиваленты.

Во второй тетради — другой вариант того же словаря по детерминативам. К тангутскому знаку даны: произношение в китайской транскрипции (по методу фань це), русский и китайский эквиваленты, составные части детерминатива в тангутском написании (12—49 лл.). Кроме того, в этой же тетради приведен анализ нескольких тангут-

ских слов («бирюза», «лекарство», «слива», «лотос», «виноград», «земля») с упоминанием тангутских памятников, где встречается то или иное слово (1—11 лл.).

На 8 лл. отдельно дан список тангутских знаков по их детерминативам (ключам).

11. Словарь тангутско-тибетский, 1 тетр. (43—98 лл.).

Этот словарь дает как отдельные слова, так и фразеологию с переводом на русский или английский язык (43—57 лл.). Кроме того, в этой же тетради расположены тангутские фонетические таблицы (80—96 лл.), тангутские тексты различного содержания, частично с параллельным китайским текстом (58—60 лл., 63—70 лл.), и тибетские тексты в транскрипции (96—98 лл.).

Раздел II

МАТЕРИАЛЫ ПО ФОНЕТИКЕ ТАНГУТСКОГО ЯЗЫКА

Материалы по фонетике тангутского языка представлены в архиве чрезвычайно широко. По этому труднейшему вопросу в изучении исчезнувшего уже языка — его фонетике — мы почти не имеем научных трудов. А. О. Иванов в своем труде, посвященном тангутскому словарю «Чжан чжунчжу», произвел расшифровку некоторых тангутских знаков¹. В этом же направлении работал Д. Лауфер. Но это были отрывочные данные, давшие возможность восстановить фонетику небольшого количества тангутских иероглифов.

Разбираемые материалы по фонетике тангутского языка имеют большую научную ценность, во много раз превосходящую все то, что уже было опубликовано как по полноте изложения, так и по своей доказательности. Подобных трудов в этой области мы до сих пор не имеем.

12. Список тангутских иероглифов, расположенных по заднеязычным и губным согласным, 1 тетр. (19—23 лл.).

13. Материалы по тангутской фонетике, 2 тетр. (98 лл. + 100 лл.).

Указанные материалы содержат список из 4201 тангутского иероглифа. Каждому из них придано 6 граф (заполнены не все):

- 1) произношение в тангутской транскрипции (по методу фань це);
- 2) ссылка на соответствующую графу в тангутских «Гомофонах»;
- 3) начальная буква фонетики;
- 4) отдел в тангутской фонетической таблице;
- 5) китайская транскрипция;
- 6) тибетская транскрипция.

14. Список тангутских иероглифов ровного тона (пин-шэн), составленный по тангутскому рифмическому словарю «Гомофоны», 2 тетр.

Данный список составлен по «Гомофонам» с точным подсчетом иероглифов в них по их фонетике (лабиальные — 790, лабиально-спиральные — 250, дентальные — 871, палатальные — 23, велярные — 915, дентально-альвеолярные — 656, палатально-альвеолярные — 706, глоттальные — 508, и ликвидные — 1082, итого 5801 знак).

Во второй тетради, кроме списка, имеется тангутский текст с китайским эквивалентом (частично).

¹ Как известно, он произвел расшифровку знаков по китайской транскрипции и допустил ошибку, читая два китайских знака не слева направо, а справа налево, Лауфер, работая на материалах А. О. Иванова, усугубил эту ошибку, и лишь позднее советские ученые Н. А. Невский и А. А. Драгунов раскрыли и доказали ошибочность выводов обоих ученых в вопросе о фонетике тангутского языка.

15. Список тангутских иероглифов с указанием произношения и фонетическими таблицами, по детерминативам-ключам, 61 лл.

Этот список на 15—26 лл. и 38—61 лл. Остальные лл. заняты фонетическими таблицами, скопированными из ксилографов, хранящихся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР.

16. Фонетические таблицы, 68 табл. + 5 лл.

Таблицы даны с частичной расшифровкой фонетики.

На 5 лл. отдельно составлен список тангутских знаков по их произношению.

17. Материалы к тангутскому рифмическому словарю, 578 лл.

Этот обширный материал содержит ценные данные по расшифровке как фонетики, так и смыслового значения тангутских иероглифов. Весь материал расположен по рифмам, а внутри рифмы по фонетике (лабиальные, дентальные и т. д.). Здесь же приведены отдельные тангутские рифмические таблицы.

18. Различные заметки по фонетике тангутского языка, 1 тетр. (47 лл.).

Эти материалы разнообразного характера:

1) Заметки на разные темы (одна тетрадь);

2) Выписки из рифмического словаря;

3) Заметки о фонетике;

4) Рифмические таблицы (фрагменты);

5) Расшифровка некоторых знаков из 文海 Вэнь хай «Моря иероглифов»;

6) Статья (незаконченная), написанная на основании ксилографа «Фонетические таблицы» (тональные), с частичной расшифровкой их, 4 лл.;

7) Статья «Фонетика тангутского языка» (незаконченная), 4 лл.;

8) Статья «Источники для изучения тангутского произношения» (незаконченная), 4 лл.;

9) Списки тангутских иероглифов, расположенных по их произношению, список начальных гласных, система согласных в тангутском языке и др.

19. Материалы для изучения тангутского произношения, 3 тетр. (43 лл.).

Эти материалы представляют собой законченную статью, основанную на тщательном и длительном изучении памятников тангутской письменности и вводят в научный оборот большое количество фактических данных. Статья построена на тангутских, китайских и тангутотибетских материалах. Во введении автор излагает методы своего исследования и принципы изложения материала.

Раздел III

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

20. Лексико-грамматический справочник, 49 лл.

В данном справочнике автор дает перечень частей речи в тангутском языке с большим количеством примеров, отмечает заимствования из китайского или тибетского языков. Здесь же приведены заметки по грамматике тангутского языка: о существительных с префиксами, порядковых числительных и др. (4 лл.), затем иероглифический словарь с расшифровкой отдельных иероглифов по составным частям (5 лл.), материалы по грамматике и лексике. В грамматике даются прилагатель-

ные, местоимения, числительные, а также глагольные частицы (9 лл.), по лексике — объяснения слов *лотос*, *бирюза*, *лекарство* (7 лл.) и, наконец, имеется тетрадь служебных частиц и текстов к ним (39 лл.).

Подобного рода лексико-грамматический материал носит оригинальный характер и в опубликованных работах по тангутскому языку отсутствует.

Раздел IV

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ТАНГУТОВЕДЕНИЯ

21. Культ небесных светил в тангутском государстве, 3 тетр. (93 лл.).

Текст доклада, прочитанного в 1931 г. в Государственном Эрмитаже (имеется протокол заседания).

22. Тангутская письменность и ее фонды (тезисы), 2 лл., статья (31 лл.), гранки статьи (10 экз.)¹.

23. Китайско-тангутский хронологический указатель, 20 лл.

Состоит из нескольких граф и имеет своей целью перевод тангутских хронологических дат на китайские. Эти графы: год, цикл, название тангутских годов правления, прозвище, имя императора. Полностью заполненной является только вторая графа, остальные заполнены частично.

24. Заметки о тангутском государстве, 5 лл. (о происхождении и административном его устройстве).

25. Новая работа по тангутоведению, 8 лл.

Статья, написанная для Института востоковедения АН СССР. Это рецензия на издания Пекинской национальной библиотеки по вопросам тангутоведения (Бюллетень библиотеки за 1931 г.). Даются перечень и краткая аннотация статей и их научной значимости.

26. Конспект одной из статей по тангутскому языку китайского лингвиста Ван Цзин-жу, 1 л.

Раздел V

ТАНГУТСКИЕ ТЕКСТЫ И ИХ ПЕРЕВОДЫ

27. Текст, русский перевод, китайский эквивалент, комментарии и словарь, а также разные заметки о сутре *Satyadvayavatāra*, 5 тетр. (69 лл.).

28. Текст, русский перевод, китайский эквивалент и различные заметки о сутре *Ārya-Mahāsahasra-pramardanī-nāma-mahāyāna-sūtra*, 1 тетр.

29. Различные тангутские тексты с китайским эквивалентом (буддийского содержания).

1) *Mahāvaiṣṇava-buddhavatamsaka-sūtra*, 9 лл.;

2) Мяо-фа лян-хуа цзин, 4 лл.;

3) *Ārya-Maṇjuśrīnāma-saṅgīta*, 2 лл.;

4) Разные, 61 лл.

30. Переводы на русский язык сутр (фрагменты):

1) *Mahāsahasra-pramardanī-nāma*, 1 лл.;

2) *Ārya Mahāsahasra-pramardanī-nāma mahāyāna*, 2 лл.;

3) Неизвестного содержания, 3 лл.

31. Перечень буддийских сутр (тангутские названия и их китайский перевод), 10 названий, 1 лл.

¹ Статья уже опубликована и аннотированию здесь не подлежит.

32. Список буддийских терминов и собственных имен, 10 лл.
В списке даются текст тангутский, его китайский и тибетский переводы, санскритский эквивалент (не везде).
33. Перечень некоторых тангутских рукописей и ксилографов коллекции ИВ АН СССР (составлен по различным принципам).
34. Планы и проекты издания памятников Хара-хото, 9 лл.
35. Статьи (фрагменты) о тангутском фонде и тангутской письменности, 29 лл.
- 1) О тангутском фонде (заметки);
 - 2) О некоторых небуддийских ксилографах и манускриптах тангутского фонда Института востоковедения АН СССР, 2 лл.;
 - 3) О языке и письменности Си Ся, 3 лл.;
 - 4) Очерк истории тангутоведения, 7 лл.;
 - 5) Тангутская письменность и ее фонды, 8 лл.
36. Тангутские тексты китайских классиков с китайскими и частично тибетскими эквивалентами, 3 тетр. (96 лл.) + 30 лл.
- Первая тетрадь содержит тангутские тексты, переводы и китайский эквивалент изречений Мэн-цзы.
- Вторая тетрадь содержит тангутские тексты с китайским эквивалентом Лунь-юя, Лю-тао, тангутский словарь и русский перевод тангутской оды.
- Здесь же имеются:
- 1) Мэн-цзы, 1—6 лл.;
 - 2) Сунь-цзы, 7—26 лл.;
 - 3) Тангутские стихи;
 - 4) Список иероглифов (тангутских), по которым расположена Трипитака;
 - 5) Фрагменты из китайских классических книг (Лунь-юя, Ли-цзи, Лао-цзы и др.).
37. Тангутские тексты с китайским эквивалентом, а именно:
- 1) Чжэн-гуань чжэн-яо, 5 лл.;
 - 2) О достойном поведении, 13 лл.;
 - 3) Море значений, 10 лл.;
 - 4) Лес категорий, 2 лл.;
 - 5) Золотые осколки, 4 лл.;
 - 6) Записки об алтаре примирения Конфуция, 2 лл.;
 - 7) Предисловие к омофонам, 3 лл.;
 - 8) Ти-син-чжао-лин, 3 лл.;
 - 9) Хай-му, 4 лл.;
 - 10) О женщинах-мирянках (Су нью вэнь), из сборника «Вдохновенной мудрости», 4 лл.;
 - 11) Чжао-шэн, 1 л.;
 - 12) Повествование о семи достоинствах, 2 лл.;
 - 13) Гадательные кости, 3 лл.;
 - 14) Из книги «Собрание необходимого», (13 глава), 10 лл.;
 - 15) Отрывки из отдельных тангутских памятников, 43 лл.;
 - 16) Оды и поэтические произведения, 29 лл.;
 - 17) Текст надписи на воротах Цзюй юн гуань с китайским эквивалентом и санскритской транскрипцией, 30 лл. и текст сутры Ди цзан пуса бэнь юань цзин, 2 лл.;
 - 18) Тангутские тексты с китайским эквивалентом и тибетской транскрипцией;
 - а) сутра Nyāyabindu-pāṇa-prakaraṇam (только с тибетской транскрипцией), 25 лл.;

б) тангутский текст с транскрипцией и китайским эквивалентом, 18 лл.;

в) китайский перевод тангутского текста с тибетской транскрипцией (из коллекции Стейна), 33 лл.;

г) тангутский текст с транскрипцией.

19) Тангутские тексты с русским переводом и китайским эквивалентом;

а) список знаков с детерминативом «вода», 1 л.;

б) «Собрание необходимого», 3 лл.;

в) изречения, 2 лл.;

г) тексты философского содержания, 1 л.

20) Тангутские тексты с китайским эквивалентом различного содержания (разрозненные), 111 лл.;

21) Китайский текст с тангутским эквивалентом, написанным стандартным полукурсивом, 23 лл.

38. Тангутские тексты разного содержания, 2 тетр. + 27 лл.

39. Разрозненные записи различного содержания, связанные с тангутскими текстами, 1 тетр (42 лл.), 20 карт.

40. Русские переводы тангутских текстов (без текста);

1) Лунь-юй, 19 лл.;

2) Сунь-цзы, 1 л.;

3) Море значений, 2 лл.

41. Библиография работ по языкам тибето-бирманской группы, 31 карточка.

42. Библиотечные карточки на рукописи и ксилографы тангутской коллекции, 80 карт.

43. Фотокопии различных тангутских текстов, хранящихся в коллекции Института востоковедения АН СССР, 78 названий.

Как видим, архив материалов по тангутоведению представляет собой большую научную ценность. Введение его в научный оборот продвинет далеко вперед тангутоведение. Особенно важны материалы, касающиеся изучения языка тангутов. Освоение этих материалов явится предпосылкой к глубокому изучению богатейшей коллекции письменных памятников государства Си-Ся коллекции Института востоковедения АН СССР.

Кроме того, работы Н. А. Невского могут обогатить новыми данными сравнительное языкознание, дать в руки ученых новый материал для исследований в области истории китайского и тибетского (X—XIII вв.) языков и языков тибето-бирманской ветви национальных меньшинств, населяющих Китайскую Народную Республику.

Поэтому публикация законченных статей Н. А. Невского и некоторых словарей, составленных им, является одной из очередных насущных задач советского востоковедения.

Г. А. Зограф

ОТРИЦАНИЯ ПРИ ГЛАГОЛЕ В ХИНДУСТАНИ

В хиндустан и его литературных формах (хинди и урду) в роли отрицаний используются частицы *na*, *nahī* и *mat*. В подавляющей массе случаев они выступают при сказуемом отрицательного предложения. Если при этом отрицание *mat* имеет четко очерченную сферу употребления, сочетаясь только с формами повелительного и, в редких случаях, желательного наклонения, то два другие — *na* и *nahī* — используются значительно шире. Хотя и их употребление в какой-то мере зависит от формы времени и наклонения глагола, которым выражено сказуемое (при именном сказуемом — от формы связки), границы использования каждого из них более расплывчаты, и на первый взгляд остается неясным, существует ли какой-нибудь принцип, определяющий выбор того или другого отрицания. Вопрос этот освещается в грамматиках и пособиях для изучения хиндустан в самых общих чертах. Обычно отмечается, что *nahī* употребляется с формами изъявительного наклонения (главным образом настоящего и прошедшего времени), а с формами сослагательного и условного наклонений, как и будущего времени изъявительного наклонения, используется преимущественно *na*. Такое различие в их употреблении иногда объясняют тем, что *nahī* обладает большей эмфатической силой и потому применяется «для отрицания фактов, которые представляются реальными», тогда как менее выразительное *na* служит преимущественно для отрицания действий, возможных лишь в будущем, предположительных или прямо нереальных¹.

Это объяснение представляется не вполне убедительным, в частности, оно не говорит, почему с рядом форм прошедшего времени изъявительного наклонения *na* употребляется значительно чаще, чем *nahī*. Вообще, картина соотношения отрицаний *na* и *nahī* в их использовании при сказуемом оказывается несколько отличной от представленной выше².

В качестве отрицания при сказуемом *na* выступает со следующими глагольными формами:

а) с прошедшим несовершенным (*Imperfectum*), прошедшим совершенным (*Praeteritum*), давнопрошедшим (*Plusquamperfectum*) и всеми формами будущего времени (*Futurum* I, II, III) изъявительного наклонения.

¹ А. П. Баранников. Хиндустан (урду и хинди). Л., 1934, стр. 127—128, 167—169; ср. то же у E. Greaves. Hindi Grammar. Allahabad, 1921, стр. 369—370.

² Шире, чем обычно, но далеко не исчерпывающе употребление отрицаний освещено у М. Шафи (Muhammad Šafi'. Mufid urdū kampozīšan ma' grā'imar. 11 th ed. 1945, стр. 47). Здесь без определенной системы дается перечень ряда случаев использования *na* и *nahī*.

Gāw ke do-cār ādmīyō se rāste mē bhēṭ bhī hu'ī, kintu kisi ne itnā bhī na pūchā ki kahā jāte ho? Kisi ke hṛday mē sahānubhūti kā vās na thā. (Prem Cand. Prem-pūrṇimā. Kāśī, 1938, стр. 48). «Хоть и встретилось по дороге несколько человек из деревни, но никто не спросил даже: «Куда вы идете?» — Ни в чьем сердце не было места сочувствию».

Is kanyā kā abhī gaunā na hu'ā thā, ki mādho par do sāl ke bakāyā lagān kā varanṭ ā-rahūcā. (Там же, стр. 85). «Эта девушка еще не была введена в дом мужа, когда Мадхаву предъявили ордер на двухлетнюю задолженность по аренде».

Is jahān mē ko'ī śakhs aisā na hogā jis par ek-na-ek wāridāt-e 'ajib-o-gharīb na huī hogī. (Mīr Amman. Bagh-o-bahar. Allahabad, 1933, стр. 98). «В этом мире, вероятно, не найдется человека, с которым не произошло бы хоть какое-нибудь удивительное событие»;

б) со всеми формами сослагательного и условного наклонений:

Lekin afsāna mē agar raftār hī raftār ho, samt na ho, nahj muta'aiyin na ho, to afsāna ek waḥśī hirnī kī caukṛī ban-kar rah jātā hai. (Kṛiṣṇan Candar, предисл. к сб. 'Iṣmat Cughatā'ī, Cotē, Dēhli, 1949, стр. 8). «Но если в рассказе, будь в нем сколько угодно движения, не окажется направленности, четко намеченного пути, то такой рассказ превратится в прыжки дикой антилопы».

Ab yadi ek bhā'ī ko mṛtyu bhī dhamkāti to dūse ke netrō me āsū na āte. (Prem Cand. Ук. соч., стр. 84). «Теперь если бы даже одному из братьев грозила смерть, то другой бы и слезы не пролил»;

в) с повелительным (в этом случае запрещение носит менее категорический характер, чем с mat), желательным наклонением и герундивом, используемым в функции вежливого приказа:

Tū andeśa na kar. (Mīr Amman. Ук. соч., стр. 178). «Ты не беспокойся»; ср. Der mat kar! (Там же, стр. 45) «Не медли!»

Bebāqī kā to āp nām na lījī'e. (Hālī. Образцы современной прозы хиндустани, II. Л., 1930, стр. 100). «О расчете-то Вы и не поминайте».

Us kī nisbat phir aisā lafz zabān se na nikālnā. (Там же, стр. 107). «Подобным образом больше о нем не говорите»;

г) с абсолютным, причастиями и инфинитивом в роли дополнения:

Wōh apnī jān kī khayāl na kar-ke laṅge aur marne ko maujūd ho jāti hai. (Nazir Ahmad. Образцы..., II, стр. 6). «Она готова самоотверженно бороться и умереть».

Āp ke aisā na karne se mujh ko aur bhī ranj hotā hai. (Hālī. Образцы..., II, стр. 88). «Мне становится еще более неприятно, оттого что Вы так не поступаете».

Таким образом, отрицание на употребляется со всеми глагольными формами за исключением двух: настоящего времени (Praesens) и перфекта (Perfectum) изъявительного наклонения.

Следует отметить, что изредка наблюдается использование на и при указанных формах, однако эти случаи не противоречат изложенному выше, поскольку на здесь выступает не в обычной своей функции, а в роли сочинительного союза на...на, соответствующего русскому «и...и», «и не...и не».

Mujhe kisi kī hukūmat sahne kī 'ādat na hai na kabhī ho. ('Iṣmat Cughatā'ī. Cotē, стр. 42). «У меня нет и никогда не будет привычки сносить чью бы то ни было власть».

Ibtidā-e 'umr mē bacce nihāyat bebas hote hai na bolte na samajhte

na calte na phirte. (Nazir Ahmad. Образцы..., II, стр. 6). «В первые дни своей жизни дети очень беспомощны: и не говорят, и не понимают, и не ходят, и не двигаются».

Ср. Rupaye kahā se āvē, na zamīn na jāydād, na bāg na bagīcā (Prem Cand. Ук. соч., стр. 85). «Откуда взяться деньгам — ни земли, ни имущества, ни сада, ни огорода».

Как раз при двух названных формах — настоящем времени и перфекте изъявительного наклонения — в основном и используется *nahī*. На них приходится до 80—90% случаев употребления *nahī* в роли отрицания при сказуемом.

Jo ādmī dunyā ke hālāt par kabhī ghaur nahī kartā us se ziyāda ko'ī bewaqūf nahī hai. (Nazir Ahmad. Образцы..., II, стр. 5) «Нет более безрассудного человека, чем тот, кто никогда не задумывается над делами мирскими».

Agar Bāj Bahādur marā nahī hai to uṭh-kar sidhe munṣī jī ke pās jāyagā. (Prem Cand. Ук. соч., стр. 197). «Если Бадж Бахадур еще не умер, то поднявшись он направится прямо к мунши».

При формах прошедшего несовершенного, прошедшего совершенного и давнопрошедшего времени изъявительного наклонения *nahī* встречается значительно реже. Здесь определенно преобладает использование *na*.

Woh urdū nahī jāntī thī. (Kriṣan Candar. Samundar dūr hai. Bamba'i, 1948, стр. 72). «Они не знали урду».

Us ne āp ka'ī din se dāne kī sūrat nahī dekhi thī. (Prem Cand. Ук. соч., стр. 46). «Он сам уже несколько дней хлеба в глаза не видел».

В сочетании с будущим временем изъявительного наклонения *nahī* выступает лишь в единичных случаях. Подобные примеры наблюдаются весьма редко, преимущественно при прямой речи в беллетристике последних десятилетий.

(Māī) mec dekhne nahī jā'ūgā aur ek lafz kitāb kā nahī paṛhne dūga. (Iṣmat Cughtā'i. Ук. соч., стр. 18). «(Я) не пойду на матч и не дам тебе прочесть ни слова из книжки».

Следовательно, чаще всего *nahī* употребляется в тех случаях, когда в состав сказуемого должны входить формы настоящего времени глагола *honā*, выполняющего роль либо вспомогательного глагола (при глагольном сказуемом), либо связки (при именном сказуемом). Характерно, что при наличии отрицания *nahī* этот вспомогательный глагол (связка) обычно опускается¹. Утрата его наблюдается в среднем в четырех случаях из каждых пяти.

— Namāre bic jo pardā hai, use tum uṭhānā nahī cāhtī!... Thik bhi hai. Mujhe ko'ī śikāyat nahī. Par... jo satya hai, vah satya hi hai! Us se inkār bhi to nahī kiya jā saktā. (Журн. «Kahānī», 1955, № 1, стр. 202). «Завесу, которая нас разделяет, ты не хочешь поднять!.. Верно и это. Я не жалею. Но... что правда, то правда! Отказаться от этого тоже нельзя».

Ab kaurī bhar khatra nahī. (Mir Amman. Ук. соч., стр. 182). «Теперь нет ни малейшей опасности».

Har kām kī tin haiṣiyatē hotī hāi (1) kām jo khatam ho cukā hai (2) jo šurū' ho cukā hai aur khatam nahī hu'ā (3) jo abhi šurū' nahī hu'ā. ('Abdu'l-Haq. Qawā'id-e urdū. Aurangābād, 1926, стр. 79). «Существуют три состояния всякого действия: (1) действие, которое уже соверши-

¹ Ср. Н. С. Scholberg. Concise grammar of the Hindi language. 2nd ed. Bombay, 1950, стр. 228.

лось, (2) которое уже началось, но еще не закончилось, (3) которое еще не начиналось».

Ваṛī der hu'ī hai ab tak phirā nahī. (Lallu jī Lāl. Baitāl pacisi. Lāhor, стр. 59). «Большая задержка вышла — он до сих пор не вернулся».

Итак, в употреблении **nahī** при сказуемом в отрицательных предложениях заметны две характерные особенности: во-первых, оно используется преимущественно в тех случаях, когда в состав сказуемого должны входить формы настоящего времени вспомогательного глагола **honā**; во-вторых, сам вспомогательный глагол (связка) при этом очень часто выпадает. Обе они оказываются легко объяснимыми, если обратиться к этимологии отрицания **nahī**. Оно исторически восходит к формам третьего лица настоящего времени глагола-связки (< санскр. $\sqrt{\text{as}}$) с отрицанием **na**¹.

Такая отрицательная форма глагола-связки до сих пор существует в ряде новоиндийских языков, в частности в маратском, где она спрягается подобно другим глаголам.

	Ед. число	Мн. число
1 л.	mī nahī	āmhī nahī
2 л.	tū nahīs	tumhī nahī
3 л.	to (tī, tē) nahī	te (tyā, tī) nahīt

Она так же, как и положительная форма связки, применяется для образования аналитически построенных временных форм других глаголов, например настоящего времени изъявительного наклонения — **mī karīt āhē** «я делаю» и **mī karīt nahī** «я не делаю» и т. п.²

В современном хиндустани, как и в других диалектах западного хинди, где она выступает в различных фонетических вариантах³, эта отрицательная форма вспомогательного глагола сохранилась в застывшем виде, утратив во всех случаях значения лица и числа.

Этимологией отрицания **nahī**, наряду с особенностями использования его при сказуемом, объясняются также и другие примеры его употребления, в первую очередь совпадение его по значению и использованию с русским «нет», имеющим аналогичное происхождение. Так, **nahī**, но не **na**, служит самостоятельной отрицательной частицей при ответах:

Pañcō ne ek svar se kahā: nahī, nahī! āp se aisā nahī ho saktā. (Ргем Санд. Ук. соч., стр. 65). «Пятеро сказали в один голос: «Нет, нет. Вы не можете сделать такое».

Соответствие между **nahī** и «нет» наблюдается и во фразах со значением «нет чего-нибудь», где связка обычно опускается.

Mujhe is kāṁ mē candān nafa' nahī (Ḥafīzu'd-Dīn. Khirad Afroz. London, 1867, стр. 276). «Мне нет никакой выгоды в этом деле».

Abhī Kalyug kā ārambh hu'ā nahī? (Lallu jī Lāl. Ук. соч., стр. 52). «Начался уже век Кали или нет?».

Глагольной природой **nahī** обусловлен также тот факт, что оно обычно следует за словом или словосочетанием, к которому оно относится, тогда как **na** предшествует ему.

¹ G. R. Navalkar. The students, Marathi grammar. Poona, 1925, стр. 140.

² См. S. H. Kellog. Ук. соч., стр. 383.

³ A. R. Hoernle. A comparative grammar of the Gaudian languages. London, 1880, стр. 393; S. H. Kellog. A grammar of the Hindi language, 3rd ed., L., 1938, стр. 281.

Yah to āšīrvād nahī, abhiśāp hai. («Kahānī», 1955, № 1, стр. 205). «Это ведь не благословение, а проклятие».

Nam na to waḥṣī aur na jangalī. ('Iṣmat Cughtā'ī. Ук. соч., стр. 36). «Я не варвар и не дикарь».

Подобную картину можно наблюдать в построении аналогичных по содержанию двойных союзов со значением «не только, но и»: **na širf...**, **balki** и **širf...nahī, balki** и им подобных.

Ныне **nahī** все более теряет свою первоначальную глагольную семантику и все теснее сближается с **na**. Об этом свидетельствует, с одной стороны, растущее употребление вместе с **nahī** еще и глагола-связки (например, **wōh mēhnat se nahī dartā hai** «он не боится труда»), а с другой — использование **nahī** не только с формами настоящего времени и перфекта, но и с другими формами прошедшего времени изъявительного наклонения, находящее все большее распространение. В последнем случае **na** и **nahī** являются равнозначными, так как при замене одного отрицания другим во фразе не происходит сколько-нибудь заметных изменений не только в смысловом, но и в эмоциональном содержании.

Что же касается вопроса о большей выразительности отрицания **nahī**, отмечаемой в ряде грамматик, то здесь, возможно, сказалось влияние аналогии с эмфатической формой местоименных наречий типа **yahī, wahī** и т. п. Однако такое противопоставление **nahī** и **na** наблюдается в литературном языке редко. Повидимому, и **nahī** само по себе оказывается недостаточно выразительным, а потому помимо него используются еще и обычные средства экспрессии: изменение стандартного порядка слов, эмфатические частицы.

Tum suntī to ho nahī! ('Iṣmat Cughtā'ī. Ук. соч., стр. 46). «Да ты не слушаешь».

Itnā khubsūrat iskec urdā mē aur likhā hī nahī gayā. (Там же, стр. 12). «Другой такой изящный скетч на урду еще не написан».

Таким образом, можно заключить, что употребление при сказуемом отрицания **na** или **nahī** зависит прежде всего от формы глагола, которым это сказуемое выражено (или от связки). При настоящем времени и перфекте изъявительного наклонения используется только **nahī**; при остальных формах прошедшего времени изъявительного наклонения — оба отрицания, но предпочтение здесь отдается **na**; при формах будущего времени изъявительного наклонения **nahī** встречается редко, а при формах всех других наклонений оно уступает поле действия отрицанию **na** целиком.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. М. Алексеев

академик

О РОЛИ РУССКОЙ КИТАИСТИКИ XIX В. В ЛЕКСИКОГРАФИИ

Если не упоминать довольно многочисленных китайско-русских и русско-китайских словарей, заполняющих наши рукописные собрания (например, Москвы и Ленинграда), как в свое время не напечатанных, то все же нельзя пройти мимо хранящегося в Институте востоковедения АН СССР многотомного китайско-маньчжурско-латинско-русского словаря, составленного русским трудолюбивым китаистом З. Ф. Леонтьевским. Этому словарю, к стыду тогдашнего русского общества и правительства, не пришлось увидеть света¹. А между тем, совершенно несомненно, что этот словарь, будучи напечатанным (особенно задолго до словаря Кафарова, о котором будет речь дальше), сильно и существенно помог бы русским китаистам того времени, крайне нуждавшимся в таком словаре и находившимся в безвыходном положении, ибо китайско-русский словарь В. П. Васильева, о котором также будет идти речь дальше, во-первых, хронологически с этим словарем не совпадал, а во-вторых, уступал ему в полноте и потому мог быть с некоторою выгодой замещен словарем З. Ф. Леонтьевского. Кроме того, латинская часть последнего сделала бы этот словарь международным, более обстоятельным, чем его европейские предшественники, как, например, словарь С. Уэлза Уил'ямза², и в меньшей степени европеизированным. Если бы этот словарь был напечатан, то, например, позднейший словарь Джайлза³ избежал бы, по-моему, столь существенных четырехтомных нареканий со стороны известного сиолога-критика Э. Цаха⁴, который упрекал всех европейских лексикографов (Куврера, Джайлза, Палладия) именно в пренебрежении к маньчжурским переводам китайских выражений, имеющих, как он основательно это доказывал, руководящее значение: известно, что весь его критицизм базировался на этих самых маньчжурских переводах (а ими заполнен весь словарь Леонтьевского). Нужно, между прочим, отметить еще одно, с моей точки зрения, немаловажное обстоятельство, а именно — З. Ф. Леонтьевский сам владел китайской литературною речью (вэньли, вэньянь) настолько, что, как известно, пере-

¹ Одна страница этого словаря в снимке-негативе воспроизведена в моей книге «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация». Л., Изд-во АН СССР, 1932, стр. 97. К сожалению, пришлось сильно уменьшить размеры страницы с явным ущербом для ее читаемости.

² S. Wells Williams. A syllabic dictionary of the Chinese language. 1874 and 1909.

³ Herbert A. Giles. A Chinese-English dictionary. 1892 and 1912.

⁴ В его знаменитых Lexikographische Beiträge (I, II, III, IV). Peking, 1902—1905.

вел на китайский язык первые три тома «Истории государства Российского» Карамзина¹. Этим речевым достижением не владел, повидимому, ни один из вышеупомянутых составителей больших словарей — русских, английских, американских и т. д. Чувство языка в лексикографии переводного типа надо признать, конечно, и в первую очередь, именно за таким двусторонним переводчиком.

Китайско-русский словарь академика Василия Павловича Васильева, как показывает само его название² и весьма характерное предисловие к нему автора, имел в виду не столько обстоятельность русского перевода китайских слов и выражений, сколько эту самую знаменитую систему китайских иероглифов, которую покойный синолог считал чуть не ключом к постижению грамоты китайского народа.

Эта графическая система китайских иероглифов, вызвавшая различное к себе отношение, но среди иностранцев почти неизвестная (о чем следует только пожалеть), имела и имеет весьма большое значение в воспитании китайцев, к каковому делу она в первую очередь и была предназначена³. Ею достигнуто мнемоническое совершенство, за которое боролись очень многие синологи, и я лично, как уже писал об этом⁴, всецело обязан именно ей своею технической подготовкой китаиста, сообщившей мне мнемонические приемы и ассоциации, которые прочно во мне обосновались, жили и доселе живут. Зная по долголетнему опыту, какие причудливые кривые и зигзаги управляют запоминанием китайских иероглифов у русской и иностранной молодежи, не считающейся с этой системой В. П. Васильева, я, особенно в старости своей, ее очень ценю, как систему, гораздо более логическую, чем формальную и автоматическую, и более поучительную, чем система так называемых 214 «ключей» «Канси цзидяня»; впрочем, и та, как я писал в той же своей статье (стр. 8), имеет ряд достоинств. Система Розенберга-Колоколова⁵, описанная мною в той же статье (стр. 13), основанная, как об этом говорится подробно в этих словарях, на той же системе В. П. Васильева, имеет, может быть, и более крупные достоинства системы упорядоченной и усовершенствованной, но мне (и только мне лично) представляется слишком механичной, так что я в своих симпатиях остаюсь при системе В. П. Васильева и стою за включение именно ее в указатели тех китайско-русских словарей, в которых слова будут расположены по фонетическому принципу.

Однако все эти словари могут быть охарактеризованы как словари мнемонические, как словари быстрой справки, не задерживающей пристального внимания китаиста, читающего текст типа исторического и историко-литературного, даже типа справочника (Цы Хай, Цы Юань, Чжун-Го жэнь мин да цзидянь, Чжун-Го лидай да ши няньбяо и др.).

¹ Рукопись находится в коллекциях Института востоковедения АН СССР.

² В. [П.] Васильев. Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. Составлен для руководства студентов. СПб., 1867.

³ Как библиографическая редкость, эта книга давно уже замещена весьма краткою ее версией в словаре (кит.-русс.) Д. А. Пешурова (1891), но совершенно превратно представлена в «Новейшем китайско-русском словаре» А. П. Хонина (1928).

⁴ В. М. Алексеев. Современные системы современных китайских иероглифов. Сб. «Академия Наук СССР академику Н. Я. Марру», 1935, стр. 11, где между прочим, описана и самая система и ее имитация.

⁵ Arrangement of the Chinese characters according to an alphabetical system with Japanese dictionary of 8000 characters and a list of 22000 characters by O. Rosenberg. Tokyo, 1916. Краткий китайско-русский словарь по графической системе, включающий важнейшие военные термины. Составил В. С. Колоколов. Гос. Ин-т «Советская энциклопедия». М., ОГИЗ РСФСР, 1935 (и перепечатка 1946 г.).

Настоящий синологический словарь начинается со знаменитого «Китайско-русского словаря, составленного бывшим начальником Пекинской духовной миссии архимандритом Палладием¹ и² старшим драгоманом Императорской дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым. Пекин. Типография Тун-вань-гуань. 1888». Этот словарь сделал русской синологии честь. Его вряд ли можно сравнить с другими его почти-современниками — «Китайско-английским словарем Г. А. Джайлза»³ и «Классическим китайско-французским словарем Серафима Куврера»⁴, ибо, как совершенно правильно утверждал исключительный знаток китайского языка австриец Э. Цах⁵, этот словарь П. И. Кафарова превосходил все прочие по своей полноте и серьезности, и если бы другие европейцы, вместо традиционного пренебрежения к русскому языку, на котором написан словарь, приняли его к сведению и руководству, то они избежали бы целого ряда больших ошибок, обнаруженных знавшим русский язык Э. Цахом во всех этих словарях⁶ и даже в одноязычном китайском толковом словаре Цы Юань⁷. Товарищ П. И. Кафарова по буддологическим и синологическим занятиям в Пекине акад. В. П. Васильев в своей рецензии на этот словарь писал: «Это самый лучший из всех когда-либо издававшихся европейскими синологами. Важное событие в ученом мире!» Хотя речь идет только о предшественниках П. И. Кафарова (т. е. главным образом о словарях Моррисона и Уил'ямза), но едва ли эти строки не справедливы и в отношении последующих словарей Г. А. Джайлза и Серафима Куврера. Можно не заниматься принижением несомненных достоинств этих двух больших словарей, но нельзя не указать, что им в словаре Кафарова противопоставляются достоинства не меньшие, а пожалуй, даже еще большие, особенно, если считать в числе таковых глубокую искренность нашего синолога, который, будучи православным миссионером, не только не забил своих страниц, где своя рука была владыка, христианским велеречием, а совсем наоборот, дал (с моей точки зрения, даже, пожалуй, излишнюю) волю велеречиям, влогам и терминологической насыщенности в самых трудных для понимания европейца областях, как конфуцианское исповедание историзма и исторической логики, даосская философия и литургия, буддийская догматика и эсотерика, которые, конечно, свели на-нет христианскую догматику, столь обязательную, казалось бы, для автора — православного мис-

¹ Петром Ивановичем Кафаровым.

² Это «и» должным образом расшифровано в китайском заголовке: бу и, то есть «добавил своими переводами», о которых П. С. Попов говорит слишком много в своем предисловии.

³ Как уже выше упомянуто, этот «Chinese-English dictionary» появился в первом издании в 1892 г.

⁴ F. S. Couvreur. Dictionnaire chinois-francais, 1890, et Dictionnaire classique de la langue chinoise, suivant l'ordre alphabétique de la prononciation. Troisième édition. Ho kien fou, 1911.

⁵ В своей статье (E. von Zach. Einige Verbesserungen zu Palladius' «Kitaisko-Russki Slowarj». «Mitteilungen d. Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens». В. R. XII, Teil I. Tokyo, 1909) и в нескольких письмах ко мне (1930).

⁶ Так, в своей обстоятельной статье (E. von Zach. Verbesserungen zu Couvreur's Dictionnaire classique. «Sinologische Beiträge. Grammatik, Lexikographie, Übersetzungen». Batavia, 1930), ограничив себя круглой и случайной (совсем неполной) цифрой 1000, он нашел в переводах Куврера это количество (неполное) ошибок, иногда чрезвычайно крупных. Я уже упомянул о четырех томах его нареканий на словарь Джайлза. Его нарекания на словарь Палладия ограничиваются какой-либо сотней и даже носят характер не нареканий, а именно улучшений.

⁷ Там же, 680 ошибок в виде «Verbesserungen zum Shanhaier Tz'u-yüan».

сионера. Эта несомненная глубокая объективность русского ученого выразилась в ясной определенности переводов и терминологии, близкой к оригиналу, но отнюдь не экзотической; в стремлении к характеристике самого главного и существенного во всем кодексе китайской культуры, введенной, как бы, в постатейные формулы, которые почти наново называют по-русски вещи, не имевшие доселе подходящего названия. Тем более понятна и ценна эта искренность П. И. Кафарова, что он свой словарь (до вмешательства П. С. Попова), повидимому, не предназначал для опубликования, тем более, для его денежной эксплуатации, и писал, как бы, для самого себя. Особенно меня в этом убеждает словник Чжу Куй'я, о котором говорит в своем предисловии П. С. Попов и который с поразительной настойчивостью введен в словарь. Известно, что П. И. Кафаров был по излюбленной тематике и методике главным образом историк и, в частности, историк религий, и отнюдь не поэтолог, каковым он вдруг и неожиданно для знающих его оказался в своем словаре, отдав столь доминирующую дань поэтическому велеречию, гиперболе, экзотической образности, невероятной насыщенности литературными намеками и т. д., столь свойственными отборному словнику Чжу Куй'я. Кафаров, повидимому, хотел назвать точными и ясными словами почти всегда невыразимый ими поэтический образ, чтобы более его не анализировать и к нему уже не возвращаться на своем пути далекого от поэзии историка. Однако именно эта насыщенность труднейшими выражениями пленяла и пленяет тех людей, которые ищут в словаре не сложных слов китайского обиходного языка, понятных по ближайшей аналогии, а наоборот, консультаций по труднейшим вопросам. Благодаря этому словарь П. И. Кафарова остается полезным даже с переходом учащегося от переводного двуязычного словаря к толковому одноязычному. Словарь этот — иногда бич для начинающих — является в то же самое время ценным пособием, другом и наставником людей, уже давно, казалось бы, покончивших с учебным словарем, каковым надо считать словарь переводно-двуязычный. Мне в Париже приходилось не без некоторого (на первый раз) удивления наблюдать как студенты-китаисты Специального училища живых восточных языков (*École Spéciale des Langues Orientales Vivantes*) выбирали в свою программу еще русский язык (преподающийся в том же училище). Потом я понял, что они занимались этим трудным для них предметом едва ли не исключительно ради пользования словарем П. И. Кафарова. Покойный французский синолог Поль Пеллио (*Paul Pelliot*), признавая П. И. Кафарова самым выдающимся синологом XIX в., с его словарем считался более чем со всеми другими, вместе взятыми. Некоторых же неудачных русских ученых он печатно упрекал в том, что они забывают о России, как о стране Палладия, обязывающей к совершенству (*la Russie est le pays de Palladius et la noblesse oblige*). Я уже упоминал о том, как суровый для всех других синолог-критик Э. Цах был, наоборот, исключительно доброжелателен к словарю П. И. Кафарова.

П. И. Кафаров в своем словаре передает как переводчик китайские выражения прекрасным русским литературным языком, научно выдержанным в наибольшей строгости. В. П. Васильев говорит: «Сколько мы ни перевертываем страницы словаря, мы всегда встречаем чрезвычайно удачную и меткую характеристику». Во всяком случае, в этой русской части словаря П. И. Кафаров проявляет очень много самостоятельности, которую дорожат все, пользующиеся словарем. Многие из синологов (в том числе и Э. Цах) особенно охотно отмечают, что

словарь П. И. Кафарова зачастую является «последним резонансом», когда даже китайский «Цы Юань» не дает ожидаемого результата.

В резюме своей статьи о словаре ак. В. П. Васильев пишет: «Радость наша переходит в гордость. Едва ли в Европе нашелся бы синолог, который высказал в своем лексиконе такую разнообразную начитанность и ученость», да и сам Кафаров называл словарь «лебединою песнею и выразителем его воззрений на Китай во всех его проявлениях»¹.

А главное, словарь появился в ту эпоху, когда в русской синологической литературе были лишь весьма несовершенные пособия и словари, отсутствовали циклы классиков в переводах и толкованиях, оригинальные сочинения о Китае. Таким образом, роль словаря Кафарова была исключительною: он всеми своими переводами, характеристиками, терминами, выражениями и отдельными словами замещал целую большую и крайне разнообразную энциклопедию, которая по всем пунктам отличалась от других словарей-энциклопедий (Джайлза, Уил'ямза, Куврера), особенно своею искренностью, открытостью, простотой и системой воззрений на Китай, как на страну, которая перед глазами трезвого наблюдателя и тогда представляла во всем своем величии.

К величайшему сожалению, П. И. Кафаров умер, не успев закончить свой словарь. Он вышел через 11 лет после его смерти. Окончание «выпало на долю» (как об этом говорит предисловие) П. С. Попова, и это замещение «добавлявшего переводы» было неудачным. Опытный глаз различит без особого труда эти «добавочные переводы» (*бу и*), которые в философскую, исследовательскую, изобретательскую, умную, достойную мысль ввели как раз то, чего так избегал величайший синолог XIX в. П. И. Кафаров, как банального, ненужного, бесцветного, экзотического и т. д., всего того, что, цитируя словарь, не следует упоминать, так что при переиздании словаря (осмысленном, а не механическом) надо было бы печатать палладиевское особым шрифтом, чтобы не смешивать его с добавлениями Попова.

Итак, русская китаистика XIX в. сыграла значительную роль в синологии, внося свой вклад в дело ознакомления с сокровищами мысли и культуры великого китайского народа. Система иероглифов В. П. Васильева явилась мнемоническим и логическим шедевром задолго до возникновения «магнитного поля» изобретателей новых систем расположения иероглифов в словарях в Китае и Европе: она воспитала многих, в том числе и пишущего эти строки престарелого китаиста, и вызвала к жизни новые словари, по которым до сих пор учится наша молодежь. Словарь Палладия дал всем, кто «имеет очи видети и уши слышати», самую строгую и самую стройную систему китайской мысли, избежав экзотической трансплантации китаизмов и убогой европеизации тех синологов-расистов, неискренних лицемеров, словари которых держат доселе учащуюся молодежь, ими пользующуюся, в омрачении и оцепенении.

¹ Слова самого П. И. Кафарова в передаче П. С. Попова (см. его предисловие к словарю, стр. IV).

Х Р О Н И К А

О XXIII МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ВОСТОКОВЕДОВ

Очередной XXIII международный конгресс востоковедов происходил с 21 по 28 августа 1954 г. в Кембридже — одном из университетских городов Англии.

Впервые, после довольно значительного перерыва, в работах конгресса приняла участие делегация советских востоковедов. Участие советских ученых, по признанию английской печати, повысило интерес к конгрессу.

Кроме пленарных заседаний 21 и 28 августа, посвященных открытию и закрытию конгресса, состоялось еще два общих собрания, которые были посвящены: первое — докладу английского востоковеда Дж. Д. Пирсона (J. D. Pearson, библиотекарь Школы восточных и африканских исследований при Лондонском университете) на тему: «Роль библиотеки в изучении Востока» (The Role of the Library in Oriental Studies), второе (под председательством английского ученого С. Н. Филипса) — обмену мнениями на тему «История и востоковедение» (History and Orientalism). Кроме того, состоялись собрания двух востоковедных объединений: два заседания провел Международный Союз Востоковедов (The International Union of Orientalists)¹ и одно — «Урало-Алтайское общество» (Societas Uralo-Altaica. Göttingen). Это общество было основано 31 августа по решению XII съезда немецких ориенталистов. Общество, как значится в его уставе, преследует «чисто научные цели» и объединяет ученых, работающих в области уральской (финно-угорские и самоедские языки) и алтайской (тюркские, тунгусские, монгольские, корейский языки) филологии. Общество издает журнал «Ural-Altaischen Jahrbücher». Президентом Общества является д-р Венде (Бонн), вице-президентами — проф. Фаркас (Гёттинген), проф. Дени (Париж), проф. Грёнбек (Копенгаген). Советские востоковеды получили приглашение вступить в Урало-Алтайское общество и сотрудничать в его журнале.

Все участники конгресса (940 востоковедов из 40 стран), в соответствии со своей специальностью, распределялись по следующим секциям: I. Египтология, II. Семитология, III. Ассириология, IV. Иран, Армения, Центральная Азия, V. Алтаистика, VI. Тюркология (история), VII. Индология, VIII. Дальний Восток, IX, а. Исламоведение (языки; литературы; искусство), IX, б. Исламоведение (история; религия), X. Восток—Запад, Христианский Восток, XI. Африканистика.

Восемнадцать советских востоковедов выступали с докладами, которые были напечатаны на русском и английском языках и розданы участникам конгресса, во всех секциях, за исключением секций Египтологии, Семитологии, Тюркологии (история) и Исламоведения (языки; литературы; искусство).

Возможные пределы для наблюдений каждого участника конгресса определялись рамками той секции, в которой, по характеру своих научных интересов, он работал; поэтому наиболее полное впечатление я составил о работе секции алтаистики.

Секция алтаистики

Секция алтаистики приступила к работе, как и другие секции, 23 августа. В течение четырех дней (23, 24, 26, 27 августа) секция заслушала двадцать докладов в следующей очередности: Е. Э. Бертельс. Изучение истории туркменской классической литературы в Советском Союзе; А. Бомбачи (A. Bombaci, Италия). Гармония губных гласных в старо-турском языке; О. Прицак (O. Pritsak, Зап. Германия). Об одном алтайском обозначении Киева; К. М. Кулиев. Культура Советского Туркменистана; П. Аальто (P. Aalto, Финляндия). О начальном алтайском п; К. Грёнбек (K. Grönbech, Дания). Дюративные глагольные формы в мон-

¹ Принято решение о вступлении советских востоковедов в Союз.

гольском языке; В. Хейсиг (W. Heissig, Зап. Германия). О некоторых вопросах изучения монгольской литературы; Е. Хениш (E. Haenisch, Зап. Германия). Китайские многоязычные письменные памятники.

Чэрман (Churman, США). О языке афганских монголов¹; Р. Р. Арат (Reşid Rahmeti Arat, Турция). О суффиксах в турецком языке; Н. Т. Сауранбаев. К вопросу об образовании казахского языка; Л. П. Потапов. Основные проблемы изучения народов Алтая в советской исторической науке; К. С. Манди (C. S. Mundy, Англия). Актуальные задачи изучения старо-турецкого языка; М. Мансуроглу (M. Mansuroğlu, Турция). Заметки о некоторых личных именах и титулах в старо-турецком языке; Дж. Клосон (Sir Gerard Clauson, Англия). О некоторых неправильно понятых словах в тюркских языках (Turkish Ghost Words); А. Н. Кононов. О прономинализации в турецком языке; Л. Базэн (L. Bazin, Франция). Об одной неизвестной наречной частице в орхонских надписях; П. Боратав (P. Boratav, Франция). Сведения о мифологии и легендарной истории тюрков и монголов в трудах Абу Бекра, Абд-Аллаха и Айбека аль-Давадари (XIII в.); Х. К. Бауден (H. C. Bawden, Англия). Падежные окончания в моригольском языке (Case-endings in Morigol); А. Дж. Эмре (A. C. Emre, Турция). О связях тюркских и индоевропейских языков.

Этот перечень докладов дает ясное представление о тематике и направленности докладов, которые, как правило, носили исследовательский характер и были насыщены хорошо подобранным и тщательно систематизированным иллюстративным материалом. Техника филологической работы была на большой высоте; однако довольно часто, несмотря на солидную филологическую основу, доклады иностранных ученых методологически были беспомощны: филологическая техника без достаточно последовательно проведенного принципа историзма в ряде случаев не дала нужного эффекта; как бы ограничена ни была тема, она должна занимать определенное место в общем направлении исследования данного раздела научной дисциплины, то есть выводы, добытые исследованием, должны быть увязаны с узловыми проблемами, стоящими перед данным разделом науки. В силу отсутствия выводов и, особенно, организационной связи узкой темы с главными направлениями исследований, филологическая основа докладов иногда сводилась к чистой технике: техника ради техники.

Доклады советских ученых были выслушаны с вниманием и интересом; атмосфера на заседаниях секции алтаистики была непринужденной и дружеской.

Конгресс дал нам, советским востоковедам, возможность составить отчетливое представление о деятелях зарубежного востоковедения и их работе, познакомиться с библиотеками и музеями, обогатиться научным и научно-организационным опытом, который дает участие в международных конгрессах.

Устроители Конгресса — английские ученые — обеспечили четкую организацию всей работы Конгресса и оказали иностранным делегатам радушный прием.

А. Кононов

Секция исламоведения

Эта секция разделялась на две подсекции: IXа (язык, литература и искусство) и IXб (история и религия). В первой подсекции было прочитано 30 докладов, во второй — 34. Доклады читались на самые разнообразные темы, которые отражали индивидуальные научные интересы и исследования участников работ подсекций. Никаких тезисов среди слушателей не распространяли; ни стенографирования, ни протоколирования докладов не проводилось. Только члены советской делегации представили свои доклады в печатном виде на русском языке и в переводе на английский язык. Доклады не обсуждались; только после некоторых докладов кто-нибудь из слушателей задавал докладчику один-два вопроса или же кратко высказывал свои соображения в связи с докладом или по поводу доклада.

В подсекции «а» преобладали доклады, посвященные специальным и узким вопросам «мусульманского» искусства, арабской филологии и арабоязычных литератур.

В подсекции «б», в работах которой принимали постоянное участие три советских востоковеда (Е. А. Беляев, Г. Н. Ильинский и М. Ю. Юлдашев), тематика отличалась большим разнообразием. Советские участники конгресса выступили в этой подсекции со следующими докладами, оглашенными на русском языке: «Образование арабского государства и возникновение ислама» (Е. А. Беляев), «Аграрный строй Ирана» (Г. Н. Ильинский) и «Государственные архивы Хивы» (М. Ю. Юлдашев). Эти доклады своим содержанием и методологией привлекли

¹ В предварительной программе этот доклад не был указан; слово было предложено вместо одного не приехавшего на конгресс докладчика.

серьезное внимание большинства участников работ подсекции, а печатное воспроизведение этих докладов пользовалось большим спросом со стороны многих членов конгресса, работавших в обеих подсекциях исламоведения и в других секциях.

Из докладов, прочитанных зарубежными востоковедами, наиболее содержательными и интересными являлись те немногие доклады, в которых выражалось стремление исследовать экономические и социальные проблемы средневекового Востока (например, доклад К. Казна «Экономическая и социальная история средневекового мусульманского мира»), а также доклады, посвященные Ибн-Халдуну, и сообщения о втором издании «Энциклопедии ислама» в пяти томах (Гибб), о подготовке нового издания географии Идриси (Габриэли), о каталогизации арабских рукописей по медицине и точным наукам, о собирании персидских официальных документов мусульманского периода.

В ряде докладов, посвященных различным вопросам из истории мусульманской идеологии, явно проглядывала тенденция сблизить и примирить прогрессивных мыслителей и ученых средневекового Востока, таких как Ибн-Сина (Авиценна), с реакционным суфизмом позднего средневековья. Наряду с этим наблюдалось стремление преувеличить значение идеалистических концепций Платона и неоплатоников для развития арабо-мусульманской философии. Вопрос о влиянии Аристотеля замалчивался. Некоторые доклады содержали в себе типичные черты средневековой мусульманской схоластики и мистики (например, доклад крупного французского исламиста Л. Массиньона о культе Фатимы среди женщин). Характерной особенностью некоторых докладов был отказ от достижений прежнего востоковедения и попытки пересмотра этих достижений. В этом смысле особенно показательным был доклад В. Ватта «Пробелы в наших знаниях о жизни и эпохе Мухаммеда».

Многие доклады показывали наличие кризиса в современном зарубежном исламоведении. Этот кризис объясняется непригодностью идеалистической методологии для разрешения научных проблем, стоящих перед современным исламоведением.

Евг. Беллев

КОНФЕРЕНЦИЯ СИНОЛОГОВ В ГОЛЛАНДИИ

Институт востоковедения Академии наук СССР получил приглашение голландского Института синологии принять участие в 8-й конференции молодых синологов в Лейдене осенью 1955 г.

В 7-й конференции молодых синологов, проходившей с 28 августа по 3 сентября 1954 г. в Дареме (Англия), принимало участие более 50 китаеведов (преимущественно филологов и историков) от 7 стран: СССР, Англии, Голландии, Западной Германии, Италии, США и Франции.

Название «Конференция молодых синологов» не точно отражает возрастной состав ее участников. Подавляющее большинство делегатов — ученые средних лет, присутствовали и синологи старшего поколения. Название — традиционное, оно появилось в 1947 г., когда по инициативе голландских и английских молодых синологов была созвана первая конференция китаеведов в Лейдене.

Участники конференции — профессора, преподаватели, библиографы. Лица, занимающиеся только научно-исследовательской работой, составляли небольшую группу.

В работе 8-й конференции приняло участие более 110 китаеведов, представителей СССР, Китайской Народной Республики, Австралии, Англии, Германской Демократической Республики, Германской Федеральной Республики, Голландии, Индонезии, Италии, США, Франции, Японии и других стран.

В составе советской делегации были китаеведы: историк Е. Ф. Ковалев и филологи В. В. Иванов и С. Д. Маркова. От ученых Китайской Народной Республики — известные историки — профессора Цзянь Бо-цзянь и Чжоу И-лянь.

В конференции принимали участие видные западноевропейские ученые: вице-директор голландского Института синологии, историк проф. А. Ф. П. Хюльсев; историк проф. Гамбургского университета Вольфганг Франке; историк проф. Гарвардского университета Джон Фейербанк (США); историк проф. Оуэн Латтимор (США); французские историки — проф. Этьенн Балаш и проф. Жан Шено.

Конференция 1955 г., как и предыдущие собрания синологов, ставила перед собой задачу обсудить некоторые вопросы китайской истории и филологии и способствовать установлению личного контакта между учеными разных стран.

Ученые Советского Союза сделали три доклада: «Некоторые пути заимствования иностранных слов в китайском языке» (В. В. Иванов), «Китайские источники о некоторых вопросах периодизации освободительной борьбы Китая» (Е. Ф. Ковалев), «Китайская народная поэзия в период национально-освободительной войны 1937—1945 гг.» (С. Д. Маркова).

Советские китаеведы подчеркнули роль и место Китая в истории и культуре народов всего мира, необходимость разработки проблем новой и новейшей истории Китая. В докладах ученых-синологов СССР был намечен методологический подход к решению некоторых вопросов истории и филологии Китая.

Доклады советских китаеведов вызвали значительный интерес. Многие ученые подробно расспрашивали их о научно-исследовательской работе в Советском Союзе, о советских изданиях, высказывали желание побывать в Москве и Ленинграде. Советские китаеведы получили приглашение принять участие в очередной 9-й конференции молодых синологов, созываемой в Париже осенью 1956 г. Основным вопросом предстоящей конференции — проблема периодизации истории Китая.

С большим вниманием были прослушаны содержательные доклады ученых Китайской Народной Республики Цзянь Бо-цзянь и Чжоу И-ляня. Выступления китайских историков, рассказавших о достижениях отечественной истории, археологии и лингвистики, убедительно подтвердили, как плодотворна творческая жизнь нового Китая и насколько несостоятельны усилия некоторых иностранных кругов создать атмосферу скептицизма и недоверия ко всему, что делается в народном Китае.

Если судить по докладам и сообщениям, прочитанным на конференции, создается впечатление, что характерной чертой западноевропейской синологии является далекая от современности узкоспециальная тематика, имеющая, разумеется, познавательное значение, но охватывающая большей частью частные явления в общем процессе развития материальной и духовной культуры китайского народа. Вот, например, названия некоторых рефератов: «Изделия из яшмы в период Шан» (около 2000 лет до н. э.), «Буддийские храмы и храмовые праздники в Танскую эпоху» (618—907 гг.), «Некоторые замечания о выражении «лин-бао» (религиозно-философский термин) и др. Следует, однако, отметить, что эти сообщения были основаны на изучении оригинальных источников.

Отдельные исследователи делают попытки выйти из тесных рамок такой проблематики, изучить недавнее прошлое страны с позиций, близких к марксизму. В этой связи следует выделить сообщение французского синоведа Ж. Шено «Политические и экономические основы китайского милитаризма 1911—1917 гг.».

С интересом был прослушан доклад американского ученого Д. Фейербанка «Проблемы преподавания и научно-исследовательской работы в Гарвардском университете», рассказавшего о методах подготовки китайцев и о научных исследованиях по Китаю в США. Д. Фейербанк подчеркнул, что в подготовке китайцев и в исследовательской работе основное внимание уделяется приобретению учащимися экономических знаний и разработке экономических проблем современного Китая.

Контакты между учеными различных стран, установленные на конференции, были взаимопользовными и взаимобогащающими. На заключительном заседании конференции единодушно приняла предложение, внесенное французским и английским делегатами, выразившими удовлетворение по поводу участия в работах конференции ученых Китайской Народной Республики, Японии, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза и надежду, что «это дружественное и полезное сотрудничество можно будет продолжать в будущем».

Участие советских китаеведов в 8-й международной конференции молодых синоведа в Лейдене способствовало укреплению научных связей между советскими и западно-европейскими китаеоведами.

Е. Ф. Ковалев

А. А. ДРАГУНОВ

21 февраля 1955 г. на 55 году жизни скончался выдающийся советский китайвед и тибетолог, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР Александр Александрович Драгунов.

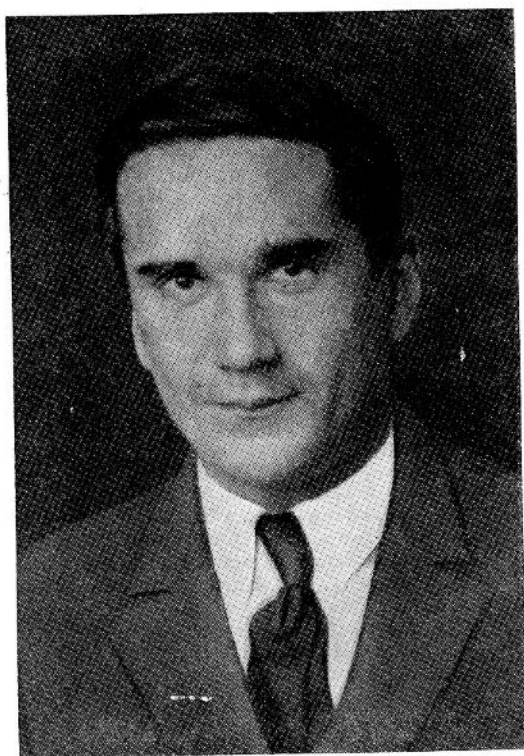
А. А. Драгунов окончил в 1925 г. Ленинградский университет, где получил солидную общелингвистическую подготовку под руководством акад. Л. В. Щербы и занимался китайским языком. Затем он прошел курс аспирантуры по общему языкознанию со специализацией по китайскому и тибетскому языкам. С 1928 г. до конца своих дней А. А. Драгунов работал в Институте востоковедения АН СССР.

Первые печатные работы А. А. Драгунова (1928—1931) были посвящены преимущественно вопросам исторической фонетики китайского языка.

Методы сравнительно-исторического языкознания в то время еще только начали применяться к китайскому языку, но за короткое время в этой области были достигнуты немалые успехи. Однако исследователи, занимавшиеся реконструкцией древнего чтения китайских иероглифов, в основном ограничивались в своей работе использованием китайских материалов (древних китайских словарей, таблиц рифм, современных китайских диалектов и т. п.); иноязычные источники использовались реже и считались менее надежными, имеющими только вспомогательное значение.

А. А. Драгунов в статьях «Памятники квадратного письма и древнемандаринский язык» и «Персидская транскрипция древнемандаринского языка» первый систематически исследовал две группы не-китайских источников — транскрипцию китайских слов так называемым «квадратным алфавитом» Пагба-ламы и арабским алфавитом — и восстановил фонетическую структуру китайского языка XIII—XIV вв. Эти работы А. А. Драгунова положили начало целому ряду аналогичных исследований, посвященных различным эпохам истории китайского языка (Ло Чан-пэй, М. Левицкий, Г. Чонгор).

В первой из названных выше работ А. А. Драгунов доказал, в частности, что памятники квадратного письма отражают не старое искусственно восстановленное по словарям чтение иероглифов, а живое произношение китайского языка в эпоху монголь-



А. А. Драгунов

ского завоевания. Эти памятники и персидская транскрипция представляют два разных китайских диалекта: в первом из них еще сохранилось различие между звонкими и глухими взрывными согласными, во втором — система взрывных совпадает с современной.

В 1929—1936 гг. А. А. Драгунов принимал деятельное участие в работе по созданию алфавитной письменности для китайского и дунганского населения СССР и по ликвидации неграмотности среди китайцев советского Дальнего Востока. Научная работа, которую он тогда вел, была в значительной степени связана с практическими вопросами, возникавшими при составлении букварей, грамматик и других пособий для китайцев и дунган.

В это время А. А. Драгунов особенно много занимался китайской диалектологией. В частности, им была открыта особая группа китайских диалектов — диалекты центрального Китая (пров. Хунань), впоследствии получившие в китайской лингвистической литературе название диалектов Сян. Фонетическому описанию трех диалектов этой группы посвящена статья А. А. и Е. Н. Драгуновых «Диалекты Сянтань и Сянсян (Хунань)». Группа диалектов Сян оказалась самостоятельной диалектологической единицей, отличающейся от известных прежде четырех групп китайских диалектов, хотя некоторые признаки и приближают ее к диалектам У (пров. Цзянсу и Чжэцзян).

Другие диалектологические записи А. А. Драгунова и некоторые его работы по диалектологии (в том числе диалектологическая карта провинции Шаньдун) остались неопубликованными.

С работой по ликвидации неграмотности среди китайцев СССР связаны и первые исследования А. А. Драгунова в области китайской грамматики. В 1934 г. им была написана в соавторстве с Чжоу Сун-юанем «Начальная грамматика китайского языка» (на китайском языке; впоследствии она неоднократно переиздавалась в Китае), предназначенная для учащихся-китайцев.

В этой грамматике А. А. Драгунов впервые сформулировал свою точку зрения на проблему частей речи в китайском языке. «Эта грамматика, — подчеркивается в предисловии, — отличается от всех существующих учебников грамматики китайского языка, в которых части речи разграничиваются только по смыслу, или же утверждается, что части речи китайского языка «неопределенны», поэтому вообще невозможно говорить об их разграничении. Этот учебник грамматики последовательно основывается на представлении о частях речи как о «грамматической классификации слов»¹. А. А. Драгунов считал возможным и необходимым указывать не только смысловые, но и формальные признаки отдельных частей речи. Эта точка зрения впоследствии была развита им в статье «Части речи в китайском языке», написанной в соавторстве с Е. Н. Драгуновой, и в ряде других работ.

Кроме китайской грамматики, А. А. Драгунов разрабатывал также грамматику языка советских дунган. Он придавал большое значение сравнительному изучению языка дунган (в основе которого лежат китайские диалекты провинций Ганьсу и Шэньси) и китайского языка, указывая, что многие фонетические и грамматические процессы, которые в китайском национальном языке только намечаются, получили гораздо более полное развитие в отдельных северокитайских диалектах. Описанию основных особенностей языка дунган А. А. Драгунов посвятил специальную статью «Дунганский язык», также написанную в соавторстве с Е. Н. Драгуновой. В монографии «Исследования в области дунганской грамматики» А. А. Драгунов, исследуя систему дунганских глагольных форм, последовательно проводит сравнение описываемых им явлений с аналогичными явлениями китайского языка.

Из других языков китайско-тибетской семьи А. А. Драгунов изучал тибетский и тангутский. Некоторые вопросы исторической фонетики этих языков он рассматривает в статьях «Биномы типа *ни-цау* в тангутско-китайском словаре» и «Особенности фонологической системы древнетибетского языка». Эти работы в области тангутоведения и тибетанистики важны тем, что готовят почву для создания сравнительной грамматики китайско-тибетской языковой семьи.

В течение ряда лет А. А. Драгунов преподавал китайский язык в Ленинградском государственном университете. За это время им был подготовлен и прочитан ряд теоретических курсов. Курс лекций, читавшийся А. А. Драгуновым в 1937—1939 гг., лег в основу его большой неопубликованной работы «Грамматическая система современного китайского разговорного языка». Как подчеркивает автор в предисловии, особенности этой работы состоят в том, что, во-первых,

¹ А. Драгунов и С. Чжоу. Начальная грамматика китайского языка. Москва—Хабаровск, 1934, стр. 3.

в ней устанавливаются и четко разграничиваются структурные единицы китайской речи, а во-вторых — все изложение грамматики в ней базируется на теории частей речи. Изложение грамматической системы китайского языка А. А. Драгунов начинает с очерка его фонетики. Очерк этот отличается от других аналогичных работ, имеющих на русском языке, тем, что в нем дано не только описание отдельных звуков, но и представлена фонологическая система китайского языка. Далее автор переходит к описанию структурных элементов китайской речи, устанавливая в применении к китайскому языку понятия корня, слова и словосочетания и указывая грамматические признаки каждой из этих единиц. Затем следуют специальные разделы, посвященные частям речи и вопросу о структуре слова и словообразовании, где подробно исследуются система частей речи китайского языка, производные части речи (отглагольное имя, отыменное прилагательное и т. п.), система служебных слов и превращение знаменательных слов в служебные, структура сложных слов, различные типы удвоения корня, морфологическое оформление слова (аффиксация). Наконец, почти половина работы отводится вопросам синтаксиса. А. А. Драгунов рассматривает структуру предложения и основные типы предложений в китайском языке, а также посвящает специальные главы описанию отдельных членов предложения.

Во время Великой Отечественной войны А. А. Драгунов сначала продолжал работать в Ленинграде, а затем был эвакуирован в Ташкент. Там, исполняя обязанности ученого секретаря Института востоковедения АН СССР, А. А. Драгунов принимал деятельное участие в восстановлении Института на новом месте. Он был также одним из инициаторов организации в Ташкенте филиала Отделения литературы и языка АН СССР и до возвращения в Ленинград состоял секретарем этого филиала.

Основным объектом исследований А. А. Драгунова во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы была грамматика современного китайского языка, отдельным вопросам которой он посвятил ряд статей. В 1945—1950 гг. А. А. Драгунов одновременно с работой в Институте востоковедения продолжает педагогическую деятельность в Ленинградском государственном университете. В своей научной работе ему приходилось преодолевать сопротивление представителей господствовавшего в то время в советском языкознании так называемого «нового учения» о языке. А. А. Драгунов был одним из тех немногих советских востоковедов-лингвистов, которые и в тогдашних условиях строили теоретическое преподавание языка в университете на основе сравнительно-исторического метода. А. А. Драгунов знакомил студентов с основами научного изучения истории китайского языка. Грамматические взгляды А. А. Драгунова также не испытали на себе влияния китаистов — сторонников «нового учения», требовавших заменить китайскую грамматику внеязыковыми «понятийными категориями».

В 1952 г. А. А. Драгунов опубликовал большой труд «Исследования по грамматике современного китайского языка, ч. I, Части речи». В этой монографии он вновь возвращается к вопросу о частях речи в китайском языке, показывая их многообразные связи со всеми сторонами грамматического строя китайского языка.

Части речи А. А. Драгунов определяет как общие лексико-грамматические категории. Лексико-грамматические категории (в отличие от собственно грамматических категорий, таких как время глагола, число существительного и т. п.) представляют собой группы слов, объединяемых общим основным значением и одинаковыми грамматическими признаками. Наиболее широкие из этих групп, подчиняющие себе остальные, называются частями речи.

Грамматические признаки частей речи могут быть весьма различны; однако для китайского языка важнейшим из этих признаков является неодинаковая способность слов, принадлежащих к разным частям речи, употребляться в функции того или иного члена предложения или сочетаться со словами других категорий и с различными служебными элементами. Например, существительные характеризуются, с одной стороны, общим основным значением (предметность), а с другой — тем, что они не могут быть бессвязочным сказуемым, не сочетаются с наречиями, но зато употребляются в функции подлежащего и дополнения и сочетаются с предлогами. Грамматические критерии для разграничения частей речи, предложенные А. А. Драгуновым, используются в настоящее время многими китайскими учеными; большинство китайских грамматистов считает важнейшим основанием классификации слов по частям речи способность их употребляться в составе тех или иных грамматических конструкций. В то же время А. А. Драгунов проанализировал некоторые морфологические особенности отдельных частей речи, оставшиеся до него незамеченными. В частности, он указал на неодинаковое образование формы удвоения от глаголов и от прилагательных как на формальный признак, помогающий различать эти две лексико-грамматические категории.

Идеи А. А. Драгунова об удвоении как морфологическом признаке частей речи в китайском языке в настоящее время развивает в Китае проф. Юй Минь.

Подробно описывает А. А. Драгунов систему частных лексико-грамматических категорий, то есть более дробных группировок слов, выделяемых внутри каждой части речи. Частные лексико-грамматические категории имеют формальные признаки примерно того же порядка, что и части речи. Например, внутри категории существительного выделяются: названия единиц измерения (признаком которых является то, что они, в отличие от других существительных китайского языка, непосредственно сочетаются с числительными), термины родства (характеризующиеся тем, что личное местоимение в функции определения при них остается не-оформленным), категория места и времени (слова, относящиеся к этой категории, могут быть в предложении обстоятельством места или времени, не оформляясь с помощью послелогов) и т. п. Теория частных лексико-грамматических категорий, развиваемая А. А. Драгуновым, представляет несомненный интерес не только для китаеведения, но и для общего языкознания.

В «Исследованиях по грамматике современного китайского языка» А. А. Драгунов рассматривает, кроме того, ряд других узловых вопросов китайской грамматики. Среди этих вопросов представляет особый интерес проблема выражения «субъекта сообщения» (исходного пункта речи) и «предиката сообщения» (того нового, что сообщается в предложении, основного содержания предложения). А. А. Драгунов анализирует в своей книге ряд конструкций, с помощью которых любое слово в предложении может быть представлено в виде предиката сообщения. Эти конструкции, образующиеся с помощью связки *ши* и суффикса причастия *-ды*, были впервые описаны А. А. Драгуновым в неопубликованной работе «Грамматическая система современного китайского разговорного языка».

С вопросом о субъекте и предикате сообщения связана и последняя еще не опубликованная грамматическая работа А. А. Драгунова «К вопросу о классификации простых предложений современного китайского языка».

Необходимо подчеркнуть, что А. А. Драгунов всегда рассматривал субъект и предикат сообщения не как логические или «психологические» категории, а как категории грамматические, получающие свое выражение в строе предложения.

В 1954 г. вышла на русском языке с примечаниями А. А. Драгунова книга китайского языковеда проф. Ван Ляо-и «Основы китайской грамматики». В примечаниях А. А. Драгунов не только высказывает свою точку зрения на затрагиваемые в книге вопросы, но и знакомит читателя с различной существующей по этим вопросам литературой, как русской, так и китайской, а также широко использует материалы, приводимые проф. Ван Ляо-и в других его грамматических работах.

В последние годы А. А. Драгунов предполагал опубликовать серию статей, в которых излагались бы основные положения некоторых отраслей китайского языкознания, давно общепризнанные в Китае, но у нас неизвестные даже многим специалистам. Смерть помешала ему осуществить этот замысел.

Была подготовлена только одна работа, посвященная фонетической системе современного китайского языка, первая часть которой (написанная совместно с Е. Н. Драгуновой) напечатана в журнале «Советское востоковедение» под названием «Структура слога в китайском национальном языке».

Примерно те же цели преследовала неопубликованная статья А. А. Драгунова по лексикологии «Макет учебного (малого) китайско-русского словаря (слов *гань*)». В этой работе А. А. Драгунов дает пример практического применения достижений современной китайской лексикологии, не используемых в наших китайско-русских словарях. В макете словаря, составленном А. А. Драгуновым, последовательно разграничиваются морфема и односложное слово, слова сопровождаются не только стилистическими, но и различными грамматическими пометами, отмечаются особенности произношения отдельных слов (суффикс *-р*, не всегда передаваемый на письме, «легкий тон» и т. п.).

До последнего дня жизни, будучи тяжело больным, почти не вставая с постели, А. А. Драгунов все же не прекращал многообразной научной и общественной деятельности. Он возглавлял комиссию, разрабатывавшую проект новой письменности для советских дунган. Войдя в состав редакционной коллегии журнала «Советское востоковедение», он провел большую работу по подготовке первых двух номеров этого журнала. Главное же, он отдавал много времени и сил подготовке молодых научных кадров — делу, которому он всегда придавал огромное значение. Не только аспиранты, работавшие под его руководством, но и имевшие других официальных руководителей, всегда получали у него деловой совет и дружескую помощь. Ученики А. А. Драгунова работают сейчас во многих востоковедческих учреждениях СССР.

Среди учеников А. А. Драгунова не последнее место занимают представители дунганского народа. А. А. Драгунов был не только виднейшим дунгановедом-теоре-

тиком; на протяжении всей своей научной деятельности он поддерживал теснейшую связь с дунганами советской Средней Азии, содействовал поднятию их национальной культуры — развитию дунганской литературы, издательского дела, начального обучения на родном языке. А. А. Драгунов приложил немало усилий к тому, чтобы подготовить дунганские национальные кадры — от школьных учителей до кандидатов наук.

Во всех областях китайского языкознания А. А. Драгунов оставил блестящие исследования, неизменно имеющие не только специальное, но и общелингвистическое значение. Его труды хорошо известны в Китае, некоторые из них переведены на китайский язык. Совсем недавно в Китае был осуществлен перевод основной части монографии А. А. Драгунова, посвященной проблеме частей речи (напечатан в журнале «Чжунго юйвэнь»). Имя А. А. Драгунова произносится с уважением и в других странах, везде, где изучается китайский язык; это — одно из имен, составляющих славу советского востоковедения.

А. А. Драгунов обладал замечательной способностью подходить к заинтересовавшему его вопросу с новой, неожиданной стороны; в своих работах он не только сообщал нечто новое, прежде неизвестное науке, но открывал совершенно новые пути и перспективы исследований. В то же время он всегда тщательно аргументировал свои выводы, не оставляя ни одного положения недоказанным. Того же он требовал и от других, в первую очередь от своих учеников, в которых он неустанно воспитывал чувство ответственности перед советской наукой.

Светлый образ А. А. Драгунова навсегда останется в нашей памяти.

С. Яхонтов

А. А. Драгунов

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ПЕЧАТИ

I. Грамматика китайского языка

1. Начальная грамматика китайского языка (на китайском языке, совместно с Чжоу Сун-юанем). Хабаровск, 1934 (изд. 1-е, 119 стр.), 1935 (изд. 2-е, 115 стр.).
- 1-а. Переиздана в иероглифическом виде под ред. проф. Вэй Луня в Тайюане в 1936 г.
- 1-б. Переиздана в иероглифическом виде в Шанхае в издательстве «Вомыньды шу» в 1936 г. (четыре издания).
2. Части речи в китайском языке. Сб. «Советское языкознание», т. III, 1937, стр. 117—128 (совместно с Е. Н. Драгуновой).
3. Некоторые проблемы китайской грамматики. «Рабочая хроника Ин-та востоковедения АН СССР», т. II. Ташкент, 1944, стр. 23—24.
4. О зависимых членах предложения в современном китайском языке. «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка», 1946, т. V, вып. 6, стр. 484—489.
5. Категории зависимой и независимой предметности в современном китайском разговорном языке. Сб. «Советское востоковедение», т. VI, 1949, стр. 102—119.
6. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.—Л., 1952, 231 стр.
- 6-а. То же, на китайском языке. «Чжунго юйвэнь», 1955—56, № 31—40.
7. Предисловие и примечания к русскому переводу книги Ван Ляо-и «Основы китайской грамматики», вышедшему под ред. А. А. Драгунова и Чжоу Сун-юаня. М., 1954.

II. Диалектология и латинизация

8. К латинизации диалектов Центрального Китая. Диалекты Сянтань и Сянсян (Хуань). «Изв. АН СССР. Отд. общ. наук», 1932, стр. 239—269 (совместно с Е. Н. Драгуновой).
9. Дунганский язык. «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. VI, 1938, стр. 117—131 (совместно с Е. Н. Драгуновой).
- 9-а. То же «Archiv Orientalní», т. 8, 1936, № 1.
10. Исследования в области дунганской грамматики. 1. Категория вида и времени в дунганском языке (диалект Ганьсу). «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», т. XXVII, 1940, 86 стр.

III. Фонетика современного китайского языка

11. Структура слога в китайском национальном языке. «Советское востоковедение», 1955, № 1, стр. 57—74 (совместно с Е. Н. Драгуновой).

IV. Историческая фонетика китайского языка

12. Contribution to the Reconstruction of Ancient Chinese. («К реконструкции древнекитайского языка»). «T'oung Pao», Leyden, 1928.
- 12-а. То же, на китайском языке, в «Изв. Китайской Академии наук. Отд. истории и филологии», т. III, вып. 2, 1931.
- 12-б. То же, на китайском языке, в «Журнале франц.-кит. Университета», т. V, вып. 2, 1936.

13. Памятники квадратного письма и древнемандаринский язык. «Изв. Отд. гуманитар. наук АН СССР», 1930, № 9, стр. 627—647, и № 10, стр. 775—797.
14. Древнемандаринский язык в персидской транскрипции. «Изв. АН СССР. Отд. общ. наук». Л., 1931, № 3, стр. 359—375.

V. Тибетский и тангутский языки

15. Биномы типа *ни-цзэ* в тангутско-китайском словаре. «Доклады АН СССР», 1929, стр. 145—148.
16. Репензия на книгу W. Simon. Tibetisch-chinesische Wortgleichungen, 1930. «Orientalistische Literaturzeitung», 1932, № 12, стр. 1085—1090.
17. Особенности фонологической системы древнетибетского языка. «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. VII, 1939, стр. 284—295.
17-а. То же, издано в Китае на англ. языке в сб. б. Ин-та истории и языка Китайской Академии наук, т. VII, 1936, вып. 2.
17-б. То же, после освобождения переведено на кит. язык и издано б. Западно-китайским университетом в «Чжунго вэньхуа яньцзю хуэйкань» («Сборник исследований по китайской культуре»).

VI. Статьи и заметки справочного характера

18. Китайский язык. Сб. «Китай». М., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 343—350.
19. Китайский язык и письменность. «БСЭ», изд. 1-е, т. 32, 1936, стр. 759—762.
20. Китайский латинизированный алфавит. Журн. «Революция и письменность», 1931.
21. Дунганский алфавит. Там же, 1932.
22. Карлгрэн. «БСЭ», изд. 1-е, т. 31, 1937, стр. 581—582.
23. Конради. «БСЭ», изд. 1-е, т. 34, 1937, стр. 31.

VII. Переводы

24. Дунганская сказка. Сб. «Сказки народов Востока». М., Ин-т востоковедения АН СССР, 1937.
-

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	Стр.
<i>Б. К. Пашков.</i> Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности	3
<i>П. И. Кузнецов.</i> К вопросу о перифрастических формах турецкого языка . .	19

СООБЩЕНИЯ

<i>А. С. Бархударов.</i> Словообразование в современном литературном хинди . .	34
<i>Г. А. Зограф.</i> Хинди, урду и хиндустани (об употреблении терминов) . . .	49
<i>М. Н. Орловская.</i> Основные именные части речи в монгольском языке (имена существительные и прилагательные)	56
<i>З. И. Горбачева.</i> Материалы по тангутоведению архива востоковедов Института востоковедения АН СССР	66
<i>Г. А. Зограф.</i> Отрицания при глаголе в хиндустани	73

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>В. М. Алексеев.</i> О роли русской китаистики XIX в. в лексикографии . . .	79
---	----

ХРОНИКА

О XXIII международном конгрессе востоковедов	84
Секция алтаистики (<i>А. Н. Кононов</i>)	84
Секция исламоведения (<i>Е. А. Белая</i>)	85
Конференция синологов в Голландии (<i>Е. К. Ковалев</i>)	87
<i>А. А. Драгунов</i> (<i>С. Е. Яхонтов</i>)	89
<i>А. А. Драгунов.</i> Список научных работ, опубликованных в печати	94

Краткие сообщения Института востоковедения, вып. XVIII

Утверждено к печати Институтом Востоковедения Академии наук СССР

Редактор издательства *М. В. Лазова*. Технический редактор *Т. В. Полякова*
 РИСО АН СССР № 80-97В. Сдано в набор 14/XII 1955 г. Подп. в печ. 22/VI 1957. Формат
 бум. 70 × 108^{1/16}. Печ. л. 6-8,22. Уч.-изд. лист. 8,3. Тираж 1800. Изд. № 1325. Тип. зак. 378.
 Т-05323.

Цена 5 р.

Издательство Академии Наук СССР. Москва, Подсосенский пер., д. 21

1-я тип. Издательства АН СССР, Ленинград. В. О., 9-я линия, дом 12.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
18	17 сл.	ляо-чжай чжи-и	Ляо-чжай чжи-и
28	8 сл.	Bağryanık	Bağryanık
37	26 сл.	'ajayab	'ajāyab
38	15 сл.	dešitrā	dešitra
43	10 сл.	din-raṭ	din-rat
45	2 сл.	baṭiyā	baṭiyā
48	3 сл.	и.-а.	а.-и.
49	1 сл.	Dhirendra	Dhirendra
67	18 сл.	чжунч жу	чжун чжу
77	сноски	1	2
		2	3
		3	1
77	10 сл.	hu'a	hu'a yā
87	14 сл.	намечен	показан
96	20 сл.	Е. К. Ковалев	Е. Ф. Ковалев